РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ

ВИТАЛИЙ НИКОЛЬСКИЙ

АКВАРИУМ-2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — генерал-майор в отставке — прослужил в системе Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба более 30 лет. Он правдиво рассказал, что видел и пережил на своём военном веку. Перед читателем Предстаёт совсем другое ГРУ, чем в скандально известной книге, которую написал несколько лет назад бывший сотрудник военной разведки майор Владимир Резун (литературный псевдоним — Суворов), изменивший Родине и присяге и бежавший в Великобританию.

- Никольский В
  - Необходимое авторское пояснение
  - Счастливые и страшные тридцатые
  - Обезглавленная разведка
  - Война: самый трудный год
  - Гибель резидеытуры «Паскаля»
  - Агентура на конвейере
  - Сталинград — символ надежды
  - Когда больную голову лечат ее отсечением
  - По дорогам Польши
  - Тайные операции на берегах Дуная
  - Секреты НАТО в мусорном ящике
  - Под «крышей» посольства
  - Шпиономания по-шведски
  - Дело Стига Веннерстрёма
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Никольский В
АКВАРИУМ-2
(Рассекреченные жизни)

Светлей памяти моей незабвенной супруги, дорогой помощницы, делившей со мной все радости и горести жизни, Евдокии Андреевны Никольской — посвящается

Необходимое авторское пояснение

Аквариум (от лат. аква — вода): 1) сосуд для содержания и разведения водных животных и растений; 2) учреждение, где содержатся представители морской и пресноводной фауны и флоры с целью их изучения и демонстрации.

Большой энциклопедический словарь

Я давний противник предисловия. Ведь в нем вольно или невольно предисловщик обязательно старается навязать свое мнение читателям. Это неуважительно. Люди в наше время достаточно образованны и умны, чтобы промывать им мозги. Сразу отобьешь у них охоту прочитать книгу до конца.

И все же, что касается «Аквариума-2», я считаю нужным очень коротко, не разжевывая азбучных истин, ввести читателей в историю создания своего труда.

Писать воспоминания я начал давно, лет двадцать тому назад, после того как оставил службу. Это были «Записки офицера оперативной разведки». В них я хотел рассказать о наших делах молодому поколению, которому не пришлось пережить героические и трагедийные годы Великой Отечественной войны против германского фашизма и японского милитаризма.

Но напечатать «Записки» не удалось. В журналах и газетах прошли кое-какие отрывки, с книгой же не получилось.

Так и лежала рукопись до 1993 года, когда мне попалась книга Виктора Суворова «Аквариум», наделавшая много шума и ставшая, как теперь говорят на американо-английский лад, бестселлером в нашем перманентно обновляющемся обществе. Шутка сказать: двенадцать лет все реформируемся и переделываемся, а конца не видно. И все за счет страданий нашего архитерпеливого трудяги-народа.

Но вернусь к Суворову. Оказалось, за этой дорогой сердцу каждого россиянина фамилией скрывается отвратительная личность — Владимир Резун, родившийся в 1947 году и поэтому военного лихолетья не нюхавший, ставший офицером советских вооруженных сил, сотрудником Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба. Он был направлен в 1974 году в

Швейцарию «добытчиком» секретной информации, прослужил там четыре года, но затем изменил присяге, Родине и своему народу и перебежал к англичанам. Обеспечив себе безбедное существование на «туманном Альбионе» за счет продажи британской секретной разведывательной службе военных и государственных тайн Советского Союза, этот иуда с Ходынки (спешу пояснить: не все, наверно, знают, что у Ходынского поля, недалеко от станции метро «Полежаевская», расположено главное здание ГРУ) засел за сочинение книг. Выпустил он их уже с полдюжины, если не больше. И все о военной разведке, советской армии, Великой Отечественной войне — «Аквариум», «Освободитель», «Ледокол», «День М» и другие.

Честно говоря, природа не обделила отступника литературными способностями. Пишет он складно, образно, занимательно, ловко жонглируя формальной логикой, искусно смешивая факты и действительные события с полуправдой и отъявленной ложью. И люди проглатывают это привлекательное на внешний вид месиво из диких вымыслов, лихого армейского трепа и занимательных солдатских баек.

Судите сами. С чего, к примеру, начинается «Аквариум» — главная книга о ГРУ и его сотрудниках? С того, как офицер-новобранец попадает в разведку. Прежде, чем получить от него согласие, неофиту, фантазирует Резун, прокручивают фильм, как в ГРУ, этом «тайном рыцарском ордене», расправляются с разведчиком — предателем. Его живым сжигают в огромной, как в крематории, печи.

«— Он кто? — спрашивает главный герой «Аквариума» у седого полковника, принимающего его в разведуправление.

— Он? Полковник. Бывший полковник. Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За это его из организации исключили. И он ушел. Такой у нас закон. Силой мы никого не вовлекаем в организацию. Не хочешь — откажись. Но если вступил, то принадлежишь организации полностью… Итак… я даю последнюю возможность отказаться. На размышление одна минута.

— Мне не нужна минута на размышление.

— Таков порядок… Посиди и помолчи.

Седой щелкнул переключателем, и длинная худая стрелка, четко выбивая шаг, двинулась по сияющему циферблату. А я вновь увидел перед собой лицо полковника в самый последний момент, когда его ноги уже были в огне, а голова еще жила; еще пульсировала кровь, и еще в глазах светился ум, смертная тоска, жестокая мука и непобедимое желание жить…

— Время истекло. Тебе нужно еще время на размышление?

— Нет.

— Еще одна минута.

— Нет.

— Что ж, капитан. Тогда мне выпала честь первым поздравить тебя с вступлением в наше тайное братство, которое именуется Главное разведывательное управление Генерального штаба».

Вот так, не более и не менее.

Я прошу прощения за столь пространную цитату из, можно сказать, программного опуса Резуна. Но иначе трудно понять, зачем ему понадобилось забивать головы читателей такой галиматьей. Ведь любому здравомыслящему человеку ясно: это грубый, топорный гротеск на разведуправление. И очень жаль, что это кое-кому нравится, кажется чем-то невероятно новым, привлекательным. Люди воображают, что автор помогает им приобщиться к тайнам, которые до сих пор хранились за семью печатями и в которые были посвящены считанные единицы сверхдоверенных персон.

А на самом деле никаких тайн нет. Все это выдумки и голая ложь, которые приятно щекочут нервы читателей.

Чего-чего, а буйной фантазии дезертира нет предела. Откуда, скажем, взялся только что изложенный эпизод с приемом новобранца в ряды военной разведки? Я совершенно случайно наткнулся на источник, из которого Резун полной мерой зачерпнул вдохновение. В сентябре 1945 года шифровальщик оттавской резидентуры ГРУ лейтенант Игорь Гузенко изменил Родине и бежал к американцам, прихватив с собой чемодан секретных документов. Предатель, как водится, обжившись на обетованной для шпионов земле, написал книгу воспоминаний «Железный занавес». В ней он красочно поведал, что не последнюю роль в его бегстве якобы сыграла установленная в советском посольстве большая печь для сжигания служебной переписки, которой, зловеще ухмыляясь, резидент НКГБ в Оттаве стращал несчастного шифровальщика. Вот откуда буйный фантазер Резун «примыслил» чудовищное устройство, где обитатели «Аквариума» уничтожают не только ненужные секретные бумаги, но и отступников-предателей.

«ГРУ — моя любовь, — клянется Резун. — Об «Аквариуме» я писал с любовью и не скрывал этого. Я зачарован красотой и мощью «Аквариума».

Ничего себе любовь, ничего себе восхищение и очарование!

В «Аквариуме» одна ложь громоздится на другую. Делает это Резун явно по заказу своих хозяев: выставить нашу службу, ее деятельность и людей в самом неприглядном виде. Это —

главное. Но есть еще кое-что.

Злобный фантазер плохо знает нашу разведку. Он мало осведомлен о ее делах. Ведь Резун в общем-то оперативник, как говорится, без года неделя. Прикиньте сами. Оставил он Родину в 1978 году, ему только что минуло три десятка лет. Занимался разведывательными делами всего четыре года. До этого учился в академии, служил в войсках. Значит, пробыл в ГРУ совсем ничего, едва азов набрался. Но как-то нужно пустить пыль в глаза людям: он, мол, знаток нашей службы. А знаний глубоких то нет. Вот и врет вероломец, говоря по-русски, как сивый мерин.

Историки, люди глубоко знающие и трезво мыслящие, сразу раскусили Резуна. «Это — мистификатор, — сказали они, — малограмотный, опасный фантазер». И не только российские специалисты, но и зарубежные, такие авторитетные и уважаемые ученые, как немецкий общественный деятель, профессор Боннского университета Ханс-Адольф Якобсен и израильский профессор Габриэль Городецкий, длительное время занимающиеся проблемами истории второй мировой войны.

Касается ли Резун разведуправления, как в «Аквариуме», или Великой Отечественной войны, как в «Ледоколе» и «Дне М», везде он идет от концепции к факту или документу, а не от факта к концепции. Собственно, достоверных фактов или документов у него почти нет. Он использует лишь то, что историки называют вторичными источниками.

Так, с упорством маньяка изменник утверждает, что Кремль своей подготовкой к нападению на Германию спровоцировал Гитлера начать превентивную войну против Советского Союза. Мы-де сами замышляли вторгнуться в гитлеровскую «третью империю», да только прозорливый фюрер нас опередил. В России многие из молодого поколения не знают: эта ложь была придумана в 1941 году фашистским ведомством пропаганды и широко распространена во всем мире, чтобы ввести в заблуждение международную общественность относительно истинных зачинщиков вооруженного конфликта. Мы, старики, об этом хорошо помним, а вот люди помоложе часто забывают или просто не знают.

Резун воспользовался этим обстоятельством и выдал наследие гитлеровского министра пропаганды Геббельса за свое «открытие». Фальшивку он ловко замаскировал второстепенными фактами. Так советские войска, стоявшие вдоль западной границы, получили яловочные сапоги. Ага! Было такое? Было. Значит, они готовились к нападению на Западную Европу. Ее в кирзовых сапогах и ботинках с обмотками завоевывать просто неприлично.

Ничего не скажешь — железная логика, доказательство неоспоримое.

А вот еще: многим советским писателям задолго до 22 июня 1941 года присвоили воинские звания и стали обучать ратному делу, готовя их к деятельности фронтовых военных корреспондентов. Следовательно, делает вывод Резун, Красная Армия собиралась напасть на Германию. Чем не убедительное доказательство коварных замыслов Кремля?!

Вот так, тасуя факты, фактики, полуправду, выдумки и ложь, сочинял свои крикливо-сенсационные труды беглый шпион Владимир Резун. А ведь он, как военный человек, прекрасно знал, что в Главном политическом управлении Красной Армии существовал 7-й отдел, который занимался вопросами пропаганды среди войск и населения противника. И там в мирное время, задолго до войны составлялись тексты всевозможных листовок, воззваний, обращений и других пропагандистских материалов, сценарии радиопередач и тексты песен. Он должен был знать, что в Генштабе в мирные дни разрабатывались самые разнообразные планы будущих сражений, которые наряду с оборонительными операциями включали и наступательные, в том числе на вражеской территории. Советская военная доктрина предусматривала, что мы никогда не начнем первыми. Нам предписывалось отразить удар агрессора, а потом перейти в контрнаступление и бить врага на его земле. Этой задаче подчинилось все военное строительство, боевая подготовка личного состава Красной Армии. В этом духе воспитывалось население Советского Союза.

Да, наш Генеральный штаб разрабатывал наступательные операции. Это входило в его обязанности, иначе он не был бы Генштабом. И это было широко известно. Так что напрасно ломится Резун в открытую дверь.

В наше время широко открылись архивы, российские и зарубежные. И нигде историки не обнаружили документов, которые свидетельствовали бы о том, что готовилась агрессия против Германии. Это непреложный факт. Но Резун прошел мимо него. Почему? Да потому, что это не укладывалось в воскрешенную им дезу Гитлера-Геббельса.

Не обратил мистификатор внимания и на немецкие документы, ныне повсеместно известные. Такие как секретная директива № 21 — план «Барбаросса» — о нападении вермахта на СССР, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 года. Уже тогда, за полгода до начала военных действий, агрессия была разработана до мелочей. А Резун в своих книгах уверяет: Гитлер не успел подготовиться как следует к наступлению на русских,

ему, мол, пришлось спешить, чтобы упредить Кремль.

Похоже, и Резуну пришлось так торопиться, что он не заглянул в изданный после войны дневник начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Гальдера. А в этом документе с величайшей точностью и аккуратностью, день за днем, подробно зафиксирована тщательная подготовка гитлеровцев к нападению на СССР задолго до роковой даты — 22 июня 1941 года.

Мистификатор игнорировал такие факты.

Чем же тогда Резун привлек к своим опусам читателей? Почему эти книги разошлись в нашей стране миллионными тиражами?

Я уже писал, что природа наделила вероломца литературными способностями и богатой фантазией. Еще раз повторю: пишет он увлекательно, красочно, изобретательно. И все же не в этом главное.

Дело в том, что Резун первым заполнил информационный вакуум, который возник у нас после начала перестройки. Речь идет о деятельности разведки, в первую очередь военной. Если о внешней разведке КГБ наше общество стали понемногу информировать с началом демократических перемен, то в отношении ГРУ россияне продолжали находиться, можно сказать, в полном неведении. А отсутствие правдивой и объективной информации приводит к распространению мифов, сказок, выдумок, небылиц. Короче говоря, к искажению истинного лица спецслужбы.

Я считаю, что в создавшемся положении, пожалуй, больше всего виноваты мы, вышедшие в отставку ветераны. Это мы должны были рассказать молодому поколению все, что можно, все, что не нарушает федеральный закон «О государственной тайне». Рассказать о наших делах и наших людях. Убедить обновленное общество Российской Федерации в настоятельной необходимости разведывательной службы для укрепления безопасности государства, обеспечения мирной жизни народа и свободы каждого гражданина.

Насколько мне известно, никто из ветеранов ГРУ, к сожалению, до сих пор не опубликовал своих воспоминаний, не поделился с людьми радостями и горестями своей нелегкой службы. Образовавшуюся информационную нишу до предела заполнил ловкий мистификатор, ненавидящий наше управление, Владимир Резун.

Вот почему я корю себя за то, что очень сильно затянул публикацию своих записок. Если бы мне удалось закончить

рукопись лет 10–15 назад, глядишь, Резун не так нагло вольничал бы у нас. Надеюсь, уважаемые читатели, вы не сочтете, что я страдаю манией величия. Нет, я отдаю себе отчет в том, что в моей книге много недостатков, в ней далеко не все сказано. И места не хватило — нельзя же издавать многопудный том: никто читать не будет. И многое еще не рассекречено. Закон есть закон, и я обязан его соблюдать, хотя некоторым издателям обязательно подавай сенсации.

Я старался рассказать о разведуправлении нашей армии и его людях, моих боевых товарищах, однокашниках и однополчанах, правдиво и объективно, показать положительные и отрицательные стороны разведки в разные периоды жизни нашего государства без прикрас и очернительства. Мне хотелось представить разведслужбу такой, какая она есть на самом деле, без выдумок и преувеличений в худшую или лучшую сторону.

Резун назвал здание, где сейчас размещается ГРУ, «Аквариумом» и вынес это слово в название книги. У некоторых моих коллег это вызвало почему-то возмущение или, по крайней мере, неприятие. А мне кажется, зря ворчат. Это самое лучшее, что придумал мистификатор. Ничего тут зазорного или обидного нет. Действительно, наша военная разведка самая молчаливая служба. И аквариум битком набит рыбами, но ничего не слышно. Тишина, ни одного громкого слова.

Поэтому я решил озаглавить свою книгу «Аквариум-2». Надеюсь, меня поймут правильно: речь идет о ГРУ, но мой «Аквариум» не имеет ничего общего с резуновским. Это «Антиаквариум» и не более того.

Пусть люди читают и сравнивают, что написано у меня, а что у Владимира Резуна. Пусть думают и делают свои собственные выводы.

Счастливые и страшные тридцатые

Летом 1937 года закончилось самое счастливое и беззаботное время в жизни каждого студента, будь он гражданским лицом или военным, — время учебы. Мы, выпускники Военно-химической академии, должны были разъехаться в разные утолки Советского Союза.

Основная масса слушателей нашего потока, получив очередное воинское звание воентехников I ранга, что соответствовало нынешнему старшему лейтенанту, назначалась в качестве помощников начальников химической службы стрелковых дивизий по технической части. Некоторые направлялись на полигоны, а еще меньше оставались в аппарате Военно-химического управления Народного комиссариата обороны и академии.

Не обошлось и без исключений. Некоторых наших коллег, кстати, не блещущих особыми талантами, но зарекомендовавших себя активными общественниками, сразу взяли на крупную партийно-политическую работу. Вскоре они стали видными государственными деятелями. Якуб Алиев, узбек по национальности, поднялся до поста министра иностранных дел Узбекской ССР; Николай Патоличев стал секретарем обкома партии, затем ЦК КПСС и министром внешней торговли СССР; Даниил Стрелянный назначен начальником ПВО Ленинграда. Ставили их на посты, о существовании которых выдвигаемое зачастую не имели ни малейшего понятия. Забирали на оперативную работу в НКВД, военную разведку, посылали парторгами на большие оборонные заводы, комиссарами военных научно-исследовательских институтов.

Десятки, если не сотни тысяч государственных и партийных работников к этому времени были уничтожены или находились в лагерях и тюрьмах в результате необоснованных репрессий, достигших в 1937–1938 годах своего апогея. Нужно было срочно заполнить вакуум в кадрах. И это проводилось зачастую наспех на основании анкетных данных, с упором на пролетарское происхождение и партийность выдвигаемого. С отсутствием опыта и знаний при назначениях обычно не считались, полагая, что это дело наживное. Слишком много вакансий было создано в громадном государственном и партийном аппарате, и число свободных мест продолжало расти во всех его звеньях. При таком огульном выдвижении создавались благоприятные условия для проникновения в государственные и партийные структуры карьеристов, перестраховщиков, стяжателей, а в лучшем случае

просто добросовестных невежд.

Зимой 1937 года, когда мы все еще трудились над дипломными работами, меня вызвали в Разведывательное управление РККА к комбригу Стигге, где, к моему удивлению, предложили по окончании академии должность в военной разведке. После беседы с оперативным сотрудником управления капитаном Вайнбергом я понял: в этом учреждении обо мне все знают, вопрос о моем зачислении практически решен, и требуется лишь мое согласие, поскольку в разведку брали только добровольцев.

Очевидно, мои предки при предварительной проверке не вызвали сомнений в надежности и добропорядочности, хотя пролетарским их происхождение назвать было явно нельзя. Матушка моя — сельская учительница, а отец — дьячок деревенского церковного прихода. Стигга представил меня комбригу Туммельтау. В разговоре со мною они обрисовали всю сложность будущей профессии, ее крайнюю важность для государства и армии, романтику пребывания на заданиях в капиталистических странах, а также напомнили о большой чести и доверии, выпавших на мою долю. Два комбрига так умело подействовали на мои патриотические чувства, что я без колебания согласился поступить на службу в это «таинственное» учреждение, куда партия и командование направляют только лучших из лучших. Когда же они заявили, что мои скромные инженерные познания будут особенно полезны на новой службе, последние сомнения в целесообразности поступления в разведку пропали, и я, заполнив несколько анкет, вышел из маленького особняка во дворе дома № 19 по Большому Знаменскому переулку в полной уверенности, что решение принято правильное. Кстати, знания инженера-химика за три десятка лет службы в разведке мне не потребовались. Весь комплекс оперативно-тактических и специальных дел пришлось осваивать в последующем самостоятельно, как говорят, без отрыва от производства.

Как мне стало известно позже, рекомендовали меня в разведку мои однокашники А.А.Коновалов и К.Л.Ефремов, попавшие в поле зрения отдела кадров разведслужбы несколько ранее.

По окончании академического курса, к моему удивлению, я был назначен приказом НКО не в разведку, а на должность помощника начальника химслужбы 43-й стрелковой дивизии, штаб которой находился в городе Великие Луки. В Разведуправлении мне сообщили, что это дело временное и пока мне необходимо ехать к месту новой службы, оставив жену в

Москве.

По наивности я не предполагал, что проверка молодого советского человека, прожившего 25 лет на виду у всех, потребует столь длительное время, а она, эта проверка, продолжалась около года. Скорее всего, дело было не в моей персоне, а в том, что за этот период были репрессированы один за другим начальники Разведуправления комкоры Урицкий, Берзин, Никонов, а затем Гендин и Орлов. Посадили как врагов народа и лиц, беседовавших с нами в РУ. Поэтому разведке было не до нас.

В ту пору мы этих деталей не знали и считали, что все идет строго по плану. Утешало также и то, что я не был одинок. Константина Ефремова, раньше меня оформлявшегося в то же ведомство, направили помначхимом куда-то в отдаленный гарнизон на Дальнем Востоке.

Летом 1937 года штаб 43-й стрелковой дивизии дислоцировался в Великих Луках, а полки и дивизионные подразделения в городах Себеж, Идрица, Опочка, Пустошка вдоль границы с Латвией. Дивизия входила в пограничное прикрытие первой линии и считалась одной из лучших в Ленинградском военном округе. Командовал ею полковник Смирнов, начальником штаба был майор Викторов, начхимслужбы, к которому я поступал в прямое подчинение, майор Степанов. Он, как и большинство старших командиров штаба, участвовал в гражданской войне. Сейчас его использовали в основном по оперативно-тактической подготовке, для работы во всевозможных комиссиях. Руководство дивизии не без оснований считало, что хим-подготовка не самый главный участок в боевой учебе. Приоритетными направлениями были политическая, тактическая и огневая подготовка. И это было совершенно правильно.

Армию в ту пору можно было в прямом и переносном смысле назвать гигантской школой, где все — от рядового бойца до старших и высших командиров — учились, причем многие не только науке побеждать, но и элементарной грамоте. Весь личный состав вооруженных сил проходил за время службы большую политическую школу и приобретал прочные знания, в практической необходимости которых ни у кого не возникало сомнений. Всячески поощрялись занятия бойцов в вечерних средних школах, а для командиров — в заочных отделениях высших учебных заведений.

Относительная малочисленность армии, которая к концу тридцатых годов не достигала миллиона человек, позволяла мобилизационным органам призывать в нее лучшую часть молодежи.

Здесь я не могу удержаться от небольшого замечания. Вдумайтесь только, уважаемые читатели: наши вооруженные силы насчитывали всего миллион, как тогда называли, бойцов и командиров. И это в то время, когда, по версии Резуна, Кремль якобы начал подготовку к превентивной войне против гитлеровской Германии. Да разве мы были в состоянии совершить агрессию? Это означало бы самоубийство.

Но продолжу свой рассказ.

Отказ в призыве на военную службу расценивался молодыми людьми как большое личное несчастье. Армейская служба была поистине почетной, к ней стремились. В военкоматы поступало большое число рапортов о призыве досрочно, особенно на флот и в авиацию. В военные училища был большой наплыв абитуриентов. Бойцы и командиры пользовались любовью и уважением народа. Можно было наблюдать, как в очередях гражданские лица пропускали военнослужащих вперед, на общественных мероприятиях им уступали лучшие места. Редких в ту пору орденоносцев провожали восхищенными взглядами. Учреждения и предприятия шефствовали над армейскими частями. Комсомол, как шеф ВМФ, направлял туда свои лучшие кадры. В обращении между трудящимися и воинами чувствовалась простота и сердечность. Граждан в военной форме, не без основания, считали наиболее грамотными в политическом и общеобразовательном отношениях, воспитанными, дисциплинированными. К ним обращались за помощью и советами.

Простая, удобная, почти одинаковая для командиров всех звания и рядовых форма одежды, со скромными, резко отличающимися от всех ранее принятых в армиях мира знаками различия, выгодно подчеркивала демократический характер вооруженных сил. Отсутствие ненужных в мирное и вредных в военное время дорогостоящих для массовых армий пестрых атрибутов формы одежды в виде эмблем, нашивок, погон, литеров, кокард, лампасов, кантов, позже введенных в нашей армии, делало ее ближе нашему простому народу, а единый для всех военнослужащих по форме и качеству головной убор — буденовка с красной звездой вместо кокарды — символизировал равенство всех воинов — от народного комиссара обороны до рядового — в выполнении своего воинского долга перед Родиной.

Непререкаем был авторитет командира для подчиненных. Он был основой сохранения высокой воинской дисциплины. Командир, как правило, был на голову выше своих подчиненных не только в военном отношении, но и в политическом, в вопросах общей культуры, жизненном опыте.

В армии почти полностью отсутствовали дисциплинарные нарушения по причине пьянства. За год службы в Великих Луках, а затем Ленинграде мне ни разу не приходилось видеть на улицах пьяных солдат, не говоря уже о командирах. Это в известной мере объяснялось тем, что среди гражданского населения употребление спиртных напитков в то время было весьма ограниченно. В части приходила молодежь, не знавшая вкуса водки, а попав в условия напряженной боевой учебы, она не чувствовала потребностей в этом наркотике. Командный состав за пьянку безжалостно увольняли из армии. Коммунисты и комсомольцы исключались из организации.

Это не значит, что не было происшествий и проступков. В многотысячном коллективе, коим является дивизия, полностью избежать их крайне трудно. Но они, как правило, не являлись злостными и в основе своей имели слабые знания уставов, низкий общекультурный уровень отдельных бойцов.

Нарушения дисциплины, особенно неповиновение и невыполнение приказаний, строго наказывались. В соответствии с дисциплинарным уставом того времени командир был обязан требовать неуклонного выполнения своего приказа. Необходимо заметить, что в 43-й дивизии случаев применения таких мер принуждения к нерадивым военнослужащим мною отмечено не было.

Органы комендантского надзора в гарнизонах тщательно следили за соблюдением всеми военнослужащими установленной формы одежды, и внешний вид как отдельных воинов, увольняемых в городские отпуска, так и подразделений, проходивших строем, был молодцеватым.

Случаи конфликтов на почве национальных различий были весьма редки и рассматривались как чрезвычайное происшествие. Представителям национальных окраин, слабо знающим русский язык и отстающим в боевой подготовке, стремились помочь и командиры и товарищи. К таким представителям братских народов прикрепляли для индивидуальных занятий наиболее подготовленных красноармейцев, и к концу службы «нацмены» мало чем отличались от остальных воинов.

Имеющие место в настоящее время случаи диких выходок старослужащих солдат по отношению к новобранцам, доходящие до унижения человеческого достоинства новичков, вымогательства у них предметов обмундирования, избиения и третирования в ту пору в армии были не известны.

Стрелковая дивизия того времени по техническому оснащению была несоизмеримо далека от того, что мы понимаем под нею теперь. В ней не было танков, почти отсутствовали

автомашины. Артиллерия и все тыловые части и подразделения передвигались на конной тяге. Дивизия была в буквальном смысле слова пехотной, хотя этот термин официально отменили. Она имела весьма ограниченную маневренность, прямо зависящую от скорости пешехода и натренированности личного состава в совершении маршей. В этом отношении дивизия мало чем отличалась от соединений первой мировой войны. Отличием была лишь несколько большая огневая мощь — значительно больше было ручных и станковых пулеметов и артиллерии. Бойцы имели на вооружении модернизированные винтовки образца 1891–1930 годов, ручные пулеметы Дегтярева, пулеметные взводы рот и пулеметные роты батальонов — станковые пулеметы Максима со станком Соколова, испытанные еще в русско-японской войне.

Связь использовалась только проводная, а также конными и пешими посыльными. Полностью отсутствовали радиосредства. Не было автоматов, минометов и бронетанкового вооружения, если не считать роты броневиков на шасси грузового автомобиля ГАЗ-2А, позже названного солдатами «Прощай, родина» за свою плохую проходимость, слабую бронезащиту и легкую воспламеняемость.

Тем не менее организация, техническое оснащение и вооружение войск казались нам, молодым командирам, верхом совершенства. И действительно, на учениях полностью укомплектованная дивизия из трех стрелковых и одного артиллерийского полков виделась нам грозной силой. Да и наши старшие товарищи и начальники, участники гражданской, а некоторые и первой мировой войн, воспитанные на героике Красной Армии, когда она, слабо вооруженная, раздетая и голодная, одерживала блестящие победы над врагом, считали, что при таком оснащении наши вооруженные силы надежно защитят Советский Союз от любого врага и война, если ее развяжут империалисты, будет проходить на их территории в течение короткого промежутка времени и закончится полным разгромом противника.

От бойцов до старших и высших командиров — все воины считали, что трудящиеся капиталистических стран в случае опасности вооруженного столкновения агрессора с СССР единодушно выступят в защиту первого в мире пролетарского государства. Занятия с командирами по изучению армий основных капиталистических стран почти не проводились и их вооружение практически не знали. В обществе, особенно в военных кругах, господствовало официальное мнение, что все советское самое передовое и лучшее. При этом имелся в виду не

только общественный строй, но и техника, организация труда, состояние науки, ткани, моды, самолеты, авторучки, автомашины, иголки… Короче говоря, все и вся.

Конечно, узкий круг партийно-советских и военных руководителей был осведомлен о бурных темпах перевооружения армий капиталистических стран. Но наши «вожди» и их окружение не находили нужным честно информировать народ о военно-технической отсталости советского государства и жестоко пресекали слухи о техническом превосходстве армий буржуазных государств.

Официальная пропаганда показывала лишь слабые стороны наших вероятных противников. Не случайно комсостав 43-й дивизии продолжительное время изучал латвийскую, эстонскую и финскую армии, которые по своей организации и вооружению не относились к числу передовых. Выступление Карла Радека[1] о предстоящем экономическом крахе фашистской Германии, доклады Дмитрия Мануильского[2] об углублении всеобщего кризиса капиталистической системы были весьма популярны в то время и им верили. К сожалению, лишь после начала второй мировой войны мы убедились, как далеко было желаемое от действительного.

Проникающие в армейскую среду сведения о готовящемся нападении на нашу страну фашистской Германии, ее военной мощи, расколе немецкого рабочего класса и о том, что большинство одурманенных националистической пропагандой немцев поддерживают Гитлера, считались провокационными, с распространением их боролись, как с пораженческими слухами, и за разговоры на эти темы можно было попасть в категорию «врагов народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Жизненный уровень среднего командного состава РККА в тридцатые годы не превышал уровня высококвалифицированного рабочего. Никаких надбавок за воинские звания не было. Выплачивался лишь должностной оклад. С учетом удержаний облигации государственного займа, членских взносов в комсомол или партию на жизнь оставалось не так уж много. Посещать рестораны, тем более устраивать кутежи командиры в те годы не могли.

Скромность денежного содержания военнослужащих в известной мере компенсировалась выдачей довольно обильного бесплатного продовольственного пайка, включавшего в себя все необходимое: от мяса и масла до соли и специй. На этот паек с некоторой дотацией, при скромных потребностях, можно было спокойно прожить вдвоем.

Командный состав получал также бесплатно полный

комплект обмундирования и снаряжения по летнему и зимнему плану. При экономной носке его не только хватало на установленные сроки, но и некоторым удавалось выделить кое-что для жен. Боевых подруг командиров нередко можно было узнать по юбкам из темно-синего сукна, выдававшегося на брюки их мужьям, пальто из перекрашенного шинельного драпа или сапожкам из армейского кроя.

Плохо обстояло дело с обеспечением жильем. В нашей дивизии даже семья начальника штаба ютилась в одной комнате общей квартиры. Молодежь жила в общежитиях, и даже семейные не имели подолгу перспектив получить жилье. Счастливчики снимали обывательские квартиры. Им завидовали. Жилищная проблема была весьма острой во всей стране, и военные это хорошо понимали и терпеливо со всем народом ожидали лучших времен.

Перед войной командный состав, в особенности в звеньях взвод-рота-батальон, много и самоотверженно трудился над повышением боевой готовности армии. Младший командный состав (командиры отделений, помощники командиров взводов, старшины) имел весьма низкий культурный уровень, слабую общеобразовательную и недостаточную тактическую подготовку. Это основное звено воспитателей и учителей солдат явно не справлялось со своими обязанностями. И их переносили на плечи командиров взводов и даже рот, которые из своеобразных наставников и инспекторов, призванных контролировать работу подчиненных им младших командиров, превращались в непосредственных исполнителей, решавших с солдатами весь комплекс задач по боевой и политической подготовке.

Вследствие этого командиры среднего звена были весьма перегружены повседневной работой. Они приходили в казармы к подъему и уходили после отбоя, буквально падая от усталости. Работали не считаясь со временем, не жалея себя. Но то обстоятельство, что они подменяли подчиненных, сковывали их инициативу, не развивали командные навыки, приводило к воспитанию у младших командиров неверия в свои силы, устранению их от активного процесса воспитания и обучения бойцов и объективно лишало командиров взводов и рот надежных квалифицированных помощников в мирное время. Это особенно отрицательно дало о себе знать в период войны.

Располагаясь в приграничной полосе, наши подразделения и части периодически выходили на тактические занятия непосредственно к границе с тем, чтобы освоить местность, с которой в случае войны пришлось бы наносить первый, сокрушительный удар по врагу. Иного развития событий никто не

ожидал.

Командный состав штаба часто выезжал на рекогносцировки приграничной полосы. При этом с холмов и пригорков в бинокли мы наблюдали аккуратные латвийские хутора и деревушки, лоскутные поля, иногда солдат в незнакомой форме. Там начинался враждебный капиталистический мир, от которого нас отделяла лишь узкая полоска границы, надежно охраняемая нашими пограничниками. «Советская граница на замке» — это было популярное выражение, и мы были глубоко убеждены в его реальности. Правда, в наши приграничные села иногда проходили каким-то путем подвыпившие латвийские унтеры и солдаты, действовали и контрабандисты из числа местных жителей.

Осенью 1937 года 43-ю дивизию передислоцировали в Ленинград. Это событие было встречено нашей дивизионной общественностью, особенно молодежью, с большой радостью. Понятно, Ленинград не Идрица и даже не Великие Луки.

Но многим пришлось менять личные планы, в том числе и мне. В Великих Луках я уже подыскал частную квартиру и собирался перевезти из Москвы жену. Она ждала ребенка и оставалась там, чтобы закончить последний курс техникума. Обитала моя супруга в коммунальной квартире, где занимала восьмиметровую комнатушку, полученную в ее бытность работницей Первого шарикоподшипникового завода. Однако «воссоединение семьи» не состоялось. Что делать: приказ есть приказ!

В Ленинграде штаб дивизии и две части заняли казармы бывшего Московского полка царской армии на Выборгской стороне. Много изобретательности потребовалось от дивизионных интендантов, чтобы разместить в помещениях, приспособленных для расквартирования полка, почти целую дивизию. Пришлось оборудовать казармы двухэтажными койками, сократить промежутки между ними, заселять полуподвальные помещения. Через неделю все вошло в норму, и части приступили к боевой подготовке на новых квартирах.

Дивизии нужно было осваивать новое направление — против Финляндии. В один из первых же рекогносцировочных полевых выездов командиров штаба дивизии по направлению к финской границе произошло ЧП. Конная группа штабистов, выезжавшая со двора казарм, была рассеяна… взбесившимися лошадьми. Никогда до этого не слышавшие грохота и звонков трамваев, сигналов автомобилей, они сбивались в кучу, становились на дыбы, ржали, пятились в витрины магазинов, сбрасывали из седел

седоков, не являвшихся, понятно, мастерами конного спорта и не ожидавших такой бурной реакции животных. Движение остановилось, собралась толпа зевак, некоторые из них пытались ловить испуганных коней. Несколько человек из наших командиров и гражданских лиц получили травмы. Осколками стекла от разбитых витрин была ранена часть лошадей. Выезд пришлось отменить. Долгое время мы потратили на выводку коней по оживленным улицам в поводу и с шорами до тех пор, пока они не привыкли к шуму и движению большого города.

Началась напряженная работа по боевой подготовке подразделений и частей дивизии. В дополнение к моим обязанностям по контролю за химподготовкой в войсках, приему имущества на новом месте прибавилась преподавательская деятельность. В Пушкино открылись окружные курсы младших лейтенантов химической службы и специальные предметы — тактику химподразделений, химическую разведку и другие пришлось вести нам с майором Степановым. Служба занимала 12–14 часов в сутки, и поэтому с культурными сокровищами и достопримечательностями Северной Пальмиры можно было знакомиться лишь в воскресенья и то не всегда.

Опасения наших умудренных опытом многократных служебных переброс старших товарищей оказались не напрасными. Квартир для большинства командиров в Ленинграде не оказалось. Их нужно было терпеливо ожидать, проживая тем временем на обывательских, за которые хозяева драли втридорога. Переезд жены к моему месту службы автоматически отпал. Я временно «квартировал» в кабинете командира дивизии, используя его диван в качестве койки и совмещая таким образом отдых с ночными дежурствами у телефона.

К 8 часам утра я должен был освобождать «квартиру» и вернуться в нее мог не ранее 23 часов, узнав предварительно у дежурного по штабу об убытии комдива. Во время довольно частых совещаний, которые в то время были в большой моде, полковник предупреждал не занимать кабинет, и мне приходилось «гулять» по улицам спящего города.

В апреле 1938 года мне дали двенадцатиметровую комнату в коммунальной квартире в доме по Комсомольскому переулку у Финляндского вокзала. Для меня, прожившего до двадцативосьмилетнего возраста в общежитиях, это скромное жилье показалось дворцом. До нельзя счастливый, я поспешил обрадовать жену. Она срочно собралась ко мне, сдав в Москве свою комнатку, которую немедленно заселили.

Скоро моя судьба внезапно резко изменилась. Бюрократическая машина, медленно прокручивавшаяся после

моей беседы в разведуправлении прошлым летом, сработала лишь весной тридцать восьмого. Я уже забыл

о встречах с комбригами Стигга и Туммельтау. Оказалось, их за это время осудили как врагов народа и расстреляли. Люди погибли, а дела шли своим медленным чередом. Нарком обороны подписал приказ об откомандировании К.Л.Ефремова и меня в распоряжение разведуправления РККА. Надлежало срочно сдать дела и выехать в Москву к новому месту службы.

Все мои планы снова менялись.

Любопытно, что несколькими днями позже из Наркомата обороны обо мне поступил другой» приказ, которым я зачислялся в адъюнктуру Военно-химической академии. Это немало смутило моих начальников. Они не знали, куда меня направлять, но после некоторого колебания мудро решили: Разведывательное управление сильнее и авторитетнее военно-химического. Я получил приказ следовать в РУ. Там действительно мгновенно уладили недоразумение. С разведкой никто тягаться не рискнул.

Обезглавленная разведка

Разведывательное управление Красной Армии размещалось тогда в Большом Знаменском переулке недалеко от Арбатской площади в старинном четырехэтажном здании. Оно было мало похоже на нынешний девятиэтажный полунебоскреб у края Ходынского поля, а главное, маловато. Поэтому часть подразделений разведведомства занимали несколько небольших особняков в ближайшей округе.

К середине 1938 года в военной разведке произошли большие перемены. Большинство начальников отделов и отделений и все командование управления были арестованы. Репрессировали без всяких оснований опытных разведчиков, владевших иностранными языками, выезжавших неоднократно в зарубежные командировки. Их широкие связи заграницей, без которых немыслима разведка, в глазах невежд и политиканствующих карьеристов явились «корпусом деликти» — составом преступления — и послужили основанием для облыжного обвинения в сотрудничестве с немецкой, английской, французской, японской, польской, литовской, латвийской, эстонской и другими, всех не перечислишь, шпионскими службами. Целое поколение идейных, честных и опытных разведчиков было уничтожено. Их связи с зарубежной агентурой прерваны.

В результате сталинской «чистки» почти вся разведывательная сеть за рубежом была ликвидирована. К немногим, действующим нелегально, сотрудникам относились с подозрением. Даже донесениям таких суперразведчиков, как Рихард Зорге, не верили, считая их двойными агентами, предателями, провокаторами. Сообщения о подготовке фашистской Германии к войне, начавшие уже в то время поступать в Центр, рассматривались как инсинуации британских спецслужб, преследовавшие цель столкнуть нас с немцами.

На должности начальника управления и руководителей отделов приходили новые, преданные родине командиры. Но они были абсолютно не подготовлены решать задачи, поставленные перед разведкой. В Центральном комитете партии считали, что в разведке, как, впрочем, и повсюду, самое главное пролетарское происхождение, все остальное может быть легко восполнено. Такие мелочи, как понимание государственной политики, уровень культуры, военная подготовка, знание иностранных языков, значения не имели. Это давало возможность проникать к руководству нашей «интеллигентной службой» случайным людям,

ставящим корыстные, карьеристские интересы выше государственных, или просто добросовестным невеждам. Из них особенно отрицательно проявил себя И.И.Ильичев. Будучи начальником политотдела управления, он рассматривал как потенциальных «врагов народа» всех старых сотрудников разведки, а созданную ими агентурную сеть полностью враждебной и подлежащей поэтому уничтожению.

Уже в середине 1938 года перед руководством управления во весь рост встала настоятельная задача подготовить новые кадры зарубежной агентуры, но для этого требовались годы упорной работы. Очевидно, наши начальники не вполне понимали это. Да у них и не было достаточно времени, чтобы использовать свои способности и возможности. В период с 1937 по 1941 год, как в калейдоскопе, мелькали руководители «секретной» службы РККА Берзин, Урицкий, вновь Берзин, Никонов, Орлов, Гендин, Проскуров, Ильичев, Голиков, Панфилов и опять Ильичев. За четыре года девять человек сменили один другого на должности, требующей, как нигде, преемственности, громадного объема конкретных знаний, авторитета в армии. Отсутствие у тех, кто занимал руководящие посты в разведке, уверенности в том, что они не будут завтра арестованы как «враги народа», парализовывало инициативу, создавало атмосферу перестраховки, желание оградиться визами и резолюциями руководства НКО и других директивных инстанций, тормозило работу, вызывало недоверие к получаемой из-за рубежа информации.

Когда мы, молодые командиры, прибыли в мае 1938 года на службу в разведку, управлением фактически командовал комбриг Орлов. Затем после его ареста был назначен Гендин, которого через весьма короткий срок постигла судьба предшественника. Нам, состоящим в распоряжении разведупра и готовящимся к отправке за рубеж, ничего не объясняли по поводу чехарды в руководстве. Всю пагубность огульных арестов и уничтожения цвета армии, ее высшего и старшего командно-политического состава, мы осознали значительно позже, в дни войны с фашистской Германией. В ту же пору мы безоговорочно верили в правомерность репрессий, в необходимость усиления классовой борьбы с «коварным врагом и его агентурой внутри нашей страны».

В конце тридцатых годов среднее звено оперативных работников разведки также было заменено молодыми неопытными командирами, сменившими связанных в какой-то мере с бывшим «вражеским» руководством. Управление пополнили в значительной мере выпускниками академий,

полагая, что теоретические знания могут заменить оперативный опыт. Так, на 4 отделе военно-технической разведки, в котором нам с К.Ефремовым предстояло проходить службу, начальником был назначен военинженер 2-го ранга[3] Коновалов, окончивший Военно-химическую академию двумя годами раньше нас. Начальником отделения бронетанковой техники был выпускник Бронетанковой академии Ленгник, артиллерийского — Зубанов, авиационного — Мелкишев, связи — Артемкин, военнохимического — Вахитов. Их помощниками также были выпускники академий.

Все они — энергичные, старательные командиры, преданные своей Родине. Среди оперативного состава управления в ту пору еще было много евреев: Эпштейн, Бумштейн, Финкельштейн, Мильштейн, Гутин, Соркин и многие другие. Часть из них, очевидно, наиболее дальновидная, сменила свои фамилии на русские. Нужно отметить, что все эти сотрудники отличались знанием дела и гибким умом. Они владели иностранными языками, ездили с заданиями за рубеж и казались нам, новичкам, настоящими профессорами разведывательного дела. Значительная часть их проработала до окончании Великой Отечественной войны. Лишь после нее евреев из разведупра стали постепенно увольнять.

Меня и Ефремова по прибытии в управление сразу же направили на специальные годичные разведывательные курсы — Центральную школу подготовки командиров штабов. В целях конспирации слушатели были разбиты на небольшие учебные группы, располагавшиеся на «точках» за городом. Группы не были связаны между собой, поскольку имели полностью автономные хозяйства, и поэтому обучавшиеся на разных отделениях не знали друг друга, что очень важно, поскольку слушатели готовились не только в официальный заграничный аппарат, но и на нелегальную работу.

Наша «точка» располагалась под Москвой в особняке, который скрывался в гуще деревьев и был огорожен высоким досчатым забором, окрашенным в характерный зеленый цвет, — цвет надежды. Нам казалось, что это сама судьба своим перстом благосклонно указывает путь в удачливое и большое будущее.

На «точке» имелись свои учебные кабинеты, лаборатории, спортплощадка, пищеблок на полтора десятка человек, подсобное хозяйство и все необходимое для обучения и проживания слушателей на казарменном положении.

Учебным отделением командовал полковник Егоров — старый кавалерист, не имевший ни малейшего понятия об

агентурной разведке и изучавший ее вместе с нами. Он следил за соблюдением общего распорядка, неуклонным выполнением учебного расписания и являлся связующим звеном между нами и штабом школы, располагавшимся в Москве на Гоголевском бульваре. По окончании учебы на основании характеристик, даваемых на слушателей преподавателями, начальник учебного отделения должен был составлять аттестацию с рекомендациями, где целесообразно использовать того или иного выпускника Центральной школы.

К моменту нашего прибытия на «точку» в мае 1938 года там уже в течение шести месяцев обучались наши коллеги, ранее зачисленные в разведку. Нам нужно было догнать их.

В шпионских романах подробно описано, каким экстравагантным способам обучают «рыцарей плаща и кинжала» для вербовки агентов, проникновения на тщательно охраняемые объекты, вскрытия сейфов, ликвидации своих противников с помощью всех видов огнестрельного и холодного оружия, ядов и так далее. Все это чепуха. Нам пришлось изучать далеко не «романтические» дисциплины. Это В первую очередь спецподготовку, которую вела выдающаяся советская разведчица М.И.Полякова, имевшая колоссальный опыт работы за рубежом; оперативную технику, не отличавшуюся в те времена чрезмерной сложностью; криптографию, принципы радиосвязи и фотодело. Затем страноведение — в зависимости от планов предстоящего оперативного использования, и, наконец, иностранные языки.

Мне был определен к изучению немецкий язык, на освоение которого уходило не менее пяти часов в сутки. Слабая подготовка по языку на рабфаке и в академии давала о себе знать. Успехи в его изучении у многих из нас, в том числе и у меня, были далеко не блестящие, чем, вероятно, и объяснялось в дальнейшем мое использование не на нелегальной работе, а в аппарате управления и на официальной зарубежной службе.

Марксистско-ленинской подготовке также уделялось немалое внимание, но большинству слушателей она давалась без особого труда, так как в академиях изучению общественных дисциплин отводилось много времени. Остальные, необходимые разведчику дисциплины, как топография, стрелковая подготовка, тактика, история международных отношений, физическая культура, не преподавались, поскольку полагалось, что мы должны их прочно знать после академического курса.

Все в отделении жили на казарменном положении, в город к семьям увольнения получали лишь в выходные дни. О пребывании в школе запрещалось говорить не только друзьям, но и близким родственникам. За болтливость строго наказывали

вплоть до отчисления из разведки.

Перед прибытием в учебное отделение всем слушателям меняли фамилии и выдавали гражданские паспорта. Однако длительное совместное пребывание, уплата партвзносов, получение денежного содержания и вещевого довольствия под истинными фамилиями, а также предварительное знакомство слушателей друг с другом, встречи в семьях и в городе сводили на нет этот вид конспирации, и через несколько месяцев все знали не только настоящие имена, но и биографии друг друга.

В ноябре 1938 года учеба в Центральной школе закончилась, и нас направили в оперативные отделы, по линии которых мы были привлечены в разведку. Система комплектования кадров непосредственно заинтересованными структурами имела то неоспоримое преимущество, что оперативные подразделения несли главную ответственность за отобранных кандидатов и качество их подготовки. Пока мы находились в школе, сотрудники разведуправления следили за нашими успехами и тщательно изучали личные качества, способности, наклонности каждого слушателя.

Настала пора приступить к практической работе. Троих из нашей группы — военинженера 3-го ранга Константина Ефремова, старшего лейтенанта Михаила Макарова и старшего лейтенанта Николая Трусова — послали на дополнительную подготовку к работе в нелегальных условиях. Первых двух забросили в оккупированную немцами Бельгию. Об их трагической судьбе я расскажу несколько позже. Куда тогда командировали Н.Трусова, не помню, но он уцелел, успешно продолжил службу и впоследствии стал заместителем начальника ГРУ. На штатные должности в центральный аппарат сразу попали лишь два человека. Остальных оставили в резерве отдела кадров. Их прикомандировали к разным отделам, где они выполняли отдельные поручения: подбирали кандидатов для привлечения в разведку, обобщали информационные материалы и так далее.

Тем временем мои семейные дела складывались весьма неблагоприятно. В ту пору, когда я изучал в школе основы разведывательного дела, моя жена и новорожденный сын Александр, не имея пристанища в Москве, проживали у знакомых, больше всего в общежитии Военно-химической академии в комнате Ефремова вместе с его матерью-старушкой. Вход в общежитие охранялся часовым, который пропускал только слушателей и членов их семей. Жене с ребенком зачастую приходилось часами ждать у входа, пока кто-либо из знакомых командиров, проживавших в здании, закажет ей разовый пропуск.

Ребенок болел. Условий для ухода за ним не было. Все мои просьбы и многочисленные рапорты командованию о предоставлении какой-либо комнаты в любом общежитии не увенчались успехом. Очевидно, мой начальник военинженер 2-го ранга А.А.Коновалов испытывал мое терпение и способности преодолевать личные невзгоды.

В конце концов мы с женой вынуждены были отправить нашего первенца к ее матери, Прасковье Егоровне Федоровой, которая жила в деревне Большие Поляны Старожиловского района Рязанской области. Но ребенок заболел воспалением легких и из-за отсутствия медицинской помощи через несколько дней умер в ноябре 1938 года.

После смерти сына началось срочная демонстрация чуткости и внимания к моей семье. Нам немедля предоставили в общежитии Военного института иностранных языков комнату площадью 13 метров, которая более полугода была свободна, так как от нее отказывались, поскольку она не имела элементарных удобств (находилась в общем коридоре, где размещались еще 22 семьи).

Тем не менее, получи я ее месяцем раньше, жизнь ребенка была бы спасена. На этой жилплощади в общежитии мы с женой прожили с учетом военного времени и поездок в служебные командировки свыше 15 лет. В 1955 году, уже имея семью из 5 человек, мне удалось улучшить жилищные условия и переселиться из общежития в комнату площадью 21 квадратный метр в коммунальной квартире пятиэтажного дома на бывшей 5-й улице Октябрьского поля, ныне улице Маршала Рыбалко, а в 1961 году получить там же отдельную двухкомнатную квартиру. Не баловало нас руководство и другими материальными благами. В частности, всем состоявшим в распоряжении разведупра был сохранен оклад денежного содержания, получавшийся ими в войсках. А он у большинства был весьма невелик. Я имел в месяц по-прежнему 525 рублей, что на троих было более чем скромно. Вспоминалась шутливая рекомендация, распространенная в то время: «Не женись, красном[4], не прокормишься пайком».: Прокормиться было действительно трудно. Не только продукты, но и промышленные и культурные товары были дороги. Чтобы купить какой-либо пустяк, которым сейчас трудно кого-либо удивить (велосипед, патефон, фотоаппарат), надо было израсходовать почти месячное денежное содержание.

Работа в аппарате управления, в том числе и в отделе военно-технической разведки, в котором я состоял, носила самый разнообразный характер. Мы подбирали людей для зарубежной работы, руководили выделенной нам агентурной сетью, обобщали

информационные материалы, получаемые из-за границы. Поскольку эти материалы были главным образом по военной технике, нам приходилось для их оценки поддерживать контакты с ведущими научными учреждениями. Участок служебной деятельности был новый, опыт отсутствовал. Хотелось не ударить лицом в грязь, сделать все как можно лучше. Но практической помощи ждать было не от кого. Наши начальники, как правило, сами были новичками. На свои посты они попали, можно сказать, по воле случая и знали разведывательное дело не больше подчиненных. Незначительные сложности часто ставили нас в тупик. Очевидно, поэтому стилем работы были «ночные бдения». Рабочий день не лимитировали, он продолжался в зависимости от обстоятельств 12–14 часов в сутки, а иногда и более.

В этом свете все стремившиеся найти в разведке легкую жизнь, полную романтики и авантюр, жестоко разочаровывались и быстро отсеивались. Оставшиеся упорно овладевали новой специальностью по таким «авторитетным» пособиям, как книги Марты Рише «Моя разведывательная работа», Макса Ронга «Разведка и контрразведка», отдельным заметкам возвратившихся из командировок нелегалов Бронина, Кинсбургского, Мильштейна и других. Иных пособий не было. Все написанное ранее руководителями нашей службы до 1938 года было изъято, как измышления «врагов народа» и их приспешников. Поэтому на практике приходилось руководствоваться главным образом здравым смыслом и зачастую «изобретать велосипед».

После того как кровавая волна репрессий, достигнув своего апогея, понемногу медленно и неохотно пошла на убыль, в высшем руководстве страны и вооруженных сил начали приходить в себя. Они поняли, что разведывательной службе, без которой армия существовать не может, нанесен страшный удар и что надо поправить дело. В частности, решили немедленно укрепить разведку и поднять ее авторитет. С этой целью начальника разведуправления сделали одновременно заместителем народного комиссара обороны и на этот пост назначили только что возвратившегося из Испании воздушного аса, комдива Проскурова. Молодой, отважный пилот за личное мужество и великолепное мастерство в боях с немецкими летчиками получил звание Героя Советского Союза. За два года он из старшего лейтенанта превратился в генерала. Его избрали в Верховный Совет СССР. В 1938 году ему было всего 31 год, и назначение на пост заместителя наркома не могло не вскружить ему голову.

Понятно, Проскуров не имел ни малейшего представления о разведке и, несмотря на самоуверенность, чувствовал себя на

новом посту не в своей стихии. Здесь помимо личной храбрости нужен был большой объем специальных знаний, государственный ум, способности дипломата, высокая оперативная подготовка. Этих данных у нового руководителя разведуправления не было. Не поднявшись по общему уровню развития выше командира авиационного звена или в лучшем случае комэска — командира эскадрильи, но окрыленный громадной властью, которую ему давала должность заместителя наркома, Проскуров тем не менее употреблял ее иногда со всей солдатской прямотою. Являясь честным человеком, он в одном из своих приказов разнес по заслугам командующего войсками Ленинградского военного округа маршала Тимошенко за неудовлетворительную подготовку по разведке частей и соединений. Неопытность, отсутствие «разведки на себя» сильно подвели нового заместителя главы НКО. В 1940 году наркомом был назначен Тимошенко, который, конечно же, не забыл ретивого молодого начальника разведупра, осмелившегося ему, прославленному герою гражданской войны, сделать обидный выговор. Проскурова сняли, и он исчез.

Случай с Проскуровым — один из многих, когда прекрасные на своих местах кадры при неумелом использовании губили дело и погибли сами.

В начале 1939 года я стал работать в центральном аппарате разведупра на западном направлении в должности старшего помощника начальника отделения. До 1940 года отделение было частью отдела военно-технической разведки, в задачи которого входило: подбирать, готовить и направлять за рубеж в легальный аппарат и на нелегальную работу разведчиков — советских граждан и проводить весь комплекс мероприятий, связанных с получением информации о планах наших вероятных противников в области развития военной техники. Затем отдел реорганизовали. Меня перевели в другое подразделение — отдел приграничной разведки в отделение, ведавшее деятельностью разведорганов приграничных западных, особых, как их тогда называли, военных округов. Отдел занимался укомплектованием кадрами, техникой, материальными средствами приграничных разведорганов и разработкой мобилизационных мероприятий для указанных структур. На него возлагалась также инспекция боевой готовности этих органов и анализ информации, поступающей от добывающего аппарата за рубежом. Отделом руководил полковник И.В.Виноградов, а мое отделение возглавлял майор Н.В.Шерстнев.

Несмотря на то, что по условиям конспирации каждый из сотрудников того или иного направления должен был знать только то, что ему положено по службе, все же общая картина

надвигающейся военной опасности для всех работников разведки были ясна. Назревали грозные события. Германия неудержимо рвалась к господству над миром. После захвата почти всей Западной Европы, располагая мощным военно-промышленным потенциалом, отмобилизованной, хорошо. вооруженной армией, «третий рейх» направил свои агрессивные устремления против Советского Союза.

Информация о подготовке гитлеровцев к нападению на СССР начала поступать по различным каналам из нелегальных и легальных резидентур и разведывательного аппарата, приграничных военных округов.

Необходимо отметить, что при достаточно хорошо налаженной работе по получению нужных Кремлю сведений о планах и намерениях политического и военного руководства зарубежных государств, в первую очередь Германии, в отношении нашей страны военная разведка, ее ответственные работники были весьма слабо информированы о планируемых акциях собственного правительства. Так, освобождение западных областей Украины и Белоруссии, заключение с Германией договора о дружбе и границе были неожиданностью для разведупра. Поэтому мы не смогли дать указания на передислокацию наиболее ценной агентуры из бывших восточных областей Польши на Запад. Вот и получилась нелепица: в результате стремительного продвижения Красной Армии к Бугу наши агенты оказались в собственном глубоком тылу.

С конца 1940 года в разведуправление отовсюду стали стекаться тревожные сведения. В Генерал-губернаторстве (так гитлеровцы называли оккупированную ими часть Польши), Румынии, Венгрии и Болгарии, несколько позже в Финляндии, германское военное командование концентрировало свои войска, численность которых непрерывно увеличивалась. Разведотделы приграничных военных округов доносили о том, что вдоль нашего рубежа во все возрастающем количестве накапливается живая сила и техника вермахта. Такого в мирное время никогда не бывало. То, что нападение фашистов неизбежно, становилось все яснее.

Поступали данные и о сроках начала войны. Впоследствии оказалось: они были реальными и отличались друг от друга всего лишь на несколько недель и даже дней.

Вся эта масса информации обрабатывалась, систематизировалась и докладывалась руководству разведуправления. Но военные руководители, прекрасно осведомленные об отрицательном мнении Сталина относительно возможности нападения Германии на СССР, старались смягчить

остроту сведений, а иногда бросить тень на источники, от которых они были получены. Незаслуженным подозрениям подвергались такие замечательные военные разведчики, как Рихард Зорге, Лев Маневич, Яков Черняк, Иван Винаров, Алексей Коробицын, добывавшие с риском для жизни ценную информацию в предвоенный период и во время войны в Японии, Италии, Болгарии, Германии, Румынии и других странах. Заслуги героев, как и таланты гениев, в подавляющем большинстве случаев стали известны лишь после их смерти.

Объем тревожной информации продолжал нарастать. Умолчать о ней было уже невозможно. Ее докладывали руководству страны, но начальники разведуправления генерал-лейтенант Голиков, а в последующем генерал-майор Панфилов снабжали донесения такими комментариями и резолюциями, которые сводили их на нет. Так, на одном солидном докладе о времени планируемого нападения Германии начальник разведуправления Панфилов начертил резолюцию: «Английские инсинуации, имеющие целью столкнуть нас лбами с немцами».

Понятно, что обработанные таким образом донесения действовали успокаивающе на Сталина и не вызывали его отрицательной реакции. А то, что на разведчиков, добывающих важную и правдивую информацию, облыжно возводили чудовищные обвинения, что их считали двойными агентами, предателями, врагами народа, карьеристов не волновало.

Нужно заметить, что к 1940 году в военной разведке не осталось ни одного старого кадрового сотрудника. На руководящих постах вместо репрессированных профессионалов высокого класса, таких как Берзин, Стигга, Туммельтау, Урицкий, Орлов, Гендин и другие, находились скороспелые выдвиженцы, в свою очередь менявшиеся, как узорчатые картинки в калейдоскопе.

За три предвоенных года на таком важном участке государственной деятельности, как военная разведка, где требуется преемственность и знание обстановки и особенностей работы, сменилось шесть начальников разведуправления (Урицкий, Орлов, Гендин, Проскуров, Голиков, Панфилов). Их замена проходила не без деятельного участия начальника политотдела РУ старшего батальонного комиссара И.И.Ильичева, который, не зная существа оперативной работы ни теоретически, ни практически, в каждом из своих коллег и подчиненных, владевших делом лучше его, подозревал врага народа, шпиона той или иной иностранной державы.

В сентябре 1939 года из Варшавы в разведуправление прибыл бывший советский военный атташе в Польше генерал-майор

Рыбалко, который настоятельно рекомендовал усилить разведдеятельность против Германии. В ответ Панфилов бестактно заявил ему, что в разведке дуракам нет места, и откомандировал его в войска. Но, как говорится, судьба играет человеком. Даже такой важной персоной, как начальник разведуправления. В 1943 году генерал-майор Панфилов был назначен командиром танковой бригады в корпус генерал-лейтенанта Рыбалко. Последний не без иронии напомнил комбригу, что служить ему с дураком будет, очевидно, нелегко. Но в корпусе оставил.

Понятно, что от такого руководителя, как Панфилов, было трудно ожидать объективности, партийной принципиальности и государственной мудрости.

А события нарастали с катастрофической быстротой. Из разведотделов приграничных военных округов, от разведчиков и агентов продолжали поступать сотни донесений, одно тревожнее другого. Они докладывались с соответствующими комментариями и оценками руководству, добросовестно регистрировались и аккуратно подшивались в дела.

На полноте и убедительности докладываемой правительству информации о намерениях Германии напасть на Советский Союз губительно сказывалась и децентрализация добывающего разведывательного аппарата за рубежом, который состоял из двух самостоятельных структур — разведывательного управления РККА и внешней разведки НКВД. Зарубежный аппарат, подчиненный Лаврентию Берия, также получал данные о подготовке Берлина к агрессии, но всесильный мингрелец, зная о патологической подозрительности «вождя народов» и его стремление любой ценой оттянуть столкновение с немцами, успокаивал хозяина Кремля и убеждал в нереальности войны с ними. Менее влиятельное руководство военной разведки не столько следило за объективностью полученных сведений и своевременностью их мотивированного доклада, сколько за тем, чтобы не разгневать этими сведениями самого «ближнего боярина» — члена Политбюро — Берия со всеми пренеприятнейшими последствиями.

Весной 1941 года в разведуправлении было созвано совещание начальников разведотделов штабов приграничных военных округов, на котором была вскрыта вопиющая беспечность в подготовке к действиям в условиях войны. Участники выступали с дельными конкретными предложениями по повышению боевой готовности разведки в грядущем вооруженном столкновении с немцами. В том, что это произойдет, ни у кого из присутствующих не было сомнений. Предлагалось развернуть

отделы по штатам военного времени, обеспечить техникой, экипировкой, подготовить соответствующие базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отхода от границы и ряд других. Руководство разведуправления и Генштаба отнеслось к этому сбору, как к обычному плановому мероприятию. На таком важном совещании никто из руководства НКО и Генштаба не присутствовал, а начальник управления генерал-лейтенант Голиков прибыл лишь на заключительное заседание, на котором зачитал стандартную речь о повышении бдительности. И ни слова о серьезности предвоенной обстановки. Более того, нас, участников совещания, предупредили, чтобы мы не поддавались паническим слухам, поскольку воевать в соответствии с советской военной доктриной будем только на территории противника.

14 июня было опубликовано сообщение ТАСС, категорически опровергавшее слухи о возможности войны. Это официальная чудовищная дезинформация собственного народа. Но военным работникам, отвечающим за обороноспособность страны, боеготовность ее армии с нею волей-неволей пришлось считаться. Каковы были причины для такого чреватого губительными осложнениями, безответственного заявления, до сего времени противоречиво и безуспешно пытаются объяснить историки.

Создалось парадоксальное положение, когда в разведуправлении все оперативные сотрудники ожидали войны и боялись даже друг другу открыто сказать об этом.

Официально декларированное потепление отношений с Германией привело в действительности к такому накалу обстановки на границе с нею, что военное руководство вынуждено было отдать известные противоречивые указания о повышении боевой готовности с бессмысленной оговоркой: «На провокации не поддаваться!»

Война: самый трудный год

В атмосфере строжайшей секретности в разведывательном управлении РККА в ночь на 22 июня проводилось штабное учение, на котором прорабатывалисъ вопросы организации разведки при возможном нападении Германии. А на рассвете всем участникам игры, еще не разошедшимся по домам, стало известно о вторжении немецких войск в Советский Союз и бомбардировке ряда наших городов.

Так игра превратилась в действительность.

Началась война.

Первые дни многие люди, в том числе и в армии, считали, что случилось какое-то недоразумение: немецкие трудящихся не могли выступить против своих братьев, они повернут оружие против собственных капиталистов, и через несколько недель с войной будет покончено. На весьма редко попадавших в плен немецких солдат смотрели как на обманутых жертв фашизма. Экономисты типа академика Варги предсказывали скорую гибель нацистского режима из-за недостатка стратегического сырья.

Остро сказывалось отсутствие предварительной работы по воспитанию ненависти к немецкому фашизму, как к злейшему врагу человечества. Сказалась двойственная политика советского правительства во взаимоотношениях с Германией перед войной. Ненависть к фашизму рождалась в ходе боев, при виде нацистских зверств над пленными советскими солдатами и мирным населением. Она росла, как снежный ком, захватывала всех — от детей до. глубоких стариков, звала их к мести, к бою, к уничтожению ненавистного, жестокого врага…

В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывались беспечные упущения мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.

Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима[5]. Ставка была на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также

длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев — от нескольких дней до нескольких месяцев. Дольше всех готовили радистов. Они досконально изучали рации «Белка» (в последующем «Север») и должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100–120 знаков в минуту. Для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

Недостатка в добровольцах вести разведку в тылу противника не было. Военкоматы наводнялись рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне от пятнадцатилетних юношей и девушек до глубоких стариков, участников еще русско-японской войны. Предложение служить в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось.

Трогательно и больно вспомнить, с каким безграничным доверием относились к своим командирам отобранные кандидаты, какие это были кристально чистые и преданные Родине люди, с какой готовностью шли они выполнять боевые задания. Многие из них, к нашей печали, назад не возвращались. Мария Жукова, Павел Кот, Иван Анисимов, Анна Петрожицкая, Еливавета Вологодская, Людмила Донская, Иван Ильясов, Хелена Кульман, Софья Осетрова (Дубова), Федор Илюхин, Галина Сущева, Людмила Орлеанская, Лидия Вербовская, Борис Герасимов, Семен Мазур, Алексей Коробицын, Владимир Артемкин, Павел Кононенко, Вера Волошина, Мария Артемова, Николай Беляев, Владимир Шайкин, Мария Козлова, Порфирий Романенко, Иван Позняк, Иван Банов и сотни и тысячи других патриотов одними из первых вступили на трудную и опасную стезю.

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими подразделениями и частями. Многих организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Их подбирали буквально накануне захвата противниками населенного пункта из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой-биографией в виде дальних родственников придавали радиста, а чаще всего радистку, снабженных паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обусловливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям и оставляли до

прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные и диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага проводили агентурные и диверсионные отделения разведотделов штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских объединений начали развертываться по штатам военного времени уже в ходе боевых действий, когда наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь.

Хочу непременно сказать о беззаветном героизме и самоотверженности нашей молодежи и особенно девушек-разведчиц. Многие из них направлялись в тыл противника прямо со школьной скамьи. Значительную часть радистов составляли женщины, стойко переносившие наряду с мужчинами все тяготы боевой жизни во вражеском тылу. Уже один перелет линии фронта на тихоходных транспортных или учебных самолетах и прыжок ночью с парашютом в неизвестность фактически являлся подвигом, а ведь это было только началом боевой работы, полной непрерывных опасностей.

В течение всей войны оперативная разведка носила массовый характер и велась непрерывно. В результате объединенных усилий разведотделов фронтов и Центра уже в первые 6–7 месяцев войны было заброшено в тыл противника до 10 тысяч человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиопередатчиками. Но противник стремительно продвигался на восток на широком фронте от Белого до Черного морей. Он рвался к Москве.

Нас, работников центрального аппарата НКО, многие считали счастливчиками, поскольку мы по крайней мере знали, что с нашими семьями, хотя видеть их нам фактически не приходилось. Вскоре по приказу командования они были эвакуированы из Москвы за Урал. Моя жена с дочерью, которой исполнилось всего десять дней от роду, 28 июля уехала в Челябинскую область в товарном эшелоне, так и не успев увидеться и проститься со мною.

У нас, оперативных работников, конечно возник вопрос: почему мы проиграли начало войны? Почему не были приняты

должные меры против гитлеровской агрессии, если наше руководство знало заранее, когда она произойдет? На поиски ответа уже не было времени. Нужно было выполнять свой долг и наверстывать упущенное.

В первой половине августа группу сотрудников управления, и меня в том числе, направили в прифронтовую полосу для создания разведывательной сети в городах, которым угрожала опасность захвата противником. Работа должна была проводиться в помощь фронтовым агентурным и диверсионным отделениям, которые выполняли ее независимо от нас. Командиров разведывательных групп (резидентур), за редкими исключениями, планировалось подбирать на месте из добровольцев, не подлежащих призыву в армию, как правило, пожилых людей, имеющих за плечами опыт армейской службы. С собою мы везли подготовленных радистов, знавших не только свое дело, но и основы агентурной работы, приобретенные в краткосрочной школе при разведупре. Они должны были, по нашему замыслу, не только являться техниками-связистами, но зачастую и заместителями командира группы. В этом качестве им разрешалось в случае необходимости создавать агентурные группы из местных жителей. Такие задачи обычно ставились радистам, имевшим в пункте назначения родственные или другие связи.

Разведчиков экипировали в поношенную гражданскую одежду, обеспечивали деньгами, сухим пайком (консервы, сухари, сахар, сало, спирт) месяца на два, оружием, боеприпасами и взрывчаткой. Радисты получали рации «Север» с двумя комплектами батарей. Всем выдавались соответствующие легенды-биографии и советские документы — паспорта, военные билеты с отметкой о снятии с воинского учета по какой-либо трудно контролируемой причине, свидетельства об освобождении из мест заключения, короче говоря, все, что было необходимо.

Каждый оперативный работник снабжался удостоверением за подписью заместителя начальника Генерального штаба, где указывалось: податель сего выполняет задание особой важности, и все гражданские и военные власти и органы НКВД обязаны оказывать ему всяческое содействие. Люди и грузы, следовавшие с ним, проверке не подлежали.

По замыслу руководства наши разведчики знали только свои пункты назначения и, хотя обучались вместе, оперативных фамилий и кодовых имен, под которыми им предстояло работать, друг другу не открывали. Но иногда строгая конспирация нарушалась, и это приводило к тяжелым последствиям. Совместная подготовка разведчиков при массовом наборе была

неизбежным злом, чреватым раскрытием отдельных групп и даже провалом и ликвидацией их противником.

По приказу начальника 2 отделения 7 отдела разведуправления Н.В.Шерстнева мне надлежало 12 августа выехать на грузовой автомашине с разведчиками и радистами для создания в Гомеле и Брянске разведывательных групп. Перед нами поставили задачу вскрывать переброску войск противника через эти пункты, в том случае, если они будут оставлены нашими войсками. Впрочем, сомнений в этом не было: бои шли уже на подступах к этим городам. Нужно было спешить.

Все шоссейные дороги в западном направлении были забиты автомобильным и гужевым транспортом. К фронту перебрасывались незначительные подкрепления, а на восток катил неудержимый поток беженцев, перегонявших скот, везущих на телегах детей, плетущихся пешком, измученных, голодных, с воспаленными от бессонных ночей глазами. Многие из них потеряли во время почти непрерывных налетов немецкой авиации своих близких. Ползли грузовики с ранеными, которые ничего утешительного о положении на фронте сказать не могли. И над всем этим хаосом в воздухе висели самолеты с черными крестами на крыльях, которые безнаказанно бомбили, расстреливали из пулеметов все живое, гонялись за бегавшими по полям и дорогам, обезумевшими от ужаса людьми. Картины смерти и разрушения в эту благодатную пору года, когда плоды человеческого труда в поле ожидали уборки, как-то не укладывались в сознании. Казалось, что это какой-то дурной сон. Но вой самолетов, взрывы, трупы на месте только что идущей впереди группы людей, стоны раненых возвращали к действительности.

Все увиденное подействовало на моих спутников, да и на меня самого, как предметный урок ненависти к гитлеровцам. Мы впервые увидели войну во всем ее ужасе, и перед нами вновь и вновь вставали вопросы: кто дал право врагу распоряжаться нашими жизнями? Что ему нужно в нашей стране? Закипала яростная злоба к захватчикам, желание беспощадно мстить за погибших соотечественников.

В Гомель мы прибыли ночью 13 августа. Он не был подготовлен к обороне. Немцы продвигались так стремительно, что западнее Гомеля ничего, кроме обычных окопов, подготовить не успели. В городе, подвергавшемся непрерывной бомбежке, а с 14 августа и прямому артобстрелу, из органов власти фактически никого не оставалось, и оформить хотя задним числом моих людей на работу, подобрать надежных помощников из числа проверенных местных жителей уже было нельзя. Не успевшая или не желавшая бежать часть гражданского населения никем не

управлялась, и кто со страхом, а кто с надеждой ожидал прихода немцев, прячась в подвалах и щелях. Некоторые предприимчивые молодчики тащили из магазинов и складов продовольствие и промтовары. В пылающем, стонущем от взрывов городе на них никто не обращал внимания, да и не было нужды. Спасти государственное имущество все равно было нельзя, так или иначе оно досталось бы врагу.

Все мои попытки найти представителей органов НКВД, чтобы воспользоваться их помощью для создания разведгруппы, не увенчались успехом. Брать же непроверенных людей было рискованно.

А немцы упорно рвались к городу. Во время одного из воздушных налетов случайно оказавшийся рядом со мною старик схватил меня за шинель и начал яростно кричать: «А где же наши? Скажи, где они? Неужели так и пропадать тому, за что мы боролись?»

Не найдя что ответить, с чувством стыда, будто во всех этих несчастьях была и моя вина, я почти бегом направился к своим разведчикам. Они ожидали меня в покинутом домике на восточной окраине города.

После проверки надежности связи с Центром мне пришлось оставить группу на нелегальном положении. Мои люди в последующем должны были сами легализоваться в городе. Если не удастся, им предписывалось пробраться к партизанам и организовать подвижную разведкоманду. Распростившись с товарищами, фамилии которых, к сожалению, не сохранились в памяти, я перешел мост через реку Сож, который был через несколько минут взорван: кто-то сообщил, что немецкие танки и мотоциклисты прорвались и могут занять переправу. Тревога была ложной, но в результате несколько наших подразделений оказались отрезанными водной преградой. Бойцы вынуждены были в панике вплавь перебираться на восточный берег, бросая оружие.

На берегу какой-то бригадный комиссар тщетно пытался задержать поток бегущих бойцов и организовать оборону. Я пытался ему помочь, но безуспешно. Задержанные нами и еще несколькими переплывшими реку командирами солдаты, собранные из разных подразделений, некоторые без оружия, неудержимо стремились назад и не поддавались никаким увещеваниям, хотя немцев еще не было видно.

Боязнь танков и окружения в первые месяцы войны превращалась иногда в массовый психоз» от которого мы избавились ценой больших потерь.

Выполнив не совсем удачно из-за недостатка времени задачу

в Гомеле и сообщив начальнику разведотдела штаба Брянского фронта подполковнику Кочеткову М.А. данные о группе на случай посылки ею связника через линию фронта, я с оставшимся радистом направился в Брянск.

Гомель был занят немцами буквально через несколько часов после нашего отъезда.

В Брянске удалось задержаться на более продолжительное время. Там еще действовали советские организации, и мы сумели с помощью местных партийных органов подобрать нужйых людей и достаточно убедительно легализовать радиста, документируя его как племянника одного из жителей города. С подобранными разведчиками удалось провести более или менее подробный инструктаж, разработать условия связи, проверить рации.

В Москву я возвратился в начале сентября.

В октябре в связи с продолжавшимся наступлением немцев возникла необходимость срочно создать в Курске и Мценске радиофицированные разведывательные группы, поскольку было очевидным, что эти города будут заняты противником. 20 октября 1941 года я выехал туда с двумя радистами.

Для Мценска предназначался молодой армянин, веселый общительный парень, а в Курск направлялась девушка — полька по национальности. Кандидаты были явно не подходящие, поскольку в Мценске, небольшом районном городке Орловской области, вероятно, никогда не жили армяне. Вряд ли была удачно выбрана радистка для резидентуры в Курске. Девушку выдавал польский акцент и абсолютное незнание советских порядков, поскольку она происходила из недавно присоединенных областей Западной Украины. Легенды у обоих были малоправдоподобные. Кроме энтузиазма и желания помочь разгрому врага, других качеств, нужных разведчику, у них не имелось. Да они и не смогли бы приобрести их за короткий срок своей подготовки на курсах. Но иного выбора у нас не было.

Как и во многих других случаях, радистам разрешалось переходить на нелегальное положение или в партизанские отряды и действовать самостоятельно в зависимости от обстановки.

В Мценске нас должен был ожидать оперативный работник нашего отдела майор Ларионов, явка с которым была обусловлена в пассажирском зале железнодорожного вокзала. Он попутным транспортом выехал несколькими днями раньше, чтобы подобрать на месте личный состав группы и подготовить условия легализации радиста.

При въезде в город нас поразило почти полное отсутствие на улицах гражданских лиц. Шли бойцы, командиры, плелись

раненые, но спросить, как проехать к вокзалу, было не у кого. Все спешили на восток. Магазины и учреждения были открыты, но в них не было посетителей.

Вокзал был пуст. У будки одиноко сидел инвалид-стрелочник.

— Куда делось все начальство? — спросил я.

— Утекло, — коротко ответил он.

На станции, как и в городе, все свидетельствовало о поспешной, даже панической эвакуации, похожей на бегство. Порванные провода, кучи еще тлеющих официальных документов, которые в спешке пытались уничтожить перед уходом, и вместе с этим элеватор, полный зерна, и нефтебаза с большим запасом горюче-смазочных материалов. Ларионова на установленном месте не оказалось. Возможно, он погиб в пути. Больше я его не встречал.

Единственное учреждение в городе, которое продолжало напряженно работать, был районный отдел НКВД. В него накануне прибыл из Орла заместитель начальника областного управления, депутат Верховного Совета СССР Ефремов. Этот энергичный волевой человек смог за несколько дней, оставшихся до захвата города немцами, организовать эвакуацию ценностей и в первую очередь зерна. Под угрозой расстрела самовольно бежавших и угнавших паровозы железнодорожников он потребовал их возврата. Из окрестных деревень были собраны крестьяне для погрузки зерна из элеватора в вагоны. За день работы на станции грузчикам выдавали мешок пшеницы. Сотни людей устремились в Мценск из окружающих деревень. За несколько дней большая часть зерна была вывезена, пакгаузы и склады освобождены от наиболее ценного груза (кожа, консервы, сахар), нефтебаза заминирована.

Сотрудники НКВД, проводившие параллельно с нами работу по созданию подполья в районе Мценска, помогли рекомендациями при подборе нужных для нас лиц, дали несколько адресов к своим доверенным людям, что значительно облегчило создание разведгруппы. Все в основном закончили в три дня. Было найдено несколько человек, пожелавших добровольно служить в военной разведке. Понятно, что подготовить их по всем вопросам будущей опасной и трудной деятельности можно было лишь в самых общих чертах. Из запасов, сохранившихся в магазинах и на складах, разведчикам оставили примерно на год продовольствия: муки, сахару, консервов и даже вина.

Надо было уезжать: немцы уже подходили к городу. Радист, которого мы оставляли, попытался установить радиосвязь с

Центром, но безуспешно. Тщательная проверка раций убедила нас, что они в полной исправности. По всему диапазону передавались хвастливые нацистские реляции о победах на Восточном фронте, разгроме большевиков, неудержимом продвижении гитлеровских войск к Москве. Сообщало о тяжелых боях с захватчиками и Совинформбюро. Лишь узел связи нашего управления хранил гробовое молчание.

Это крайне волновало меня и отрицательно сказывалось на настроении радистов. Они были уверены в безотказности своей техники, морально подготовились к трудностям, но не к срыву работы по основному профилю. Рации были их оружием, и вдруг это оружие оказалось негодным. Встал вопрос — стоит ли в таком случае оставлять этих чудесных ребят в тылу немцев? В ответ оба заявили, что если радиоузел будет с ними работать, то связь они установят любой ценой. В противном случае останутся для партизанской борьбы с врагом, но обратно не вернутся.

С грустным чувством расстался я с радистами, теряясь в догадках, что же произошло со связью, но делать было нечего. Ночью мы выехали из Мценска, а утром он был занят немцами.

До Курска добирались около недели. Двигаться приходилось по разбитым проселочным дорогам, которые раскисли от осенних дождей. Навстречу нам неслась лавина наших отходящих войск.

У немцев имелось в тот период значительно больше, чем у нас, транспортных средств с повышенной проходимостью, в том числе гусеничных, что давало им возможность даже осенью по российскому бездорожью маневрировать своими силами, обходить и окружать по частям наши соединения и целые объединения.

В Курск мы прибыли 30 октября. В городе уже не было нормально работающих советских учреждений, кроме оперативной группы НКВД, сотрудники которой порекомендовали мне «родственника» для нашей радистки. Это был уже пожилой человек, в прошлом поручик царской армии, беспартийный. Кроме положительной устной характеристики оперуполномоченного НКВД, никакими материалами на него я не располагал, но выбора не было, и радистка осталась у него в доме в качестве дальней родственницы, эвакуировавшейся из Львова. Помните, я уже упоминал, что девушка была полькой.

В течение двух дней я старательно инструктировал новоиспеченного резидента, полагаясь на его житейский опыт, прошлую военную подготовку и природную сообразительность.

Для обеспечения резидента и радистки удалось и здесь достать муки, консервов, сахару и даже мануфактуры из

магазинов, уже подвергшихся разграблению местными жителями.

К сожалению, и из Курса связь с Центром установить не удалось.

Второго ноября совершенно случайно я встретил на улице майора Бабина, с которым мы не виделись более трех лет. Это мой сослуживец по 43-й стрелковой дивизии, где он был начальником инженерной службы. Бабин сообщил, что выполняет особое задание Военного Совета 13-й армии по уничтожению, в соответствии с приказом Сталина, всех военно-промышленных объектов города (электростанция, вокзал, нефтехранилище, склады, элеватор, военные казармы, служебные здания и тому подобное). Подготовка уже была закончена, объекты минированы, и к вечеру их взорвут саперы, отходящие с нашими последними частями.

Поскольку работа по легализации радистки была в основном закончена, мы с водителем, забрав на нефтебазе перед ее уничтожением две бочки бензина и бидон автола, выехали из Курска. За нами грохотали взрывы. Трудно было установить, бомбили ли город, или начали выполнять заключительную часть своего задания люди Бабина.

Настроение было подавленным, сердце сжимала тревога: крупнейшие неудачи на фронте, огромные разрушения в тылу, гибель множества людей. Да тут еще недоработки и в выполнении непосредственных служебных задач. Что могли сделать наши чудесные разведчики-добровольцы при такой поспешной подготовке, плохо обеспеченные, наспех заброшенные в незнакомые районы, доверившие свою судьбу малоизвестным людям? Что ждать от девятнадцатилетней девушки, оставленной в чужом городе в условиях оккупации, да еще без связи? Почему с конца октября молчит Центр? Какие еще ошибки в подготовке радистов допущены нами? А ведь такую «подсадку» разведчиков под наступающего противника в первые месяцы войны проводили десятки оперативных работников разведуправления и разведотделов штабов фронтов.

Единственная надежда была на массовость проводимой заброски, оправданной при громадной протяженности линии соприкосновения с противником. Некоторые шансы на успешную отдачу давала также неизбежная при колоссальном перемещении людей, вызванном войной, неорганизованность в тылу противника и невозможность даже хваленой немецкой административной машине учесть их всех и срезу наладить контрразведывательную службу. Ориентировка на создание подвижных разведгрупп партизанского типа, при невозможности работать в городах и поселках, тоже давала основание верить в

успех хотя бы части наших людей.

Опыт последующей работы показал, что эти соображения в какой-то степени оправдались. Потери были, но разветвленная разведывательная сеть была создана и начала действовать. Многие выжили, легализовались, устроились на работу в немецких оккупированных учреждениях, на железнодорожных узлах. И из городов, поселков, из возникавших на оккупированной территории партизанских отрядов через наших радистов начала поступать все увеличивающаяся в объеме информация о численности немецких войск, об их дислокации, переброске живой силы и техники, а в последующем и о планах и намерениях противника.

Десять дней добирались мы до Москвы. Дорога от Курска до Щигров была усеяна военной техникой, брошенной отходящей 13-й армией. Не было горючего, а в городе саперы подрывали емкости с бензином.

Много нелестных замечаний и горьких упреков приходилось выслушивать от крестьян в попутных деревнях, где останавливались на ночлег: «Продали Родину!», «До Курска даже царь Николка не пустил немцев», «Вояки, чему же вас учили, только проводить парады» — так корили нас мужики. Женщины плакали, вспоминая мужей, сыновей, братьев, служивших в армии, от которых с начала войны не было никаких вестей. Информация населения была крайне скудная. Курск давно уже был взят немцами, а бои все еще шли на «курском направлении».

Вражеская пропаганда изощрялась в клевете. В листовках, которые вперемежку с фугасками сбрасывали немцы, сообщалось о полном разгроме Красной Армии, указывались сроки взятия Москвы и Ленинграда. Фашистские политики пытались играть на националистических чувствах людей, разжечь антисемитизм, неприязнь украинцев к русским и так далее. За Щиграми с немецкого самолета сбросили в гущу наших отходящих войск несколько евреев и вымпелы с надписями: «Жиды и комиссары — вот с кем борется германская армия». Фашистские летчики хулиганили, швыряли на беженцев и воинские колонны тракторные колеса и металлолом, который при падении издавал страшный вой. Все в ужасе разбегались, считая, что это какие-то необычные бомбы.

Так или иначе, но 14 ноября я наконец добрался до Москвы. Подъехав к зданию управления в Большом Знаменском переулке, обнаружил, что ворота и входные двери наглухо закрыты. Дворник, стоявший у входа, пояснил: все хозяева эвакуировались. Осталось лишь несколько человек в доме № 6 по Гоголевскому бульвару. Здесь я, нашел своих коллег: майоров Большакова И.А.,

Коновалова В.И., Степанова П.И., военинженера 2-го ранга Леонтьева КБ., капитана Полякову М.И. Они входили в оперативную группу, оставленную «на передовой» для подготовки запасной сети разведчиков на территории до города Горький включительно. От них я узнал, что управление эвакуировано в Куйбышев, а центральный радиоузел в Читу. Понятно, что при поспешном отъезде связистам было не до круглосуточного дежурства для контроля за работой наших раций. Получилось, что в то время, когда разведчики-радисты пытались установить связь с Центром, некоторое время их просто никто не слушал. Операторы, очевидно, работали лишь с самыми важными точками, находившимися в глубоком тылу противника.

Оставшиеся в Москве сотрудники рассказывали, что в октябре и начале ноября некоторые московские партийно-советские и хозяйственные работники пытались на служебных автомобилях уехать из столицы, будучи уверенными, что ее неминуемо через день-два захватят немцы. Поспешно уничтожались архивы, преступные элементы и вражеская агентура использовали панику в своих целях, сея провокационные, пораженческие слухи о неминуемой победе фашистов. Были случаи, когда паникеров, дезертировавших со своих постов, при выезде из Москвы рабочие избивали и заставляли возвращаться обратно. Потребовались решительные меры вплоть до расстрела для наведения порядка в столице.

Сталин Москвы не покидал и, как известно, присутствовал 7 ноября на параде войск Московского гарнизона, направившихся прямо с Красной площади на фронт. В городе было введено осадное положение, установлен комендантский час. Движение по улицам ночью и во время воздушных тревог строго ограничивалось особыми пропусками. В небо столицы с вечера взмывали сотни аэростатов заграждения. Улицы контролировались военными патрулями. Ожидали возможной высадки десанта противника и готовились к его отражению. Было введено рационирование продовольствия и промтоваров. Работавшие получали шестьсот граммов хлеба в день, иждивенцы — триста.

Отчитавшись о проделанной работе перед старшим оперативной группы майором Большаковым, я получил новое задание: совместно с майорами Коноваловым и Степановым организовать и подготовить запасные разведывательные группы в Орехово-Зуеве, Владимире, Коврове, Горьком, подобрав разведчиков из числа местных жителей. Для групп надлежало создать необходимые материально-технические запасы на случай развертывания разведывательно-диверсионных действий, если

территория будет оккупирована немцами. Для работы с легальных позиций в этих городах нужно было подбирать мужчин и женщин, не подлежавших по состоянию здоровья и возрасту не только мобилизации в армию, но и привлечению к трудовой повинности.

К счастью, эта разведывательная сеть не понадобилась. Началось наше зимнее наступление, отбросившее немецко-фашистские войска далеко от Москвы.

В конце ноября меня вызвали в Москву и назначили на должность старшего помощника начальника разведотдела штаба 10-й армии Западного фронта. 7 декабря я прибыл к месту назначения. Армия в составе войск фронта уже перешла в наступление и, развивая его, вела бои за Михайлов, взятый незадолго до этого немцами.

Западная окраина города была еще в руках противника, а разведотдел вопреки правилам находился уже на восточной его окраине, менее чем в двух километрах от передовой.

Армией в ту пору командовал бывший начальник Разведуправления РККА генерал-лейтенант Голиков Ф.И., приложивший перед войной не мало усилий к тому, чтобы сгладить остроту информации из резидентур о готовящемся немцами нападении на СССР. Мой непосредственный начальник, возглавлявший разведотдел, майор Колесов А.Г. в прошлом тоже служил в разведке адъютантом у Голикова.

Разведотдел был почти полностью укомплектован бывшими сотрудниками центрального аппарата разведки, не имевшими, к несчастью, так же, как и начальник, опыта практической работы в войсках. Но это все были молодые, энергичные, смелые командиры, восполнявшие недостаток боевого опыта старанием, готовностью выполнять любые задания, не считаясь с их трудностью и опасностями. Старший помощник начальника отдела по войсковой разведке и информации капитан Фомин С.А., его коллега капитан Шарафаненко Б.В., мои помощники старшие лейтенанты Куличкин Н.П., Корчма И.Я., Житков М.Д. были хорошо известны мне по работе в Москве.

Я и три мои помощника составляли 3-е отделение, в задачу которого входила добыча информаций о планах и намерениях противника. Для этого предусматривалось создание агентурной сети в его тылу. Кроме того, на нас возлагалась организация диверсий.

Кадры для всей этой работы мы вчетвером должны были подбирать и готовить из числа местных жителей, военнослужащих, выходивших из окружения, бойцов и

командиров своих войск, военнопленных и перебежчиков противника. После ускоренной, длившейся иногда всего несколько часов, подготовки, как правило, без достаточной проверки, разведчики переправлялись через линию фронта. С ними обусловливалось место и время встречи по возвращении с задания. Данные, полученные таким образом, систематизировались, предварительно обобщались и направлялись начальнику отдела для использования в разведсводках.

Для решения таких сложных и ответственных задач отделение, кроме четырех оперативных работников, не располагало никакими иными силами и средствами. Отсутствовал штатный обслуживающий персонал, транспорт, средства связи, гражданская экипировка, продовольствие, технические средства. Не имелось утвержденных положений об оперативной агентурной разведке, и каждый ее сотрудник, решая свои задачи, руководствовался лишь здравым смыслом и интуицией, так как зачастую даже посоветоваться со старшим начальником возможности не представлялось. При проведении даже несложной операции сотрудники сталкивались с непреодолимыми трудностями ее материального обеспечения. Перевозить разведчиков на автомашине считалось роскошью, транспорта не хватало для доставки боеприпасов и эвакуации раненых. Разведчиков зачастую нечем было кормить. Для экипировки предназначенного к отправке в тыл врага нашего военнослужащего приходилось выменивать у местных жителей гражданскую одежду на военную форму. Лишь в начале 1942 года удалось добиться разрешения получать для питания разведчиков 20–30 солдатских, месячных пайков. Без ограничений можно было лишь снабжать наших людей деньгами, но они в прифронтовой полосе фактически никакой ценности не имели, а выдача их большими суммами могла стать причиной провала. Агентурных радиостанций в армии не было.

Понятно, что при таком состоянии дела можно было вести лишь пешую маршрутную разведку, чем мы и занимались, набирая и наскоро подготавливая добровольцев преимущественно из числа гражданских лиц, отлично знавших местные условия и имевших связи на занятой немцами прифронтовой полосе. После краткого инструктажа разведчики (в том числе женщины, старики и даже подростки) переправлялись нами через линию фронта с задачей получить сведения методом наблюдения и осведомления о численности танков, артиллерии, самолетов на прифронтовых аэродромах, передвижениях войск и так далее. Пройдя по определенному маршруту или добравшись до нужного

населенного пункта и собрав сведения о войсках противника, такой агент-маршрутник возвращался через обусловленный участок фронта, где его принимал наш работник.

Понятно, что в период наступления таким путем решить большинство разведывательных задач было нельзя.

Наши лучшие агенты-маршрутники, подобранные в Михайлове, при направлении их окольными путями в Богородицк, отстоявший от нас на 80 километров, должны были пройти скрытно от противника пешком в один конец такое расстояние, провести разведку и вернуться обратно. Тем временем наши войска с боями успевали уже далеко продвинуться вперед, вследствие чего разведчик зачастую не мог найти своих начальников, значит, информация обесценивалась.

А бывало и так, что стремительно наступающие войска обгоняли наших «ходоков» еще при движении к месту разведки. Много их погибло и в процессе сбора сведений в прифронтовой полосе, особенно при переходе линии фронта. Таким образом, несмотря на героические усилия наших чудесных людей на том уровне организации и обеспечения агентурной разведки признать ее эффективной было нельзя. При тех условиях основным средством получения сведений о противнике была войсковая разведка — разведка боем.

С началом наступления в полосе армии стали чаще попадаться пленные, которые хотя и продолжали вести себя вызывающе, но при умелом допросе сообщали иногда довольно подробные сведения о своих частях. Весьма редко, но попадались перебежчики преимущественно из числа антифашистов, обычно располагавшие неплохими данными о противнике.

Армия в незначительной степени использовала авиаразведку, так как у немцев было абсолютное превосходство в воздухе и наши разведывательные самолеты, как правило, сбивались.

То, что мы плохо готовились к войне, можно было заметить не только в горькие дни нашего отступления на всех фронтах, но и в радостные для всего народа и его армии месяцы зимнего наступления под Москвой. В освобожденных районах было много мужчин призывного возраста, что свидетельствовало о том, что в решающий момент они не были мобилизованы и остались у врага. Пополнение в армию в процессе наступления приходило весьма плохо вооруженным. Не хватало винтовок, пулеметов, не было автоматов. По армии был приказ: штабным командирам сдать все автоматическое оружие, имевшееся у многих в качестве нетабельного, так необходимого в условиях, когда штабы соединений иногда выдвигались прямо на передовую, а штабных

офицеров нередко посылали поднимать бойцов в атаку.

Войска первоначально были плохо обучены, в частности, ведению войсковой разведки. Сказалось это и в наступлении. Упоение первыми успехами вызывало иногда притупление бдительности. Помнится широкое поле перед опушкой леса где-то у Сухиничей. По снежному покрову этого поля группами застыли убитые красноармейцы. Оказывается, шел батальон в походной колонне, без охранения, как в лагерях в столовую, и был почти полностью уничтожен пулеметным и минометным огнем немцев. И опять не могу удержаться: если бы мистификатор Резун побывал в нашей шкуре образца 1941 года, вряд ли он стал рекламировать фальшивку Гитлера-Геббельса о том, что Красная Армия собиралась тогда напасть на Германию. Только в процессе войны мы научились бить врага по частям, вести бои в окружении и сами окружать и уничтожать противника.

Дорогой ценой мы расплачивались за бахвальство, нежелание перенимать все полезное, в том числе и в области военного искусства за рубежом, парадную шумиху, подменявшую накануне войны скрупулезную работу по подготовке всей страны и ее армии к отпору врагу.

И несмотря на это противник от Москвы отходил, упорно сопротивлялся, но отходил, даже бежал, бросая тяжелое оружие, пушки, автомашины, обозы, оставляя склады.

Малоэффективность агентурной разведки в наступлении, проводимой лишь эпизодически засылаемыми в тыл противника маршрутниками из числа местных жителей и переодетых красноармейцев, вынуждала искать более совершенных методов получения информации о немецких войсках. Возникала необходимость подготовки постоянных опытных разведчиков с современными средства-

ми связи, для чего нужно было обучать радистов, вербовать агентуру в оперативном тылу немцев, устанавливать контакты с партизанами, готовить диверсии на важнейших направлениях отхода врага.

К концу декабря наше 3-е отделение кое-что сделало в этом направлении. Было закреплено для маршрутной разведки около двенадцати вышедших из окружения, проверенных, грамотных в военном отношении младших командиров. Начали готовить трех радисток. Их планировалось направить в Вязьму, Рославль и Ельню в том случае, если наступление приостановится. Отделение оснастилось за счет немецких трофеев автотранспортом и оружием, пишущими машинками, а также образцами документов, печатями полевых комендатур, полицейскими пропусками, разрешениями на право ношения

оружия немецкими полицейскими. Правда, вся документация относилась к освобожденным Красной Армией районам, но она давала возможность как-то легендировать наших маршрутников под беженцев, бывших полицейских и старост, убегающих от «возмездия большевиков». Для полицейских из числа русских изменников этого было вполне достаточно, поскольку гестапо еще не сумело развернуть свою работу на недавно оккупированной территории, а большие перемещения людей, вызванные войной, затрудняли контроль. Оперативные работники отделения приобретали в ходе работы необходимый опыт, создавались перспективы более успешного ведения разведки в дальнейшем. Командование армии непрестанно требовало достоверных сведений о войсках противника в глубине, но, к сожалению, выполнять эти требования удавалось далеко не полностью.

Период подготовки проходил в ходе боев, наряду с рядом других дел, не относящихся к агентурной разведке. Приходилось выполнять обязанности офицеров связи, участвовать в рекогносцировках, различных расследованиях и тому подобном. Тем не менее к концу декабря мы строили планы качественного и количественного улучшения разведки, над чем напряженно работал наш маленький коллектив.

Однако эти планы были внезапно сорваны трагическими обстоятельствами.

25 декабря за городом Плавск Тульской области мы остановились в какой-то деревне на пару часов, чтобы накормить людей и немного отдохнуть. Наше отделение всегда двигалось в некотором отдалении от штаба армии и его разведотдела. Имелся категорический приказ, запрещающий в целях сохранения военной тайны размещать разведчиков, готовящихся к работе в тылу противника, вблизи штабов.

В большом кирпичном доме в центре деревни собрался почти весь наш наличный переменный состав, за исключением находившихся на задании. Хозяйка наварила своей, очевидно, последней картошки, существенной добавки к нашему все еще скудному пайку. Обед обещал быть на славу.

Несмотря на просьбы ребят остаться с ними обедать и большое желание хотя немного утолить голод, который редко покидал нас в то время, я вынужден был уйти: начальник отдела вызывал меня для доклада. Соблазн был велик, но я преодолел его. Через несколько минут после моего ухода в небе послышалось характерное завывание немецких бомбардировщиков, которые сбросили несколько бомб над центром деревни. Когда я туда прибежал, то на месте дома, в котором находились наши люди, дымилась громадная воронка.

Прямое попадание крупной авиабомбы не только уничтожило всех наших разведчиков, но и разрушило несколько соседних строений, в которых также находились наши бойцы.

Чувство близкое к отчаянию охватило меня. Погибли не только наши товарищи, с которыми мы успели по-боевому подружиться, но и рушились наши планы. Все нужно было начинать сначала.

Наступление успешно продолжалось.

30 декабря наши войска окружили город и железнодорожный узел Сухиничи в Калужской области. Взять его с ходу не удалось. Немцы превратили этот населенный пункт в мощный укрепленный район. Поддерживаемые все еще безраздельно господствующей в воздухе авиацией и располагая значительным численным превосходством в танках, они упорно сопротивлялись. Однако было завершено первое в Великой Отечественной войне крупное окружение противника советскими войсками- К сожалению, отсутствие у наступающих численного превосходства в живой силе, недостаток бронетехники, отсутствие авиации не позволили уничтожить окруженную группировку. Наши неоднократные атаки, предпринимавшиеся преимущественно пехотой, неизменно отражались немцами.

Насколько мы были слабо обеспечены техникой, в частности авиацией, в боях за Сухиничи свидетельствует то обстоятельство, что для доставки в город листовок с предложением немцам капитулировать в армии не оказалось самолетов. Листовки, отпечатанные на трофейной пишущей машинке, было приказано расклеить ночью на улицах Сухиничи нашим разведчикам, которые должны были проникнуть туда нелегально через сплошную линию оборонительных сооружений немцев. Задача была поставлена лично командующим, не пожелавшим посылать парламентеров к командованию окруженной немецкой группировки, а намеревавшегося обратиться через его голову к солдатским массам. Иллюзии о том, что немецкий пролетариат не будет воевать против первого в мире государства рабочих и крестьян, очевидно, имелись не только среди нашего народа, но и в руководящих кругах.

Потеряв при бесплодных попытках проникнуть в город для расклейки обращения нескольких лучших разведчиков, мы убедились в бесполезности дальнейших жертв. Приказ был отменен.

Для удержания кольца вокруг сухинической группировки оставили явно недостаточную блокировочную группу, которая была не в силах уничтожить, окруженного противника. Упорные

бои за Сухиничи продолжались около месяца с большими для нас потерями.

Тем временем остальные войска армии продолжали наступление и 11 января 1942 года силами одной разведроты 330-й стрелковой дивизии заняли станцию Фаянсовая и районный городок Киров в Калужской области.

Непрерывные попытки окруженной в Сухиничах группировки немцев прорваться на запад и ожесточенные контратаки основных сил противника на этом направлении при поддержке авиации и танков привели к прорыву ими 29 января кольца окружения. Это была большая неудача для армии и ее командования, не сумевшего подтянуть своевременно резервы для усиления блокировочной группы и продвинуться на запад от Сухиничи на удаление, не позволяющее окруженным силам противника выйти из кольца. На фоне удачно развивающегося общего наступления от Москвы и устранения непосредственной угрозы столице. на эту неудачу Верховное командование не обратило внимания.

31 декабря был освобожден город Белев в Тульской области. Незадолго до этого мне довелось издали видеть неприглядную картину разрушения своего родного города, с которым было связано так много воспоминаний детства. Сейчас на близких подступах к нему нам приходилось искать слабое место в обороне противника, чтобы переправить в его тыл разведчика. Незадолго перед этим к нам перебежал эльзасец-антифашист, и мы решили использовать его в качестве маршрутника.

Белев — красивый уездный городок на берегу Оки с множеством старинных церквей, двумя монастырями, один из которых основан в XVI веке, лежал в развалинах. Он несколько раз переходил из рук в руки. Странное чувство охватывало меня при виде знакомых мест. Лишь по конфигурации местности можно было узнать, что здесь располагалась деревня Жабынь — место лагерной стоянки 250-го Белевского стрелкового полка. От населенного пункта осталось несколько домов. Не в лучшем положении была деревня Болото, находившаяся еще в руках немцев.

Через стоявшую на правом высоком берегу Оки деревушку Воронец, в которой много лет учила детей моя мать, проходил передний край обороны немцев. Ее, эту деревушку, буквально стерли с лица земли. На месте большой кирпичной школы сохранилось лишь красное пятно от разбитого бомбами и снарядами в щебень кирпича. Моя бывшая хозяйка Наталья Степановна Маричева, как и остальные колхозники, не успела эвакуироваться и была угнана немцами вместе с невесткой и внуком к Орлу на принудительные работы.

Битые немецкие генералы и их друзья на Западе часто повторяют, что успех русского наступления под Москвой зимой 1941 года объясняется сильными морозами, помогавшими русским, на которых они, лютые морозы, якобы не действовали. Несостоятельность ссылок на «генерала-мороза», помогавшего Красной Армии, доказана не только последующими летними поражениями вермахта, но и тем, что зима и бездорожье в равной мере затрудняли передвижения войск той и другой стороны. Мороз безжалостно добивал на поле боя раненых и обмораживал как оборонявшихся, так и наступавших.

Не верны также и ссылки на плохую экипировку немецких солдат, которые пошли воевать чуть ли не в летних френчах, в то время как советские солдаты были будто бы почти все одеты в тулупы и валенки. Зимой 1941–1942 годов далеко не у каждого нашего бойца был под шинелью ватник и теплые стеганые штаны. Многие носили обычную шинель и кирзовые сапоги. Лишь в ходе наступления войска начали получать теплое зимнее обмундирование.

Перед отправкой на фронт мой бывший начальник майор Шерстнев подарил мне свой нагольный полушубок, который в течение всей зимы был предметом зависти моих коллег-командиров, и все они, капитаны или майоры, были одеты в простые шинели.

Кстати, я не раз с благодарностью вспоминал за этот подарок своего щедрого сослуживца, особенно когда под деревней Болото пришлось пролежать длительное время в снегу под ураганным огнем противника в ожидании темноты.

Не совсем точны также утверждения о значительном численном превосходстве наших войск над противником в живой силе и технике. В зимнем наступлении 1941–1942 годов перевес в авиации, артиллерии, особенно минометах, был несомненно у противника.

Нет, успех боев решался не «генералом-морозом», который якобы принял нашу сторону, и не численным превосходством Красной Армии, а самоотверженностью и стойкостью наших воинов, боровшихся за свободу и независимость своей Родины.

Несомненно, наши бойцы были выносливее солдат противника. Они могли, ведя справедливую борьбу, переносить большие лишения, трудности боевой жизни, довольствоваться немногом. Их боевой дух не нужно было подогревать шнапсом, они обходились без утреннего кофе. Это были люди качественно другого склада. Перед ними стояла великая цель защиты своего народа, своих близких — жен, детей, родителей.

Перерыв в наступлении нашей армии на этом направлении мы использовали для напряженной работы по подбору нужных нам людей, их подготовке и заброске в тыл противника. Командование требовало данных о противостоящей группировке противника, особенно его интересовал подход немецких резервов, их вооружение и то, что у нас принято называть политико-моральным состоянием солдат и офицеров.

Недостатка в добровольцах для работы в разведке мы и здесь не встречали. Подбор их проходил по различным каналам.

Из лесов и окрестных деревень, группами и в одиночку выходили так называемые окруженцы — бойцы и командиры разбитых немцами в период летнего наступления наших частей. Многие из этих бойцов создавали партизанские отряды и громили немецкие тылы. Некоторые разошлись по домам, пристроились в «зятья» и, оказавшись на освобожденной территории, спешили, опасаясь репрессий, явиться в воинские части с просьбой предоставить им возможность сражаться с врагом. Хотя отношение к этой категории военнослужащих было не совсем благожелательным, поскольку немцы пытались засылать под видом «окруженцев» свою агентуру, тем не менее их приходилось брать для восполнения потерь, которые в ходе наступления были весьма велики: в некоторых ротах оставалось 15–20 человек.

В наш штаб непрерывным потоком потянулись военнообязанные из числа жителей Кирова. Среди них мы находили нужных нам людей.

На месте осталось также некоторое количество служащих немецкой администрации, не считавших себя виновными перед согражданами в злодеяниях, которые чинили оккупанты. Среди них был заместитель городской полиции Воронов, несколько полицейских, технические сотрудники магистрата. После проверки через доверенных местных старожилов нам удалось установить, что оставшиеся в городе полицейские, в том числе и Воронов, предупреждали местных жителей об облавах, обысках и многих спасли от немецких репрессий.

Использовать бывших полицейских в качестве маршрутников было весьма заманчиво. Они имели подлинные немецкие документы и даже разрешения на ношение оружия. Легенда для них была бы весьма простой и естественной: бегство со своими хозяевами. После некоторых колебаний мы взяли к себе Воронова и его двух бывших полицейских и не ошиблись. Желая реабилитироваться, эти люди без устали курсировали по немецким тылам и доставали весьма ценные сведения о противнике. Через них мы собирались установить контакты с чинами немецкой полиции в Рославле, Вязьме и ряде других

крупных пунктов в немецком тылу.

В течение короткого срока пребывания в Кирове нам удалось снова, после трагической потери всего нашего личного состава, подобрать 15 разведчиков с зачислением в кадры РККА. Двух девушек планировалось обучить радиоделу и перебросить в партизанские отряды, создав в них разведывательные пункты.

Поскольку сплошного фронта на нашем направлении не было, маршрутникам удавалось сравнительно просто переходить в районы, контролируемые противником. Немцы зимой избегали располагаться вне населенных пунктов, и поэтому через лесные массивы в метель и непогоду разведчикам удавалось пробираться довольно далеко. Каждый день мы отправляли в разведку несколько человек и добились такого положения, что соответственно каждый день производили и прием наших агентов со сведениями о противнике.

Понятно, информация запаздывала на несколько дней, но с учетом стабильного фронта она все же представляла известную ценность. Узнав о возможностях относительно безопасной переброски людей в тыл на нашем направлении, к нам стали присылать группы диверсантов и разведчиков из разведотдела штаба фронта и Особого отдела НКВД. Переброска этих групп за линию нашего боевого охранения и сопровождение в промежутках между немецкими гарнизонами входили в нашу обязанность, и мы втроем с П.П.Куличкиным и Н.Я.Корчмой все ночи проводили такие операции.

До прибытия в город соответствующих советских органов, которые не спешили с возвращением из эвакуации, опасаясь вторичного перехода Кирова в руки врага, вся полнота военной и гражданской власти сосредоточивалась у начальника гарнизона — командира 1111-го полка и коменданта города майора Зиненкова М.П., которые всемерно помогали нам. В свою очередь, мы держали их в курсе обстановки в тылу врага.

Постепенно в Киров начали возвращаться некоторые советские служащие, скрывавшиеся неподалеку в сельской местности, депутаты горсовета, члены партии. Мы получили возможность хотя бы задним числом перепроверить данные о наших сотрудниках, проживавших в городе. О всех них, в том числе и бывших полицейских, мы получили самые лестные отзывы. Лучшей проверкой, конечно, являлись их боевые дела, свидетельствовавшие о патриотизме, высоком чувстве гражданского долга и самоотверженности подавляющего большинства добровольцев.

Я хочу назвать тех разведчиков, которые особенно отличились при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Антон Шалаев — житель Кирова, паренек лет 17–18, почти ребенок. Небольшого роста, худощавый, он выглядел не старше 12–14 лет, но обладал далеко не детской волей, умом, отличной памятью, хладнокровием, рассудительностью, умением владеть собой. В коротком пальтишке и стоптанных валенках он исходил сотни километров до Рославля, Ельни, Дубровки, проникая в расположение немецких частей, выклянчивая милостыню у солдат и офицеров, останавливаясь на ночлег в полицейских участках. Вряд ли мог кто-либо из врагов заподозрить разведчика в этой «жертве войны», разыскивающей своих родных. Ему подавали милостыню, подвозили на попутных машинах. А он смотрел и запоминал число орудий, танков, знаки на автомашинах, значки на погонах солдат, направление движения колонн и железнодорожных эшелонов. Сведения, добываемые им, были, как правило, точными, подробными, своевременными. Оказалось, этот паренек, не достигший еще призывного возраста, был прирожденным разведчиком. Позже ему удалось установить связь с партизанами, действовавшими неподалеку от Кирова, и еще больше расширить возможности получения информации.

За боевые подвиги Антон Шалаев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Петр Семянищев, тоже уроженец и житель Кирова. В противоположность Шалаеву, был уже взрослым человеком — ему шел 25-й год. Человек исполинского роста и богатырской силы, он ходил всегда в тельняшке и каком-то подобии матросского бушлата. Перед началом войны Петр, пройдя срочную службу в армии, поступил на работу в какое-то торговое предприятие, совершил растрату казенных денег и попал в тюрьму, откуда был освобожден немцами. Это обстоятельство его страшно угнетало. Он ненавидел своих «освободителей» всей душой и в первый же час нашего прибытия в город явился с просьбой послать его на передовую. Знаток местных условий, природный следопыт, отлично ориентировавшийся в родных местах, Семянищев был незаменимым проводником и неоднократно ходил с группами в тыл противника.

Позже, когда меня перевели в разведотдел штаба фронта, я узнал, что Петр, проводя разведывательный отряд в тыл противника, в конце февраля 1942 года наткнулся на засаду немцев, которые к этому времени уже начали стягивать свои силы к городу. Он предупредил группу об опасности и, оставшись один, прикрывал отход, отстреливаясь из автомата до тех пор, пока вражеская пуля не оборвала его жизнь.

К сожалению, подвиг Петра неизвестен даже у него на родине, и наград за свою боевую службу он не получил.

Младший лейтенант Андрей Сизов. Незаменимый связной к партизанам, много раз ходивший, а в последующем и летавший на «кукурузнике» ПО-2 в тыл к немцам. При выполнении одного из заданий самолет подбили, объятый пламенем, он упал на ничейной земле. Андрей нашел в себе силы вытащить из кабины пилота, погасить, катаясь по снегу, горящую одежду и вынести под огнем немцев раненого летчика к своим, несмотря на тяжелые ожоги.

Старший лейтенант Алексей Галюга, помощник начальника штаба 330-й дивизии по разведке. Отважный офицер, мастер разведывательного поиска. Не раз направлялся Военным советом 10-й армии и Западного фронта к партизанам для координации действий отрядов. В последующем сам командовал крупным партизанским подразделением. Налеты его бойцов на штабы, склады и мелкие гарнизоны немцев в их глубоком тылу сделали старшего лейтенанта грозой оккупантов, которые полагали, что все эти акции совершает опытный военачальник, по меньшей мере генерал-майор. В последующем А.Галюга командовал 8-й партизанской дивизией.

Дальнейшая судьба этого героя сложилась неудачно. В конце 1942 года он был ранен. Самолет, на котором намеревались его вывезти из тыла врага, подбили, и он сел на оккупированной территории. Находящегося в бессознательном состоянии партизанского командира немцы не без основания приняли за важную персону и начали лечить. После выздоровления Галюга назвал себя, но допрашивавшие его старшие немецкие офицеры не могли поверить, что грозный Галюга, хорошо известный им по диверсиям и налетам на их военные объекты, всего-навсего 28-летний молодой человек. Чтобы удостоверить свою личность, Алексей вынужден был перечислить основные операции, проведенные им незадолго до ранения. После того как он с негодованием отверг предложение гитлеровцев перейти к ним на службу, его направили в один из лагерей. Там Галюга пробыл до окончания воины, пережив все ужасы гитлеровских застенков. После освобождения частями Советской Армии ему пришлось отсидеть известный срок в советском контрольно-фильтрационном лагере, куда обычно направлялись для проверки военнопленные независимо от звания и обстоятельств пленения.

Выйдя оттуда больным, без средств к существованию, А.Галюга пытался поступить на работу, но ему, как бывшему в плену, неизменно отказывали. В отчаянии он решил обратиться к Н.А.Булганину, бывшему члену Военного совета Западного фронта, провожавшему когда-то Алексея в тыл врага. К этому времени Булганин стал министром обороны СССР. С трудом

добившись приема, Галюга доложил главе военного ведомства о своих злоключениях. К счастью, Булганин вспомнил его и приказал присвоить ему очередное звание, выдать единовременное пособие, направить на длительное санаторное лечение и назначить на должность, вернув все ордена и медали. Однако пребывание в фашистском лагерю сказалось на здоровье Алексея, он вынужден был демобилизоваться и вскоре умер.

20 января в город прибыл партизанский обоз из полдюжины саней. Его привел командир одного из отрядов Брянщины Рыжков. С ним добрался к нам сотрудник разведотдела Западного фронта старший лейтенант Орлов Георгий Ильич, направленный ранее в немецкий тыл для установления контактов с командирами наиболее крупных подразделений народных мстителей. Начальство сопровождал десяток рядовых партизан. Одним таким бойцом оказалась девушка Маргарита Протопопова.

Рыжков должен был согласовать свои действия с командованием 330-й стрелковой дивизии и получить оружие и боеприпасы, в чем очень нуждались партизаны.

Лесное воинство явилось не с пустыми руками. Был доставлен «язык», немецкий лейтенант, которого в пути опекала Маргарита. Она отдала ему свой полушубок, так как стреноженный по ногам и рукам «фриц» мог замерзнуть в дороге. Привезли партизаны и трофеи, в которых очень нуждался наш разведотдел — образцы и чистые бланки немецких документов, печати, подробную разведсводку о войсках противника и обстановке в оккупированных районах и большой мешок, туго набитый советскими денежными знаками и облигациями госзайма, отобранными в немецких учреждениях, у полицейских и старост.

Деньги и ценные бумаги предназначались для сдачи в фонд танкового соединения «Партизан». Общая сумма их была неизвестна. Для подсчета пришлось мобилизовать всех свободных от службы разведчиков. Времени потратили немало. В мешке оказалось что-то около полумиллиона рублей.

Может показаться невероятным, но это факт: начальник финансовой части нашего отдела и глава финотдела армии отказались принять свалившееся им, можно сказать, с неба богатство ввиду отсутствия приходных документов и условий для хранения и перевозки денег.

Бюрократическая возня, от нее нельзя было избавиться даже во фронтовых условиях, продолжалась довольно долго. В конце концов мешок с деньгами и облигациями удалось переслать в штаб фронта с представителем разведотдела полковником

Жемчужиным, приезжавшим проверять состояние агентурной работы нашего отделения.

А партизанский обоз мы загрузили трофейным оружием, боеприпасами и продуктами и в ночь на 22 января проводили через линию фронта, обусловив с отрядом Рыжкова связь на будущее. Через несколько недель рейс должен был повториться.

Забота о пленном немецком лейтенанте не прошла даром для Маргариты. Она сильно простудилась и была вынуждена остаться в городе до прибытия очередного партизанского обоза. Поправившись, молодая партизанка возвратилась в свой отряд, пробыла длительное время в тылу противника, получила ранение и за боевые подвиги была награждена.

Много лет спустя Маргарита Протопопова погибла от нелепой случайности: в 1968 году, переходя улицу в Брянске, поскользнувшись, упала и получила смертельную травму головы.

За время пребывания в Кирове наше разведывательно-диверсионное отделение начало систематически давать сведения о противостоящем противнике по донесениям партизан и агентов-маршрутников, что вместе с данными авиационной и войсковой разведок, а также показаниями пленных обеспечивало командование 10-й армии относительно полной информацией. Мы намеревались через некоторое время подготовить и послать к партизанам, первым делом в отряд Рыжкова, радистов, с тем чтобы поступление разведывательных донесений сделать более оперативным.

В конце января для проверки работы разведки в 10-ю армию прибыл в качестве инспектирующего начальник 2-го отделения разведотдела штаба Западного фронта полковник Жемчужин. Это был оригинальный человек, для которого форма всегда и во всем главенствовала над содержанием. Разведку он не знал, боялся ее и, как утверждали злые языки, добился своей по тем временам высокой должности исключительно благодаря родственным связям, если не ошибаюсь, с женой Молотова.

Всю работу Жемчужин провел в основном в штабе армии в деревне Соболево в 50 километрах от Кирова на восток, где в то время находился и разведотдел. Он пришел в ужас, когда узнал, что с нами сотрудничают трое бывших полицейских, добрый десяток окруженцев и один осужденный советским судом и отпущенный немцами из тюрьмы арестант Семянищев. Его не интересовало, что сводки разведотдела правдиво информируют о группировке противника, что окруженцы установили связь с партизанскими отрядами, а полицейские всеми силами пытаются загладить свою вину перед Родиной. Налицо был криминал. И

вскрыл его, этот криминал, он, Жемчужин. Как представитель высшего штаба, он немедленно сообщил о «засорении агентурной сети разведотдела» в Особый отдел НКВД, доложил начальнику штаба армии и члену Военного совета, после чего выехал в Киров, который к тому времени уже находился под сильным авиационным воздействием противника. Очевидно, это обстоятельство заставило его быстро свернуть проверку на местах. Забрав деньги, о чем я уже говорил выше, и сообщив о том, что претензий у него к нам нет, он, не пробыв у нас и суток, убыл в штаб армии, заявив, что через несколько дней вызовет туда всех наших сотрудников. На предложение познакомиться лично с вернувшимися из рейдов по немецкому тылу разведчиками, принять участие в переброске большой группы, направлявшейся с диверсионными задачами на безопасном, с нашей точки зрения, направлении, полковник ответил, что он вполне доверяет нам и не считает нужным это делать.

Отправляясь на операции по заброске разведчиков в тыл врага, мы на всякий случай всегда оставляли личные документы в безопасном месте. Так и в тот раз. Свою полевую сумку, где были чистые бланки обязательств и подписок, немецкие штампы и печати и чистая книжка с бланками донесений, я передал старшему лейтенанту Корчме с приказанием переправить ее до моего возвращения во второй эшелон штаба. В сумке также находилось мое удостоверение личности.

Вернувшись после выполнения задания, которое на этот раз продолжалось несколько дней, так как переправлять разведчиков становилось все труднее и труднее из-за концентрации немецких войск у города, я был удивлен требованием немедленно прибыть в штаб. Там уже находились Куличкин, Корчма и Житков, таким образом, в случае прибытия разведчиков принять их и обработать полученную устную информацию было бы некому.

В штабе нам пришлось задержаться на несколько дней. Мне предъявили инспирированное «ревизором» Жемчужиным обвинение в засорении агентурной сети враждебными элементами. Я был привлечен к партийной ответственности. Полковник в порядке перестраховки так напугал мое руководство, что оно отмежевалось от всех дифирамб, которые пелись мне, когда шел поток достоверной информации. Были отозваны наградные материалы не только на меня, но и на моих помощников. На заседании партийного бюро штаба, где разбиралось мое персональное дело, кроме комиссара разведотдела никого не было, и мне за указанное выше «засорение» был объявлен выговор без занесения в учетную карточку. Прямо с заседания бюро меня вызвали к

оперуполномоченному Особого отдела НКВД.

Здесь ожидал новый сюрприз. Следователь, с которым мы были весьма близко знакомы по работе, вдруг с серьезным видом достал бланк протокола допроса и начал так называемое дознание. После стереотипных вопросов: фамилия, имя и так далее, ответы, которые ему были отлично известны, он перешел к существу дела.

— Это ваша сумка? — спросил капитан.

Сумка была действительно моя.

— Где вы ее потеряли, когда, почему не доложили по команде?

Узнав, что я ее не терял, а перед уходом на операцию передал своему помощнику старшему лейтенанту Корчме, следователь вызвал его. Корчма подтвердил все мои показания, но добавил, что в отсутствие начальника ему тоже пришлось выполнять одно срочное задание, и он передал злосчастную сумку нашему сотруднику старшему лейтенанту Житкову, отправлявшемуся в то время в разведотдел, дислоцировавшийся в Соболево.

Следователь приказал пригласить Житкова. Тот, понятно, сильно перетрусил: кто же тогда не боялся всесильного НКВД? Предчувствуя, что его начальник, то есть я, так или иначе будет снят с занимаемой должности, он категорически заявил: никакой сумки не получал и ко всей этой истории отношения не имеет.

Корчма чуть было не накинулся на него с кулаками. Сомневаться в правдивости показаний моего верного помощника следователь не имел оснований, тем более что при проверке помещений, занимавшихся сотрудниками разведотдела, сумка была обнаружена в покинутой избе, где раньше квартировал Житков. Очевидно, при очередной бомбежке деревни мой трусоватый подчиненный, убегая в убежище, просто забыл захватить ее с собой.

Установить владельца сумки не составляло труда: в ней лежало мое удостоверение личности. Кстати, это был единственный документ из числа бумаг, находившихся там, который весьма в отдаленной степени мог быть назван секретным. Однако убедить строгого слугу Фемиды в никчемности всего дела не удалось. Важно заявив, что в трибунал, возможно, он дело и не передаст, капитан предупредил, что будет настаивать на строгом дисциплинарном наказании за притупление бдительности в боевой обстановке. Ходатайство и мотивировку бдительного стража закона командование удовлетворило, и мне вместо ордена, к которому я был представлен, командующий войсками Западного фронта генерал-полковник Г.К.Жуков объявил выговор, подчеркнув, что

ограничивается столь мягким наказанием только учитывая мои прежние заслуги.

За десять лет пребывания на военной службе мне не раз приходилось вместо ожидаемого поощрения получать взыскания, вызванные, как правило, чрезмерным служебным рвением, но никогда они не были так незаслуженны и обидны, как в этот раз.

Позже мне стало известно о том, что проверяющий из разведотдела штаба фронта полковник Жемчужин, узнав о найденной сумке с личными документами начальника 3-го отделения, рекомендовал строго наказать виновного, даже не ознакомившись, с этими документами. Характерно для того времени, что наши прямые начальники, в частности майор Колесов, не сделал ни малейшей попытки вмешаться во всю эту историю, чтобы внести должную ясность. Он предпочел на это время выехать в одну из дивизий с тем, чтобы не быть косвенно обвиненным в отсутствии бдительности.

В Кирове, где за время нашего отсутствия накопилась масса дел, на меня обрушился новый тяжелый удар: трое наших разведчиков — бывшие полицейские Воронов и двое его помощников в наше отсутствие были арестованы и постановлением тройки НКВД расстреляны.

Оказывается, полковник Жемчужин во время краткосрочного визита в Киров не только расточал нам улыбки и высказывал удовлетворение работой, но и успел навестить только что возвратившегося из эвакуации начальника районного отделения НКВД и договорился с ним об аресте «изменников родины», пробравшихся в военную разведку.

Трудно передать возмущение, охватившее нас. Беззаконие, самоуправство и вероломство, которые творили некоторые работники НКВД в те времена, расценивались обычно нами как неизбежные издержки борьбы с классовым врагом. Но здесь был образец вопиющего произвола. Уничтожили людей, добросовестно выполнявших опасную боевую службу в разведке.

Спасти их уже было нельзя. Но по крайней мере, может быть, реабилитировать казненных, чтобы не страдали невинно их семьи. С этим предложением я пришел в районный отдел НКВД и пожаловался на незаконность действий в отношении наших репрессированных агентов. В ответ шеф районной госбезопасности заявил, что вопрос об аресте бывших полицейских, попавших по близорукости начальника 3-го отделения разведотдела в разведку, был согласован с представителем штаба фронта полковником Жемчужиным. В НКВД этих людей рассматривали не как наших агентов, а как предателей, которые в соответствии с приказом о введении в

городе осадного положения подлежали расстрелу на месте, что и было сделано. При этом он добавил, что мне повезло: по всем правилам я должен был разделить их участь, поскольку предоставил врагам народа лазейку в святая святых нашей армии — разведку.

Все мои доводы ни к чему не привели. «Старые и проверенные кадры» ведомства Берия шутить не любили.

В тот же день я получил телефонограмму сдать все дела и личный состав капитану Куличкину Н.П. и прибыть в штаб армии для получения назначения к новому месту службы.

С тяжелым чувством я покидал Киров. Жаль было оставлять боевых товарищей, которые тоже были возмущены чудовищной несправедливостью. Многим стало известно об аресте нескольких наших секретных сотрудников, и их беспокоила собственная судьба. Побывавшие в окружении, а их было большинство, вспоминали волей-неволей немецкую пропаганду, которая утверждала: все попавшие в плен и побывавшие в окружении никогда не будут прощены советской властью.

Но война продолжалась, все эти события, так волновавшие нас и казавшиеся нам значительными, на общем фоне великой битвы, охватившей весь мир, были ничтожно малыми. Возникала мысль жаловаться, но кому и зачем? Кто будет в такое время, когда жизнь человеческая ничего не стоила, пересматривать решения, принятые ответственными людьми?

Тепло распрощавшись со своими ребятами, успокоив их насколько это было возможно, я уехал в штаб армии.

Гибель резидеытуры «Паскаля»

Читатели, наверное, помнят, что моих однокашников по Центральной школе — военинженера 3-го ранга Константина Ефремова и старшего лейтенанта Михаила Макарова после окончания учебы послали на нелегальную работу. Я не подошел: туговато овладевал иностранным языком. Поэтому меня определили в оперативный отдел подшивать бумаги и ждать назначения на какие-нибудь легальные дела.

Я если и завидовал Константину и Михаилу, то вовсе не черной завистью. Ефремов прекрасно овладел немецким языком. Видно, как говорят, от Бога у него были большие лингвистические способности. А Михаил еще до Центральной школы хорошо знал испанский и успел побывать в стране Дон Кихота как переводчик одной из эскадрилий в республиканской армии, сражавшейся с войсками мятежного генерала Франко и германо-итальянскими интервентами.

Макарова я знал мало. Встретился с ним лишь в Центральной школе. А вот Костя Ефремов известен мне сызмальства. Он мой земляк, однолеток, десятого года рождения, из бедной крестьянской семьи, хозяйствовавшей в небольшой деревне Заводской Хутор Тульской области. Вместе с ним я окончил школу-семилетку. Потом нас послали на рабочий факультет в Туле. По окончании оба мы поступили в Московский химико-технологический институт. Через год это учебное заведение преобразовали в Военно-химическую академию. Мы стали слушателями инженерного факультета.

Константину в равной мере легко давались точные и гуманитарные науки. Он оказался очень толковым человеком. Недюжинные способности этого крестьянского парня умножались на упорство, большую работоспособность, неутомимую жажду знаний. Достаточно сказать, что за время обучения на рабфаке и в академии он изучил немецкий и английский языки, да так, что мог свободно делать на них доклады, переводить «с листа» сложные технические и военно-политические тексты.

Как человек мой земляк уже тогда отличался большой принципиальностью, развитым чувством ответственности за порученное дело, нетерпимостью к недостаткам. Характер у него был ровный, он не любил многословия, формулировал свои мысли ясно и четко.

В 1937 году Ефремов блестяще закончил академию.

Государственная экзаменационная комиссия отметила его выдающиеся способности к научной работе и рекомендовала в адъюнктуру. Но его дальнейший жизненный путь сложился иначе. Еще на последнем курсе талантливый слушатель привлек внимание нашей военной разведки. Перед выпуском Константина пригласили к начальнику одного из отделов разведуправления РККА комбригу Стигге, который предложил ему стать сотрудником секретной службы.

Ефремов без колебаний согласился. Он отказался от карьеры ученого, которую ему настоятельно прочили начальники и друзья. Константин понимал всю важность и необходимость разведывательной работы, расценивал ее не как романтическое занятие, а считал поручением государственной важности.

В конце 1938 года мой земляк начал интенсивно готовиться к длительной и опасной загранкомандировке. В короткий срок он овладел большим объемом необходимых для разведчика-нелегала знаний.

Через год Ефремов (ему присвоили оперативный псевдоним «Паскаль») был вывезен через Швецию в Бельгию под видом финского студента Эрика Хернстрема. Там он возглавил резидентуру, которая действовала и в Голландии. Главная ее задача — развернуть активную работу против Германии и создать надежную систему связи с другими советскими агентурными группами в нацистской империи в случае нападения фашистов на Советский Союз.

До этой командировки «Паскаль» никогда за рубежом не бывал и опыта работы в нелегальных условиях не имел. Более того, он не успел изучить язык стран, где ему предстояло действовать, за исключением немецкого. А тут еще, как на грех, выявились и другие изъяны его подготовки.

Из-за спешки в Москве, недостаточной проработки легенды-биографии Ефремову сразу же пришлось столкнуться с рядом трудностей. Паспорт, по которому он должен был жить в Бельгии, был просрочен, в нем отсутствовала бельгийская виза. Сразу после ею прибытия в страну бельгийская полиция потребовала, чтобы «Паскаль» представил свидетельство о «благонадежности» и поручительство родителей, что он располагает необходимыми финансовыми средствами для учебы в Бельгии.

С большим трудом Ефремову удалось уладить все формальности и сколотить свою резидентуру. В короткий срок он установил надежную связь с Центром и подготовил условия для получения информации от разведчиков в Германии, Бельгии и Голландии.

Учитывая положительные результаты работы, командование

присвоило Ефремову звание военинженера 2-го ранга (майора).

К началу войны резидентура «Паскаля» имела три линии связи с Центром. Одна Амстердам-Москва и две Брюссель-Москва. После 22 июня 1941 года по всем трем каналам непрерывным потоком пошли сведения о дислокации и передвижении немецких войск в Бельгии и Голландии. Одновременно активно изыскивались новые источники информации. Между Бельгией и Голландией была создана курьерская линия связи.

В июне 1942 года от «Паскаля» начали поступать тревожные сигналы. Он сообщил, что с 6 по 7 июня одна из его радиоточек в Брюсселе была на волоске от провала. На улице, где она находилась, гитлеровцы прочесали все дома. Резидент немедленно прервал работу рации. Это было верное решение. Но нужно было перевести ее на запасную квартиру. Это, к сожалению, не сделали. Радист вскоре возобновил передачи с прежнего места, где и был арестован гестаповцами в ночь с 29 на 30 июня.

Вскоре схватили и другого радиста. Ефремов принял все зависящие от него меры по локализации провала. Но было поздно. Немецкая контрразведка уже сумела заполучить достаточно сведений и документального материала об организации «Паскаля». Кроме того, гестаповцам удалось внедрить в нее своего агента. 7 августа 1942 года провокатор вызвал резидента на встречу под тем предлогом, что ему нужно срочно передать важные документы. Тут-то гестаповцы и арестовали нашего разведчика. Затем в их руки попали другие члены резидентуры в Бельгии и Голландии.

Немцы заключили «Паскаля» в крепость Бреендонк в Брюсселе. Его подвергли жестоким пыткам. В записке, которую он передал одному из заключенных и которую удалось вынести на волю, он нацарапал: «Я прошел через ад Бреендонка и испытал все. У меня есть только одно желание — увидеть свою мать». А его 73-летняя мать Акулина Федоровна и молодая жена, с которой он прожил всего полтора месяца до отъезда за рубеж, считали, что Константин пропал без вести.

Оказавшись в руках гестапо, большинство разведчиков вели себя мужественно и стойко. В 1943 году нацистский суд приговорил «Паскаля» к смертной казни. Такие же приговоры были вынесены его соратникам. Фашистский прокурор констатировал: «Они причинили рейху ущерб больший, чем целая армия противника».

В конце 1943 года военный инженер 2-го ранга Константин Лукич Ефремов и члены его организации были расстреляны.

Как же провалилась резидентура «Паскаля»? В чем причина ее гибели?

После войны о деятельности агентурной сети нашей военной разведки в Германии и оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы стало многое известно. Из многочисленных фактов, оказавшихся до настоящего времени достоянием гласности, вырисовывается следующая картина.

Перед началом войны в 1937–1940 годах военная разведка Красной Армии создала в гитлеровском рейхе и странах Западной Европы хорошо организованные резидентуры, располагающие эффективной радиосвязью с Центром.

Назову наиболее важные из них. В Германии это берлинская разведгруппа Ильзе Штебе (оперативный псевдоним «Альте») с собственной рацией. Во Франции резидентура во главе с Леопольдом Треппером («Отто»), которая имела две линии радиосвязи с Центром. В Бельгии резидентура, которую возглавлял Анатолий Гуревич («Кент»), с одним радиопередатчиком. В Бельгии еще одна резидентура, которой руководил Константин Ефремов («Паскаль») с тремя линиями радиосвязи с Центром. В Швейцарии разведгруппа Шандора Радо («Дора») с тремя радиостанциями.

С самого начала резидентуры «Отто» в Париже и «Кента» в Брюсселе были связаны между собой. Но разведточки «Паскаля» в Брюсселе и «Доры» в Женеве действовали совершенно изолированно.

Кстати, Михаил Макаров («Аламо»), поначалу возглавивший отдельную разведточку в бельгийском городе Остенде, в 1941 году вошел в состав брюссельской резидентуры «Кента» и стал его заместителем и радистом.

Первый удар немецкой контрразведки пришелся как раз по этой резидентуре. 13 декабря 1941 года гестаповцы совершили налет на радиоквартиру «Кента», арестовали Макарова, шифровальщицу Софи Познанскую, хозяйку квартиры Риту Арну и Ками — радиста-стажера из парижской группы «Отто», проходившего подготовку по радиоделу.

Самому «Кенту» удалось избежать ареста. Он сумел уйти в неоккупированную часть Франции, где обосновался в Марселе и продолжил работу до конца 1942 года, когда был схвачен гитлеровцами.

Резидентура «Паскаля» не была затронута провалом разведточки «Кента» и продолжала активно действовать.

И тут Центр делает большую ошибку. Не дождавшись выяснения всех возможных последствий ареста «Аламо» и провала организации «Кента», там торопливо принимают

решение о передаче его оставшихся на свободе агентов резиденту «Паскалю».

Эта спешка понятна. Красная Армия проигрывает сражение за сражением. Немцы захватили огромные территории Советского Союза — Украину, Белоруссию, Прибалтику, ряд центральных областей, взяли в кольцо Ленинград, дошли до предместий Москвы — в ходе только что начавшегося зимнего наступления нам удалось оттеснить выдохшиеся немецкие армии от столицы, но угроза ей еще не миновала. Советскому командованию нужна своевременная и максимально полная информация о замыслах гитлеровского командования, о численности, дислокации, передвижении живой силы и техники противника. Нужны как воздух самые свежие и точные данные. Потерю одной резидентуры должна немедля восполнить другая…

Хорошо законспирированная разведгруппа «Паскаля» стала как бы резервом главного командования. И ее бросили в бой, не задумываясь над тем, что резидента и его людей, возможно, ставят под удар. Так, к сожалению, и случилось. Среди оставшихся на свободе агентов «Кента» оказался провокатор гестапо.

В ночь с 29 на 30 июня 1942 года гитлеровцы совершили налет на радиоквартиру резидентуры «Паскаля» в Брюсселе. Радист Венцель («Профессор») пытался бежать, но безуспешно. На допросе он признался, что является советским разведчиком.

Как только представилась возможность, Ефремов направил в Центр сообщение об аресте Венцеля и о захвате гестаповцами рации и шифров. Оно было получено 15 июня. Центр потребовал от «Паскаля» принять необходимые меры по локализации провала. Но этого ему не удалось сделать. Агент гестапо, внедрившийся в резидентуру, выдал Ефремова. Резидент был арестован. В последующие несколько дней гитлеровцы схватили многих его еще оставшихся на воле помощников.

Резидентура «Паскаля» перестала существовать.

Не выдержав жестоких пыток, радист Венцель в августе выдал шифр и согласился работать на рации с Центром под контролем гестапо. 11 августа он впервые вышел в эфир.

«Профессор» затеял эту игру с немецкими контрразведчиками, так как был убежден, что в Москве знают о провале и не будут всерьез принимать его сообщения или же, что еще лучше, воспользуются его линией связи для дезинформации противника.

Но в Центре почему-то ошибочно расценили его радиотелеграмму как подтверждение того, что он находится на свободе, и начали с ним радиообмен. В этой радиоигре выиграли

гестаповцы, так как в московских сообщениях раскрылись члены резидентуры, избежавшие задержания после ареста «Паскаля».

Вслед за организацией Ефремова гестапо разгромило разведгруппу «Отто» во Франции. Сам резидент был арестован 24 ноября 1942 года, а через неделю — его помощник Лео Гросефогель («Андре»), у которого обнаружили шифр и тексты радиограмм, что облегчило немцам организацию радиоигры с Центром.

Несколько раньше, 9 ноября, гестаповцы захватили в Марселе Гуревича («Кента»). Все они дали согласие сотрудничать с немецкой контрразведкой, надеясь не только сохранить себе жизнь, но и с помощью Центра перехитрить в этой игре гестапо. Радиостанция Треппера стала работать под контролем гестапо с 25 декабря 1942 года, а Гуревича — с 3 марта 43-го.

Осенью того же года руководители гитлеровской Германии, использовав документы, захваченные при ликвидации резидентур «Кента» и «Отто», а также показания арестованных сотрудников этих разведгрупп, оказали сильный нажим на швейцарское правительство. В Берне дали приказ полиции ликвидировать резидентуру «Доры», располагавшую тремя радиоточками и оперативно снабжавшую Центр точной и достоверной информацией о замыслах правительства и военного руководства Германии. Эта резидентура была разгромлена. Резиденту Шандору Радо с женой, которая помогала ему в работе, удалось бежать во Францию, где они укрылись на территории, находившейся под контролем французских партизан.

Что касается разведывательных организаций в Берлине, то гестапо вскоре после захвата шифров и ареста Макарова и шифровальщицы Познанской на радиоквартире «Кента» приступило к уничтожению группы «Альты», а также разветвленной резидентуры «Корсиканца» и «Старшины», которой руководила внешняя разведка НКВД СССР.

Всего в процессе ликвидации разведывательных групп в Бельгии, Голландии и Франции были арестованы свыше 100 человек и в Германии — около 200 антифашистов. Большинство из них подверглись жестоким пыткам в тюрьмах и лагерях, многие были казнены или умерли, не выдержав чудовищных истязаний. Но некоторые уцелели. Особенно те, кто был вовлечен гестапо в радиоигру с Центром. Более того, Треппер и Венцель сумели так притупить бдительность гестаповцев, что те проморгали, как арестованные бежали из конспиративных квартир, откуда велись радиоигры. А Гуревичу в последние дни войны, когда уже «третий рейх» трещал по всем швам и гестаповцы лихорадочно искали, где можно спастись от

справедливого возмездия, удалось убедить начальника специальной команды, занимавшейся ликвидацией советской агентурной сети и проведением радиоигр с московским Центром, хауптштурмфюрера СС Паннвица сдаться советским властям вместе со своим радистом, оперативными делами и имуществом гестаповского подразделения.

Правда, по возвращении в Советский Союз Треппера, Гуревича, Венцеля и других участников разведывательной организации обвинили в предательстве, сотрудничестве с немцами и заключили на длительные сроки в лагеря. Но они остались живы и в конце концов через 10–12 лет оказались на свободе. Потом их реабилитировали. Длился этот процесс долго. Гуревич, например, получил политическую и правовую индульгенцию лишь в 1991 году. А Треппер выехал в Польшу, потом перебрался в Израиль и написал там свои воспоминания о разведывательной работе под названием «Большая игра» (имеется в виду сложный радиообмен между гестапо и московским Центром). Недавно выпустил свои мемуары и Гуревич.

Конечно, им пришлось страшно тяжело, они много выстрадали. Но, повторю, остались живы. (Треппер не так давно скончался на «земле обетованной».)

А вот Константину Ефремову, единственному в огромной разведывательной организации офицеру с академическим образованием, военному инженеру 2-го ранга, к сожалению, не повезло. В исключительно сложных обстоятельствах под надзором гестаповцев «Паскаль» сумел предупредить Л.Треппера о том, что он под страшной пыткой выдал свой шифр. Но мой земляк ничего не рассказал в гестапо о фирмах, которые служили прикрытием резидентур «Отто» и «Кента». Установлено также, что гестаповцы не добились успеха на рации от имени Ефремова: он заявил, что не годится для такого дела.

В 1943 году гитлеровский военный суд приговорил Константина Ефремова к смертной казни. На вопрос подсудимого, как приведут приговор в исполнение, председатель суда ответил:

— На честный солдатский вопрос последует откровенный ответ — расстрел.

Так погиб мой земляк и однокашник, товарищ по службе, человек долга и чести, российский разведчик Константин Лукич Ефремов.

После войны наша служба пыталась установить подлинные обстоятельства гибели резидента «Паскаля». Но не удалось. Даже не нашли место захоронения тела разведчика.

И вообще, долго о нем ничего не говорилось и не публиковалось. Лишь в 1968 году издательство Министерства обороны выпустило книгу «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР», в которой можно было прочесть следующие строки: «В органах разведки работали люди, беззаветно преданные делу коммунизма. Среди них были такие выдающиеся разведчики, как КЛ.Ефремов, Л.Е.Маневич, Р.Зорге и многие другие». Вскоре в Военной академии химической защиты по инициативе политотдела выпустили типографски напечатанный «боевой листок» с описанием подвига бывшего слушателя этого учебного заведения военинженера 2-го ранга Ефремова. Затем в 1972 году издательство «Политическая литература» выпустило книгу Н.Азарова и Вл. Кудрявцева «Забудь имя свое», в которой говорилось о подвиге Константина Ефремова. А год спустя тульская областная газета «Коммунар» в четырех номерах напечатала о нем большой очерк «Парень с Голубой речки».

И вдруг снова завеса молчания опустилась на Константина Ефремова и на все, что было связано с ним. Тогда я обратился с письмом к начальнику Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генералу армии А.А.Епишеву. Я изложил в нем трагическую историю офицера разведки Константина Ефремова, расстрелянного гестаповцами по приговору нацистского суда. «Имена Героев Советского Союза Л.Маневича и Р.Зорге, — писал я, — стали символами доблести и беззаветной преданности нашей Родине. Однако до настоящего времени о подвиге К.Л.Ефремова в глубоком тылу противника и обстоятельствах его гибели ничего не известно нашим людям. Даже его близкие, друзья, знакомые, односельчане до сих пор полагают его пропавшим без вести».

Далее я просил духовного руководителя нашей армии объективно разобраться в деле Константина Ефремова, отметить его героическую деятельность, верность воинскому долгу и Родине правительственной наградой, которую он давным-давно заслужил, присвоить его имя хотя бы школе в Тульской области, где он учился, назвать его именем улицу, если не в Москве, то в его родной Туле. Все эти меры по увековечиванию памяти героя-разведчика, несомненно, оказали бы большое воспитательное действие на нашу молодежь, в том числе на молодых воинов советских вооруженных сил.

Так закончил я письмо, которое направил главному политруку в надежде, что он все поймет и призовет к ответу бюрократов, которых хватало, к сожалению, и в нашей стране. Время шло, но генерал армии молчал. Тогда я повторил свою попытку — направил на высочайшее имя другое послание.

Результат тот же, точнее, никакого результата.

Я почувствовал, что с Константином Ефремовым что-то неладно, и через старых товарищей по службе попытался неофициально навести справки о своем земляке.

В конце концов дело прояснилось.

— Понимаешь, — сказали мне, — Константина сильно очернили, замазали такой жирной грязью, что от нее трудно отмыться. И сделал это не кто иной, как Леопольд Треппер, парижский резидент «Отто».

Действительно, после ареста советской контрразведкой «СМЕРШ» «Отто» показал на допросах, что Ефремов предатель, выдал всех известных ему участников разведывательной организации. Правда, свои показания «Отто» не подтвердил конкретными фактами, за исключением того, что «Паскаль» раскрыл гитлеровцам свой шифр.

Обвинения в отношении Ефремова Треппер в развернутом виде бездоказательно повторил и в своей книге «Большая игра», которую написал после освобождения из заключения.

Надо сказать, что и Гуревич во время допросов советскими контрразведчиками, спасая себя в меньшей степени, чем Треппер, но тоже бросил тень на доброе имя Ефремова.

Все эти наговоры рассыпаются в пух и прах, если честно ответить на вопрос: почему немцы расстреляли «Паскаля», выдавшего им людей и секреты советских разведгрупп, и оставили в живых «Отто» и «Кента», скрывших от гитлеровцев свои истинные намерения и не сообщив им никаких важных сведений? Если бы в действительности было так, немцы поступили как раз наоборот: казнили бы последних двух и не тронули бы «Паскаля».

Сейчас, когда в ГРУ пришло новое поколение развед-* чиков, свободных от идеологических догм и шаблонов прошлого, когда российская армия вступает в период настоящего реформирования, я полагаю, есть возможность и необходимость сказать правду о том, что было с Константином Ефремовым, снять наговоры и клевету с его доброго имени и воздать ему должное за отважную и результативную работу на благо нашей Родины в экстремальных условиях.

Я верю в то, что так в конце концов обязательно будет.

Не раз я раздумывал над тем, как повел бы себя знаменитый автор псевдобестселлеров Владимир Резун (он же Виктор Суворов), окажись он на месте Константина Ефремова.

Такое сравнение вполне правомерно. И тот и другой были советскими разведчиками. Оба получили академическое

образование: Ефремов в 1937 году закончил Военную академию химзащиты, а через полтора года — Центральную школу разведуправления РККА, когда ему было 28 лет; Резун — Военно-дипломатическую академию в 1974 году, в возрасте 27 лет. Вскоре после окончания подготовки Ефремов в конце 1939 года был послан в загранкомандировку для работы в особых условиях, короче говоря, возглавил нелегальную резидентуру в Бельгии. Здесь его на каждом шагу подстерегала смертельная опасность. Провал грозил ему высшей мерой наказания — расстрел или гильотина. Резун же по дипломатическим документам выехал в Швейцарию в разведточку «добывающим» офицером. Если бы он споткнулся, никто не смог бы не только казнить его, но и посадить в тюрьму. Его надежно прикрывал дипломатический паспорт, ему ничего не угрожало. В крайнем случае, провались он, швейцарские власти объявили бы его персоной нон грата и выслали из страны. Так что он мог работать спокойно, не трясясь за свою шкуру.

А Ефремов рисковал своей жизнью каждодневно, особенно после нападения Германии на Советский Союз. Ведь Центр, верховное главнокомандование советскими войсками испытывали огромную нужду в своевременной, достоверной информации о замыслах военных и политических руководителей фашистской Германии, дислокации и передвижении частей и соединений вермахта, резервах, состоянии экономики… Самые разнообразные вопросы сыпались десятками каждые сутки. Надо было как можно быстрее получить информацию, а главное, срочно передать. Радистам приходилось грубо нарушать конспирацию, часами висеть в эфире. Это облегчало действия немецкой радиоконтрразведки и неминуемо вело к провалу. Рано или поздно.

Ефремов и его соратники понимали это, но сознательно, как камикадзе, шли на смертельный риск, играли своими жизнями, лишь бы обеспечить Москву необходимыми сведениями.

А Резун? Напичканный разведывательными премудростями, прекрасно подготовленный «добывающий» офицер военной разведки столкнулся с первыми трудностями, струсил и решил перебежать к противнику. Это сейчас он утверждает, что изменил по идейным соображениям: не мог больше жить под игом тоталитарного режима. Его «прозрение» началось, мол, с чехословацких событий, когда он в составе советских войск участвовал в наведении «социалистического порядка» в этой маленькой, чистенькой, сытой центрально-европейской стране.

Чепуха все это! Не только Резун, немало других советских людей — гражданских и носящих погоны — были не согласны с

брежневским решением «чехословацкой проблемы». На ведь они не стали предателями. Они дождались времени, когда в нашей стране рассыпался тоталитарный режим и начались демократические перемены. Они были законопослушными гражданами, настоящими патриотами.

Предателями не рождаются. Ими становятся!

Резуном двигали отнюдь не высокие побуждения. Он сам не отрицает, что предатель. Он согласен, что совершил измену. Он попросил прощения у своего отца, Богдана Резуна, украинского хлебороба, прошедшего войну с первого до последнего дня. «Его я сделал отцом предателя, — сокрушался изменник, обращаясь к русскому читателю в октябре 1992 года, — как он с этим живет? Не знаю, у меня не хватает смелости это представить… Мой отец был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил. И я снова прошу прощения у своего отца. Перед всей Россией! На коленях!»

Мне трудно сказать об этом что-то определенное. Я не располагаю на сей счет достаточной информацией. Но полагаю: главный побудительный мотив у Резуна — это неудовлетворенность своим служебным положением. Он считает, что ему помешали сделать большую карьеру, мнит себя великим разведчиком, которому не дали ходу, лишили возможности проявить свои «таланты». Вот и пошел он по стопам предателя Пеньковского, полковника, служившего в ГРУ до 1962 года, ставшего агентом американской и британской разведок.

Этому взбесившемуся карьеристу, предлагавшему своим англо-американским хозяевам чудовищный план уничтожения правительственных учреждений и военных объектов в нашей столице атомными зарядами, которые он, Пеньковский, брался заранее заложить и взорвать, предатель младшего поколения — Резун поет дифирамбы и считает его образцом для подражания.

Они похожи друг на друга, как близнецы, эти два предателя. С одной лишь разницей — Пеньковский старше Резуна на 28 лет и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, а автор «Аквариума» и «Ледокола» тоже приговорен к высшей мере наказания, но пока сумел укрыться от справедливого возмездия и забился в убежище на Британских островах, трясясь от страха за свою шкуру.

Константин Ефремов и Владимир Резун. Два воспитанника «Аквариума» — две судьбы. Один — четыре года активно действовал в труднейших условиях в глубоком тылу у гитлеровцев и погиб как герой, выполняя важное задание Центра. Другой — за тот же четырехлетний срок работы в легальных условиях в нейтральной стране сбежал к противнику в «холодной

войне», живет там безбедно, пользуясь кормушкой британских спецслужб и выливая ушаты грязи на свое Отечество, свой родной народ.

Один — оклеветан, забыт, имя его окружено стеной молчания.

Другой — известен всему миру, купается в лучах незаслуженной славы и скандальной известности созданными миллионными тиражами написанных им тенденциозных и лживых книг.

Где правда? Где справедливость?

Агентура на конвейере

К моему удивлению в апреле 1942 года меня назначили с повышением на должность старшего помощника начальника второго (агентурного) отделения разведывательного отдела Штаба Западного фронта. Отделом руководил полковник Ильницкий, его заместителем был полковник Мильштейн, а моим непосредственным начальником оказался… полковник Жемчужин. Да, тот самый безжалостный инспектирующий, который испортил мне так много крови.

Второе отделение находилось в Москве поблизости от станции метро «Аэропорт». По нашим правилам, агентурный аппарат всегда стараются расположить подальше от штаба и, естественно, действующих войск. Третье (диверсионное) отделение, которое возглавлял майор Спрогис, также дислоцировалось в столице. Тут был определенный. расчет. Многомиллионный город представлял собой неисчерпаемый резервуар кадров для разведки. В нем проще, чем где-либо, было законспирировать готовящихся к выполнению заданий людей, организовать их отдых, питание, экипировку, а переброска разведчиков через линию фронта осуществлялась только самолетами с любого из подмосковных аэродромов, а иногда даже и с Центрального, который в ту пору действовал на полную мощность.

Кадровым сотрудникам в этом высшем звене оперативной разведки уже не приходилось лично перебрасывать разведчиков в тыл противника через линию фронта или часами дожидаться их встреч на передовой, опасаясь, чтобы свои не подстрелили в непогожую зимнюю ночь внезапно вынырнувшего из тьмы маршрутника, несущего с нетерпением ожидаемые сведения о противнике.

Москва все еще походила на прифронтовой город, да по существу и являлась им. Соблюдалась весьма строго светомаскировка, но налеты немецкой авиации становились все реже, жители привыкли к ним, и очереди у бомбоубежищ при воздушных тревогах почти исчезли.

Новый начальник встретил меня чуть ли не с распростертыми объятиями. Очевидно, желая как-то объяснить свою более чем странную позицию при проверке работы разведотдела 10-й армии, он заявил:

— Все идет по плану. Я добился вашего повышения в качестве поощрения за успешную работу в Кирове. Это вас не должно

удивлять. На военной службе успехи и неудачи часто сопутствуют друг другу.

Вспомнив расстрелянных агентов, их рыдающих жен, плачущих детей, обреченных носить пожизненное клеймо «родственник врага народа», я с трудом удержался, чтобы не закатить ему оплеуху, и на какой-то миг пожалел, что безвозвратно ушли старые офицерские обычаи, когда подобных негодяев можно было просто пристрелить на дуэли.

Надо сказать, что Жемчужин — великий бездельник по натуре, умел подбирать себе трудолюбивых, старательных и инициативных помощников, которые тянули всю работу и от начальника ждали только одного — чтобы он им не мешал. Оперативный состав отделения представлял собою дружный, сплоченный коллектив молодых, но толковых и преданных делу разведчиков, имевших не в пример своему шефу опыт практической работы на низовых должностях. Мне хочется сказать несколько слов о тех, кто особенно запомнился.

Это — капитан Иосиф Топкин — живой, смелый командир, не раз прыгавший на парашюте с группами в тыл противника. В 1943 году, командуя партизанским отрядом, он принимал груз, сброшенный ему с самолета. Пачка с капсюлями-детонаторами ударила его. Он получил тяжелое ранение и ослеп. Партизаны вывезли своего командира на «большую землю». Умер этот замечательный офицер-разведчик в 1989 году.

Майор Александр Одинцов — спокойный, невозмутимый командир, с большой силой воли и умением любой ценой добиться своего. После войны он ушел из разведки. Служил в войсках, закончил свою карьеру генерал-полковником.

Капитан Прокошин — отличный знаток радиодела, неутомимый инструктор, подготовивший сотни прекрасных специалистов. К сожалению, он уже давно скончался.

Майор Гутин, работавший еще до войны в разведке. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

При отделении имелись инструкторы шифровальной и парашютно-десантной службы, свой склад с экипировкой и продовольствием, автотранспорт. Не было лишь собственной авиации. Поэтому заброску разведчиков и агентов пришлось проводить с помощью самолетов ЛИ-2, не имевших опыта прицельного десантирования людей в заданную точку. Из-за этого иногда бывали весьма неприятные ошибки. Однажды вместо района Вязьмы группу выбросили под Рязань, но чаще ошибались в пределах заданного района и выбрасывали людей в 40–50 километрах от места назначения. Лишь летом 1942 года разведотдел штаба фронта получил в свое распоряжение

эскадрилью специального назначения из двух машин СИ-47, которая в последующем занималась исключительно переброской в немецкий тыл людей и грузов.

В целом наше отделение представляло собою фактически самостоятельную разведывательную часть, в которой на подготовке одновременно находились несколько десятков разведчиков. Некоторые из них предназначались для длительного оседания с легализацией на интересовавших нас объектах, но большинство действовало в составе агентурно-разведывательных групп. Численность каждой из таких групп колебалась от трех до пятнадцати человек.

Срок подготовки разведчиков варьировался в зависимости от уровня общего и военного образования, а также конкретных задач от нескольких недель до нескольких месяцев. Готовились они в основном раздельно по индивидуальным программам. Особо пытались сохранить в тайне районы предстоящей работы и легендированные биографии. Эти люди обычно имели в тылу врага родственников или знакомых, которые могли им помочь устроиться на работу в нужный объект.

Прожектер Жемчужин спрятал свое «хозяйство» под «крышу» Московского библиотечного института. Отделение маскировалось как военный факультет, готовящий библиотекарей во фронтовые части. Были составлены фиктивные, кодированные расписания занятий, где, например, под библиографией понимался наш предмет — разведпризнаки объектов, иностранной литературой — вооруженные силы Германии и так далее. Понятно, что истинное значение закодированных предметов было известно лишь нашим людям. Для пущей правдоподобности разведчики посещали институтские лекции по общественным дисциплинам. Питались наши «студенты», ходившие в военной форме, в общей столовой, участвовали в институтских мероприятиях вплоть до самодеятельности.

Не знаю, чем руководствовался Жемчужин, но в таких условиях долго соблюдать конспирацию было просто невозможно. Вскоре истинное предназначение наших «библиотекарей» стало известно студентам.

Нужно было абсолютно не знать своей молодежи, ее пытливости, наблюдательности, общительности, чтобы пойти на создание такого прикрытия. Вместе с тем это говорило о полном невежестве в вопросах разведки и конспирации как автора идеи, так и лиц, ее санкционировавших.

Наши уже пожилые и зачастую не слишком обремененные знаниями гуманитарных наук разведчики мало походили на

студентов. Срок овладения науками на факультете в 1–2 месяца при общем четырехлетием курсе вызывал у профессорско-преподавательского состава и студентов по меньшей мере недоумение, тем более что на гениев «студенты военного факультета» были совсем не похожи. Периодические ночные выезды в одиночку и группами с последующим исчезновением «студентов» не похожи были на выпуск кадров новых библиографов и никого не могли обмануть. Молодые разведчики и разведчицы, несмотря на строгие запреты руководства, устанавливали далеко не платонические связи с настоящими студентами и студентками, и истина понемногу просачивалась все шире.

Вскоре на имя начальника военного факультета института, которым являлся по той же легенде полковник Жемчужин, посыпались заявления с просьбой зачислить в ряды советских разведчиков. Писали настоящие будущие библиотекари и библиографы, которых тоже нельзя было упрекнуть в недостатке патриотизма.

Этот конфуз руководство пыталось скрыть и как-то локализовать, делая вид, что ничего не произошло. Поэтому отделение продолжало работать под скомпрометированным прикрытием.

Проще, разумнее и удобнее для дела решил этот вопрос начальник 3-го отделения разведотдела штаба фронта майор Спрогис. Старый разведчик, храбрый, воин, участник войны в Испании, он не стал мудрить. Зная по опыту, что в военное время самым надежным и не вызывающим подозрения прикрытием разведчиков могут быть лишь воинские части, он занял свободные казармы, с удобством расположил там все свое хозяйство и личный состав, создав прекрасный учебный центр, откуда вышло много славных разведчиков-партизан.

Началась напряженная работа. Каждый оперативный работник, являясь «универсальным» специалистом по всем вопросам агентурной разведки, вел свою группу от подбора людей до их переброски в тыл противника. Только радисты предварительно проходили подготовку отдельно, поскольку для успешной работы на рациях «Белка» и «Север» требовался срок подготовки не менее 4–5 месяцев. Однако и они обязательно включались в группу примерно за 7~10 дней до ее отправки на задание.

При подготовке разведчиков обращалось большое внимание на сколачивающие группы, создание в ней атмосферы дружбы и доверия. Незадолго до вылета командира группы и радиста обучали раздельным шифрам, всем выдавали снаряжение,

которое состояло из гражданской экипировки, оружия, боеприпасов и продовольствия «6с» (сахар, сухари, сало, спирт, соль, спички) и знакомили с приказом на разведку. После этого группа считалась подготовленной и в одну из ночей на самолете ЛИ-2 или СИ-47 в сопровождении инструктора или оперативного работника переправлялась через линию фронта в заданный район. Тут разведчики спрыгивали с парашютами. Иногда переброска производилась на подготовленные базы партизан или групп разведчиков, выброшенных ранее. В этом случае на земле разжигались для опознания с самолета сигнальные костры в виде различных фигур (треугольник, ромб, прямоугольник, дорожка, конверт).

На такие заранее подготовленные базы направлять разведчиков было безопаснее, так как значительно уменьшался первоначальный риск прыжка в неизвестность, когда у парашютиста абсолютно отсутствуют данные о конкретной обстановке в точке приземления. При прыжке на базу разведчик с первых минут своего пребывания во вражеском тылу мог получить помощь или по крайней мере информацию об обстановке независимо от того, прибыл ли он для постоянной работы в данном отряде или ему надлежало действовать самостоятельно.

Нередко в тыл направлялись оружие, питание для раций, боеприпасы, взрывчатка, продовольствие, экипировка для обеспечения уже действующих отрядов, групп и отдельных разведчиков. Обычно эти предметы выбрасывались на обусловленные сигналы с грузовыми парашютами. Иногда такие грузы сопровождали связники, которые оставались в распоряжении местного командира или решали самостоятельные задачи, базируясь на этот отряд.

Десантирование людей, к сожалению, было для нас делом новым, и нам приходилось приобретать опыт, навыки, вырабатывать правила и положения в боевых условиях, где каждая ошибка и неточность очень дорого стоили. За них приходилось расплачиваться жизнями наших сотрудников.

Отрицательно сказывалось и отсутствие заранее разработанных наставлений и пособий, что и как делать во время военных действий. Не были подготовлены под этим утлом зрения средства материального обеспечения. Все зависело от опыта и здравого смысла оперативных работников, их интуиции, а это были далеко не прочные основы для быстрой организации разведывательных операций.

Хрупкие рации, например, часто разбивались при приземлении разведчиков, пока не догадались крепить их на

груди у радистов, а в ответственных случаях давать еще и запасную командиру группы. Легко рвущиеся от динамического удара при открытии парашюта лямки рюкзаков и сумок стали усиливать веревками. Опыт показал, что разведчики, особенно девушки, при прыжках с парашютом часто теряли сапоги, валенки, шапки, что в условиях зимнего времени в лесу могло привести к тяжелым последствиям. Пришлось из подручных средств делать дополнительные тесемки.

Отсутствие должной подготовки к войне при обеспечении наших людей сказывалось даже на мелочах. Скажем, не хватало компасов. На группу выдавался обычно только один. Карт было мало, их получали только командиры групп. Ощущался острый недостаток в оружии. Разведчику давали пистолет или автомат. Выдать и то и другое считалось роскошью. Экипировка была однообразная и совершенно не приспособленная для пользования ею в условиях леса.

Отправив разведчиков на задание, все мы с нетерпением ожидали от них первой связи, которая при выброске «лесных» групп обычно устанавливалась через несколько часов После приземления и сбора. Однако далеко не всегда это было так. Иногда люди бесследно пропадали, еще не приступив к работе. Гибли радисты от несчастных случаев при приземлении, группы уничтожались немцами и русскими полицейскими, заметившими десантников в момент, когда они бывают наиболее беспомощными — еще в воздухе. Выходили из строя рации, терялось питание к ним. Много опасностей подстерегало наших людей в тылу врага. Поэтому потери в личном составе были большие и далеко не каждая группа давала о себе знать после выброски.

Причиной несчастья могла быть мелочь, пустяк, незначительная оплошность разведчика Или оперативного работника, готовившего его;

Помнится, нам лишь в конце войны стала известна причина провала группы «З-М». Она состояла из трех девушек: Марии Козловой, Марии Артемовой и Марии Жуковой. Командиром этой девичьей группы была толковая грамотная сотрудница прокуратуры — юрист Жукова. По легенде, все они направлялись в Смоленск из Вязьмы, откуда якобы сбежали в свое время с оборонительных работ. Их миссия начиналась успешно. Они благополучно приземлились, спрятали рацию и все компрометирующие материалы в укромном месте и направились к пункту назначения. Почти у цели их задержала местная полиция и на всякий случай обыскала. При этом у одной из задержанных в кармане пальто обнаружили полуистертую

книжечку проездных билетов в московское метро, на которых в ту пору проставлялся месяц и год. Это был провал. Девушки до конца войны пробыли в одном из лагерей уничтожения где-то в Польше и прошли все круги фашистского ада. Да и после освобождения частями Советской армии хлебнули немало горя в гулаговском чистилище.

Были не менее трагические случаи, когда наших разведчиков выбрасывали по ошибке на сигнальные костры, разжигавшиеся в лесах с провокационными целями, или на немецкие аэродромы.

К сожалению, «сигналы неблагополучия» было разрешено давать радистам значительно позже. В 1941–1942 годах полагали, что эти сигналы будут отрицательно сказываться на моральном состоянии разведчиков. В случае провала рекомендовалось не даваться живым в руки немцев или в крайнем случае все отрицать и настаивать на своей легенде.

Понятно, что при аресте на месте приземления или во время работы на рации многие предпочитали смерть пыткам в гестапо. История разведки знает много случаев, когда раненые или попавшие в кольцо фашистов патриоты кончали жизнь самоубийством. Так, например, поступила Аня Петрожицкая, подорвавшая себя и окруживших ее врагов гранатой.

Работать в глубоком тылу противника становилось все сложнее. Немцы начинали осваивать оккупированную территорию: создали разветвленную сеть агентов-провокаторов, полицейских, старост, бургомистров, установили строгую регистрацию населения, ввели удостоверения личности, пропуска. За прием посторонних лиц следовала жестокая кара, как правило, расстрел или виселица. Вводилась система заложников. За помощь партизанам уничтожались целые деревни и поселки со всеми жителями от детей до стариков.

Несмотря на это число разведывательных операций непрерывно увеличивалось, масштабность наших действий росла. Подготовка разведчиков, радистов, агентов и заброска их в тыл противника проводилась в таком массовом количестве, что напоминала своеобразный конвейер. После установления связи с каждой агентурной группой или отдельным разведчиком начиналась сложная работа по руководству ими. Она велась в тесном контакте с информационной группой разведотдела фронта, которая ставила дополнительные задания разведчикам и оценивала добываемые ими сведения.

Огромными усилиями в период подготовки битвы под Москвой и в ходе ее разведка обеспечивала командование точными данными о немецкой группе армий «Центр». Из общего

числа 80 пехотных, механизированных дивизий, входящих в нее, мы не сумели добыть данные об одной механизированной дивизии. Верная и своевременная информация, которую получило командование Западного фронта, способствовала разгрому немцев под Москвой.

Сталинград — символ надежды

В начале августа 1942 года меня вызвали в отдел кадров Разведывательного управления и предложили назначение на должность начальника 2-го (агентурного) отделения разведуправления штаба вновь создаваемого Юго-Восточного фронта (5 августа Сталинградский фронт был на короткий промежуток времени разделен на Сталинградский и Юго-Восточный).

Я с радостью согласился, не столько потому, что это было значительное повышение по службе, сколько из-за того, что дальнейшее пребывание под руководством полковника Жемчужина, повседневное общение с ним, выслушивание его вздорных, зачастую просто вредных указаний становилось нетерпимым.

Меня познакомили с будущим начальником разведывательного отдела штаба фронта подполковником Кочетковым Михаилом Андреевичем, который коротко ввел меня в курс событий, снабдил должными полномочиями и инструкциями по подбору необходимого для развертывания заново 2-го и 3-го (диверсионного) отделений имущества и улетел в Сталинград. Кочеткова я встречал до войны в разведуправлении и затем в первые месяцы военных действий. Он оставил впечатление знающего и энергичного командира, опытного разведчика, предоставлявшего известную самостоятельность и инициативу своим подчиненным.

Поскольку штаб фронта и его подразделения создавались заново, мне надлежало рассчитать потребное количество материально-технических средств для обеспечения работы 2-го и 3-го отделений, включая узел связи, агентурные рации, радиопитание, парашюты, оружие, взрывчатые вещества, продовольствие, боеприпасы, получить все это в центральных довольствующих органах и на складах и доставить с одним из прямых воинских эшелонов в Сталинград.

Некоторый опыт, приобретенный за время работы во 2-м отделении разведотдела штаба Западного фронта, помог мне относительно правильно учесть потребности вновь создаваемых разведорганов и в короткий срок отбыть с эшелоном к месту назначения. Имущества самых различных номенклатур набралось на целый пульмановский вагон[6].

Несмотря на то, что нашему эшелону давали «зеленую улицу», путешествие заняло десять дней. Чем ближе мы подъезжали к Сталинграду, тем больше встречалось разрушенных

вокзалов, мостов и других сооружений, и тем чаще мы подвергались налету немецкой авиации. Станции и полустанки были забиты составами. Многие из них пылали после недавних бомбежек.

Со мною ехали два оперативных работника будущего 2-го отделения: старшие лейтенанты Фурсов и Пантелеев. В Сталинграде к нам должны были прикомандировать капитана Смоленкова. Остальной состав отделения надлежало подобрать на месте.

В Борисоглебске наш эшелон подвергся ожесточенной бомбежке. Был разбит полностью один вагон, несколько человек убило, многих ранило. Станция была почти на сутки выведена из строя. В ночь на 9 августа мы двинулись дальше, а утром 11-го числа эшелон окончательно остановился в степи на каком-то разъезде, до отказа забитом товарными вагонами, цистернами и платформами. Дальше поезда не ходили, так как линия была разбита бомбежкой и заставлена порожняком.

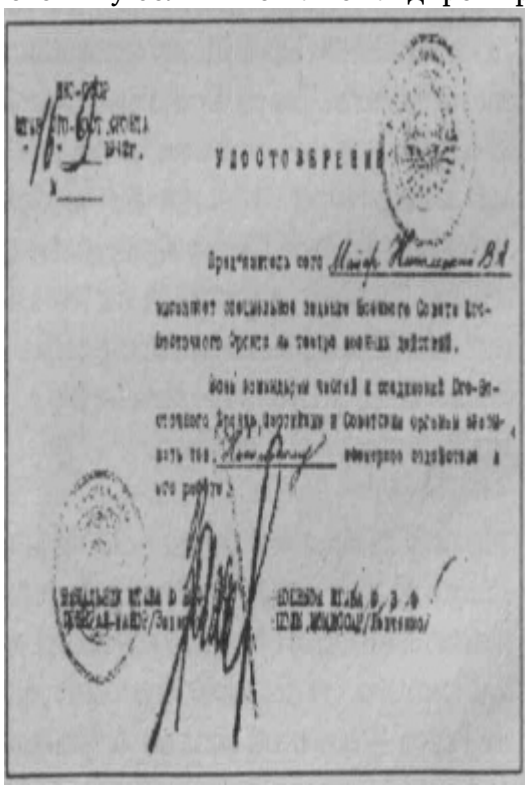
До Сталинграда оставалось около 180 километров. Юго-западнее слышался шум боя. Очевидно, линия фронта была недалеко. Часть, при которой мы находились в одном эшелоне, разгрузилась и спешно, своим ходом направилась на гул орудий. Мы остались одни. Для перевозки нашего имущества нужно было не менее пяти грузовиков ЗИС-5 — самых мощных, что мы имели в то время, грузоподъемностью в 3 тонны.

Оставив своих подчиненных на забитом вагонами полустанке охранять груз, я на попутных машинах добрался до Сталинграда, нашел разведотдел и с помощью подполковника Кочеткова получил пять грузовиков. Утром 12 августа к радости моих спутников, считавших меня погибшим, я вернулся к опустевшему эшелону. Едва мы успели погрузить наше имущество на автомобили и отъехать километра два в тень небольшой придорожной рощи, как на полустанок налетела девятка немецких Ю-88, и через несколько минут товарные вагоны нашего эшелона пылали, как громадный костер. Через пару часов железнодорожная линия была перерезана прорвавшимися танками противника. Нам повезло и дальше. Несмотря на частые налеты немецкой авиации, охотившейся и здесь за каждой автомашиной, мы благополучно добрались до фронтового города, которому второй раз за 24 года пришлось переживать ужасы войны. За этот рейс приказом командующего фронтом я был награжден орденом «Красная Звезда». С 15 августа 2-е отделение разведотдела штаба фронта начало действовать.

По опыту, приобретенному в первые месяцы войны на

Западном фронте, я отказался от расквартирования постоянного и переменного состава отделения в центре города и расположился в нескольких хибарках на его окраине. Рядовой и сержантский состав для обслуживания отделения без труда подобрали в запасном полку и не теряя времени начали поиски людей, которых можно было бы после непродолжительного обучения, главным образом радиоделу, направить на разведку в тыл противника.

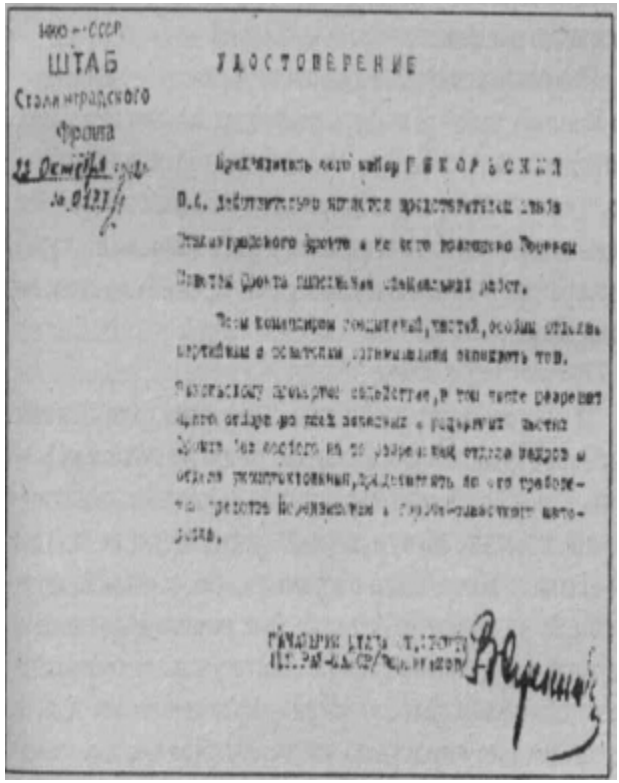
Подготовка разведчиков и диверсантов из числа местных жителей, рядового и сержантского состава частей проводилась централизованно во фронтовой разведывательной школе, недавно созданной при разведотделе. Командовали этим учебным заведением майор Шарыгин и батальонный комиссар Цирлин, преподавали наши офицеры и несколько радиоспециалистов. Начинать все нужно было заново, так сказать, с нулевого цикла. Не было людей, пособий, материально-технических средств, продовольствия, и самое главное, опыта и теоретической подготовки у большинства командиров-преподавателей.


УДОСТОВЕРЕНИЕ

Помимо привезенных нами из Москвы парашютов, агентурных раций, небольшого запаса оружия, мин, тола и продовольствия в разведотделе не было ничего другого. Отсутствовали автотранспорт, гражданская экипировка. Однако

выход был найден. Командование фронтом дало нам чрезвычайные полномочия — вручило мандаты, предоставляющие право отбирать у всех учреждений Сталинградской области, за исключением обкома ВКП(б), легковой и грузовой автотранспорт, конфисковывать для нужд фронта в торговых организациях гражданскую одежду и продовольствие. Для переменного состава были отпущены красноармейские пайки, и вскоре мы имели все необходимое, чтобы начать подготовку разведчиков.

Правда, не обошлось и без курьезов. 20 августа, возвращаясь из разведшколы, одно из подразделений которой находилось на левом берегу Волги в деревушке Суходол, мы обогнали легковой автомобиль. Задержали, проверили документы. Владельцем его оказался секретарь Калачского райкома ВКП(б), обеспечивший себя запасами горюче-смазочных материалов, продовольствия, водки и фиктивными документами, свидетельствующими о том, что он якобы командует истребительным батальоном. Однако указать, где находится его подразделение, сей «командир» не смог. Водитель, человек более порядочный, чем его шеф, попросил направить его в какую-либо часть, так как ему было стыдно болтаться в тылу, в то время как его товарищи воюют. Высадив незадачливого районного руководителя, не понявшего своей роли в столь грозное время, мы отобрали «эмку» для нужд фронта, в чем выдали, как это водится, расписку.



НКО – СССР
ШТАБ
Сталинградского
фронта
22 Октября 1942 г.
№ 0427

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего майор ГЕОРГИЕВСКИЙ
В.С. действительно начальник разведотдела штаба
Сталинградского фронта и на него возложено Военным
Советом Фронта выполнение специальных работ.

Всем командирам, частям, особо отдельным
партизанским и советским организациям оказывать тов.
Георгиевскому всякую помощь, в том числе разрешается
сдать отдел по всем вопросам с подчинением
Штаба, так состоит из 10 разведчиков отдела разведки и
обязан укомплектовать, задержать по его требова-
нию грузов боеприпасов и горюче-смазочных мате-
риалов.

Начальник штаба генерал-лейтенант
(Н.Н. Ракитин)

Через два дня меня срочно вызвали к члену Военного совета фронта, секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) Чуянову. Кратко подготовив доклад о состоянии дел в своем отделении, я прибыл в назначенный час. Каково же было мое удивление, когда Чуянов с места в карьер предъявил мне обвинение в бандитизме и потребовал письменное объяснение, на каком основании я отобрал злосчастную «эмку» у районного вельможи. Мандат на право конфискации любого гражданского автотранспорта несколько охладил члена Военного совета, но он продолжал утверждать, что я, как член партии, из чувства уважения к партийному руководителю не должен был трогать имущество райкома. Меня удивила столь нежная забота о дезертире, пытавшемся удрать с фронта по подложным документам, и я высказал свое мнение о нем, добавив, что такие руководители должны привлекаться к уголовной ответственности по законам военного времени.

Приказав вернуть автомашину, Чуянов, не поинтересовавшись работой нашего разведотдела, его нуждами, отпустил меня, очевидно, тут же забыв об отданном приказании, которое я даже при всем желании не смог бы выполнить, так как автомобиль к тому времени был уже превращен в металлический лом во время бомбежки на переправе.

23 августа с утра начались массированные налеты на город фашистской авиации. Непрерывный рев моторов, вой бомб, грохот разрывов, море огня, охватившего строения, обезумевшие от ужаса дети, женщины и старики, мечущиеся по улицам, — это далеко превзошло виденное ранее и на всю жизнь врезалось в память. Противовоздушную оборону города составляли главным образом зенитки, которые не смогли в должной мере прикрыть его от массированных налетов. Наша авиация почти отсутствовала. Одиночные самолеты И-16 без особого труда сбивались немецкими Ме-109, сопровождавшими пикирующие бомбардировщики. Несмотря на самоотверженность наших пилотов, «мессеры» значительно превосходили в скорости наших истребителей.

Все это создавало возможность для немцев безнаказанного полета над городом и прицельного бомбометания. Сотни пожаров, вызванных немецкими «зажигалками», никто не тушил. Отсутствовали пожарные команды, не работал водопровод. Спасением гражданского населения практически никто не занимался. Оставшиеся в городе местные жители были предоставлены самим себе. Тысячи людей бросились к Волге и пытались под огнем переплыть ее на подручных средствах — лодках, бревнах, досках. И над всем этим адом кружили, как на параде, немецкие бомбардировщики, сбрасывая бомбы и расстреливая людей из пулеметов. В первый же день было совершено свыше тысячи вражеских самолето-вылетов, превративших город и особенно его центр в груду пылающих развалин.

Нетронутыми оставались нефтехранилища и элеватор, которые, очевидно, немцы надеялись захватить и использовать для своих нужд.

Страшные картины смерти и разрушения можно было видеть повсюду. Запомнилось крытое убежище на дворе, окруженном деревянными домами. При налете в него набилось множество людей. Дома загорелись и образовали гигантский круговой костер, в центре которого располагалось укрытие с находившимися в нем жителями. Все они сгорели.

Пылали госпитали с ранеными и больными. Малочисленный медперсонал пытался спасти тех, кто не мог двигаться, и погибал от бомб, пуль, завалов, огня вместе с ними. На одной из улиц нас со Смоленковым остановила плачущая женщина. Она просила помочь, но не ей, а раненому старшему лейтенанту, выползшему из-под развалин горевшего госпиталя. Муж этой женщины перенес его в подвал, где семья укрывалась от бомбежки.

Раненый находился в очень тяжелом состоянии. Нам удалось погрузить его на одну из машин, следовавшую за Волгу. Надо было видеть, как благодарили нас эти чудесные люди. А ведь благодарить и наградить за спасение раненого командира нужно было их.

Доставка всего необходимого для защитников города и эвакуация раненых через Волгу производилась на баржах, буксирах и катерах. Переправы постоянно находились под воздействием авиации противника, а прикрывались на первых порах почти одним зенитным огнем. Насколько важным было значение переправ для обороны города, можно судить по тому, что с ноября на них постоянно дежурили заместители командующего фронтом, определявшие очередность движения людей и техники через Волгу. Количество лиц, которым разрешалось беспрепятственно и вне очереди переправляться в ту и другую сторону, было весьма ограничено, и им выдавались специальные пропуска.

В сентябре в одну из поездок на тыловую сторону я стал свидетелем следующей сцены. Нашу большую баржу, нагруженную автомашинами и сотнями раненых, медленно буксировал маленький катер. Она достигла уже середины реки, как на нее налетел немецкий пикировщик. С воем неподалеку падали бомбы, поднимая высокие столбы воды. Поднялась паника. Некоторые из раненых бросались в воду. Среди криков, стонов, воплей терялся слабый голосок медсестры, совсем еще девочки, бегавшей от одной группы раненых к другой и успокаивавшей их. Она хватала ползущих к бортам солдат за руки, уговаривала их, как маленьких детей, хотя каждый из них был значительно старше ее:

— Родненькие, успокойтесь, он не попадет! Только не прыгайте, все будет хорошо.

Эта хрупкая девушка, почти ребенок, не думала о себе. К счастью, одна из бомб, предназначавшихся нам, попала в стоявшую на отмели баржу с лесом. От взрыва веером разлетелись в стороны бревна и доски. Летчик, очевидно, решив, что его задача выполнена, а, может быть, у него вышел весь боекомплект, отвалил в сторону. Наступила тишина, и тут сестричка разрыдалась.

— Восемь человек, восемь человек утонули, — всхлипывала она, — я же им говорила.

У причала к девушке подошел пожилой, заросший седой щетиной капитан с перехваченной окровавленными бинтами головой и рукой на перевязи. Как бы между прочим он сказал:

— Дочка, если бы у меня был орден, я снял бы его и отдал

тебе. Спасибо тебе от всех нас!

В конце августа 1942 года зенитчики сбили немецкий истребитель «Мессершмидт-109». Выбросившийся с парашютом пилот приземлился на окраине города и был схвачен нашими бойцами. Жители разрушенного, пылающего города в ярости хотели прикончить на месте фашиста — одного из тех, кто был виновен в гибели тысяч женщин, детей, стариков. С трудом удалось удержать их от этого.

На допросе летчик держал себя крайне высокомерно, давать какие-либо показания отказался, сообщил лишь, что его зовут Хайнрих Айнзидель, добавив, что он потомок канцлера германской империи князя Бисмарка. При этом пленный ядовито заметил: очевидно, никому из здесь присутствующих имя этого великого немца неизвестно, поскольку культурный уровень советских командиров настолько низок, что они, кроме историй своей партии, ничего не знают.

Летчик был удивлен, когда я сказал:

— Имя Бисмарка у нас хорошо известно хотя бы пото-. му, что он был противником войны Германии с Россией.

Пленный оставлял впечатление отъявленного фашистского головореза. Во время допроса вблизи дома, где мы располагались, взорвалась немецкая бомба. Стекла были выбиты, упало несколько досок с потолка. Пленный внешне ничем не выказал страха. На замечание, что он может переселиться в «потусторонний мир» от рук своих друзей, он ответил, что будет от души благодарен им, так как в этом случае нас тоже уничтожат.

Для детального допроса пилота отправили в разведотдел штаба фронта.

Позже мне стало известно, что потомок Бисмарка, находясь в лагере военнопленных, вступил в антифашистскую школу, работал в комитете «Свободная Германия» и в числе многих генералов и офицеров вермахта подписал воззвание к германским солдатам и офицерам с требованием кончать гибельную для немецкого народа войну.

Когда вопрос о подписании этого воззвания обсуждался на собрании генералов и офицеров гитлеровской армии, находившихся в плену, многие, в том числе и закончивший свою карьеру в Сталинграде генерал-фельдмаршал Паулюс, колебались поставить свои подписи. Бывший командующий 6-й немецкой армией резко оборвал выступающего на собрании военнопленных потомка «железного канцлера», заявив, что тот еще молод иметь свое мнение и навязывать его старшим по званию. На это Айнзидель ответил:

— Вы, господин фельдмаршал, много лет беспрекословно повиновались безграмотному ефрейтору и безоговорочно выполняли его указания, которые ввергли Германию в катастрофу. Будьте любезны выслушать советы лейтенанта, который печется о спасении немецкого Отечества.

Насколько были искренни слова и поступки попавшего в плен гитлеровского летчика, судить трудно. Может быть, стремительная смена коричневой расцветки на розовую и почти красную была лишь тактической уловкой. Но жизнь показала, что многие солдаты и офицеры гитлеровской армии за время пребывания в советском плену стали искренними поборниками мира.

Долгое время я ничего не знал о дальнейшей судьбе Хайнриха Айнзиделя. И лишь недавно услышал, он жив, здоров и побывал в Москве, чтобы собрать материал для документального фильма о своем пребывании в плену. Необходимую помощь ему оказал наш Комитет ветеранов войны, точнее его Международная комиссия. Кстати, председатель ее полковник в отставке Парпаров Л.Ф. был сотрудником разведотдела штаба Сталинградского фронта. Он один из первых допрашивал тогда пленного немецкого летчика.

В сентябре фронт вплотную подошел к городу. Непрерывный артобстрел, налеты вражеской авиации сильно затрудняли подготовку разведчиков к отправке в тыл противника. Да и их пребывание непосредственно в расположении наших войск не отвечало правилам конспирации. Было принято решение перевести 2-е и 3-е отделения разведотдела в город Ленинск, расположенный в 60 километрах от Сталинграда за Волгой.

Наш маленький коллектив упорно работал по подбору и подготовке людей, формированию и сколачиванию разведгрупп. В запасном полку и среди местных жителей было привлечено до ста человек добровольцев, пожелавших сражаться с врагом на «бесшумном фронте». Среди этих патриотов были не только воины, но и девушки, люди более чем зрелого возраста, представители разных профессий. Имелся даже один солист балета Большого театра рядовой Варламов. На него мы делали особую ставку, собираясь заслать его в глубокий тыл к бывшему другу, оставшемуся у немцев.

С учетом знания местности, обстановки, наличия связей на оккупированной территории были скомплектованы группы, подготовлены резиденты. Но отправка их в немецкий тыл задерживалась из-за отсутствия радистов, на обучение которых при самой интенсивной работе требовалось 3–4 месяца. А без

радиосвязи посылать разведчиков было нецелесообразно — это было ясно каждому. Маршрутные группы и многочисленные одиночки-разведчики, посылаемые в тыл врага через линию фронта, несли чрезмерно большие потери и не выполняли задачи из-за большой плотности немецких войск, сконцентрированных на этом направлении. К тому же в тылу бесчинствовали ревностные помощники немцев калмыки, которые буквально охотились за нашими людьми, поскольку за поимку советских шпионов германское командование выдавало большие денежные награды.

Тем временем враг вступил в город, вернее в его развалины. Нужно было на всякий случай создавать запасную агентурную сеть на своей территории. С этой целью нами были сколочены резидентуры в Бекетовке, Ахтубе, собственно Сталинграде, Ленинске, Черном Яре и многих других пунктах на обоих берегах Волги. Таким образом, не исключалось, что немцы форсируют реку и растекутся по Заволжью. Но вместе с тем в конце ноября разведотдел планировал начать массовую заброску радиофицированных агентурных групп и отдельных разведчиков в глубокий тыл противника.

В воздушной армии, которой командовал в ту пору генерал-майор Хрюкин, были подготовлены транспортные самолеты Ли-2, уточнены задачи, пополнены запасы снаряжения, продовольствия. Однако буквально накануне начала настоящей работы, которой все мы с нетерпением ожидали, все сорвалось.

В штаб фронта 20 ноября прибыл из Москвы представитель разведуправления подполковник Голиков (однофамилец генерала) с приказом Сталина, которым предписывалось ликвидировать второе и третье отделения разведотдела, а разведчиков и оперативных работников до старших лейтенантов включительно направить в войска. Личные дела и все материалы на разведчиков, находящихся в тылу противника, предписывалось передать в Особые отделы НКВД, то есть в военную контрразведку. Радистов, резидентов и оперативных работников от капитана и выше откомандировать в распоряжение Центра. Ведение агентурной разведки в армейском и фронтовом звене признавалось делом нецелесообразным, поскольку это, мол, малоэффективно, занимались им кустарно, что повлекло за собой большое число провалов. В дальнейшем намечалось вести оперативную агентурную разведку централизованно, со специально созданных баз, квалифицированно, с достаточно современным материально-техническим обеспечением. Получаемая в тылу противника информация должна обрабатываться в Москве и высылаться в армии и фронты в виде

систематизированных сводок и донесений. Разведывательные пункты при армиях этим же приказом расформировывались на тех же основаниях.

С подчинением всей оперативной разведки в тылу противника непосредственно Центру в самый решающий момент подготовки Красной Армии к наступлению на всех фронтах войска были фактически лишены глубинной разведки, так как процесс ее перестройки с армейской и фронтовой на централизованную потребовал определенного времени. При реорганизации, да еще такой поспешной, конечно, растеряли разведчиков и оперативных работников. Сотни разведгрупп и резидентур, уже действовавших в тылу противника, остались без должного руководства, часть их вообще выбыла из строя.

Но самое губительное было в том, что в ответственный момент армия фактически была лишена оперативной информации о противнике, так как централизованная обработка и пересылка полученных из немецкого тыла сведений занимала столь много времени, что они устаревали и теряли ценность. Были моменты, когда сводки об обстановке в тылу врага приходили в войска тогда, когда они уже занимали территорию, о которой говорилось в этих документах, указанные в них фашистские группировки были уже разбиты.

Глубоко подавленные, мы чувствовали всю нелепость предписанных сверху действий, но ничего не могли предпринять. Мало того, нам пришлось еще в какой-то мере разъяснять этот приказ оперативному составу отделений и школы разведчиков, которая тоже расформировывалась. Ей-богу, если бы не уверенность, что это было проявление обычного недомыслия, можно бы заподозрить инспираторов приказа и директивы в хитро задуманной диверсии.

На расформирование агентурных органов были даны весьма ограниченные сроки. Нужно было сдать имущество, откомандировать людей не только своих, но и разведпункта, прикомандированного к 57-й армии, которая в это время, развивая наступление, начавшееся по всему фронту на окружение немецкой группировки, вела бои за поселок Абганерово.

22 ноября, поручив капитану Смоленкову работу по расформированию разведшколы, я по приказу начальника разведотдела пустился догонять 57-ю армию. Разведывательный пункт в ту пору возглавлял майор Дубинский В.А. Здесь операции велись только агентами-маршрутниками. Засылка радиофицированных групп не производилась из-за отсутствия радистов.

Штаб армии должен был находиться в Абганерово, только что

взятом после упорных боев нашими войсками. Переправившись через Волгу у деревни Черный Яр, мы с водителем Вавилкиным, накрутившим со мной по фронтовым дорогам не одну тысячу километров, ехали, обгоняя колонны наших резервных частей, двигавшихся к фронту. Свернув в сторону по указателю «На Абганерово», мы попали на малонаезженную дорогу. Здесь движение было небольшое и населенные пункты встречались редко.

Вдруг на безлюдном участке пути из придорожного оврага наперерез нам выдвинулось в походной колонне подразделения румын что-то около роты. Впереди шли три румынских офицера. У нас с Вавилкиным мелькнула одна и та же мысль: «Конец!» Развернуться обратно на сильно разбитой грунтовой дороге было трудно: глубоко прорезанная в грязи колея не позволяла это сделать сразу.

Но, к нашему изумлению, при виде грузовика румыны дружно подняли руки вверх и хором закричали:

— Плен, плен!

Один из офицеров подбежал к нам и на ломаном русском языке заявил, что он просит принять роту в плен. Сдаются они добровольно, так как не хотят умирать за фашистов.

Задерживаться мы не имели права, поскольку очень спешили. Показав румынам дорогу на переправу, мы продолжили свой путь, оглядываясь на толпу вооруженных солдат противника, из которых каждый мог, придя в себя, дать очередь по нашей полуторке. Когда они скрылись из виду, Вавилкин глубокомысленно заметил:

— Да, товарищ майор, по ордену сорвали мы с вами у себя с груди. Забрать бы у них оружие в машину, а их провести строем до переправы и сдать коменданту под расписку. Майор Никольский и рядовой Вавилкин пленили вдвоем целую роту румын. Об этом можно было бы и внукам рассказывать.

— Так рассказывай, кто же тебе запретит, — посоветовал я.

— Рассказывать все можно, да кто без доказательств поверит? — резонно ответил Вавилкин.

При подъезде к поселку все напоминало о только что закончившихся ожесточенных боях. Горы изуродованных трупов немцев, румын и наших воинов, множество сгоревших и подбитых немецких и наших танков, разбитых орудий, исковерканных автомашин, ящиков покрывали землю. Немцы для противотанковой обороны использовали 88-миллиметровые зенитные пушки, которые подкалиберными снарядами пробивали наши Т-34 насквозь. Поэтому потери в танках у нас были очень велики.

В Абганерово я доложил начальнику штаба 57-й армии полковнику Кузнецову, бывшему сотруднику разведотдела еще до войны, о приказе расформировать пункт. Он весьма сожалел о таком решении, но приказ Сталина не допускал задержки в исполнении даже при наступлении.

В разведотдел штаба фронта мы возвращались на двух полуторках, нагруженных ранеными и оперативным имуществом.

В Черном Яре уже знакомый нам комендант переправы категорически отказался погрузить наши машины на готовую к отправке баржу без разрешения дежурившего здесь представителя командующего фронтом.

Попросив задержать на несколько минут отправку, я подбежал к стоявшему на берегу не знакомому мне молодому генерал-майору, представился ему и доложил о выполнении приказа начальника штаба фронта. Не глядя на меня, генерал приказал немедленно разгрузить полуторки и направить их обратно в Абганерово в распоряжение начальника тыла 57-й армии. Мои доводы, что одна из машин походная радиостанция и поэтому демонтировать аппаратуру нельзя, а раненых оставлять без медицинской помощи бесчеловечно, ни к чему не привели - документы, подписанные начальником штаба фронта, по которым люди и грузы, следуемые со мной, проверке не подлежат, и специальный пропуск на внеочередную переправу ретивый администратор не стал смотреть. Да и вряд ли что-либо понял в них, поскольку еле держался на ногах от «усталости», вызванной не столько ратными делами, сколько изрядной порцией горячительного напитка.

Вернувшись к переправе, я обнаружил, что обе мои автомашины уже погружены на баржу, поскольку здравомыслящий комендант, уже ознакомившийся с моими документами, был уверен в том, что мне дадут разрешение. Не став его разубеждать, я бодро кивнул ему и прыгнул на медленно отходившее от берега плавсредство.

Когда шустрый катерок оттащил нас уже метров на четыреста, один из солдат комендантской охраны заметил:

— Кажись, нас догоняет генерал.

И действительно, за нами мчался на катере представитель командующего фронтом. Он стоял на корме в расстегнутом кожаном реглане и, похоже, внимательно всматривался в лица толпившихся на барже людей. Признаюсь, меня охватил страх куда больший, чем при немецких бомбежках и обстрелах. В такой ответственный момент генерал, облеченный несомненно, чрезвычайными полномочиями, мог за невыполнение приказания расстрелять на месте ослушника или в лучшем случае арестовать

его и отдать под суд военного трибунала.

Катер приблизился к барже, обогнал ее и пристал к берегу. Генерал высадился и быстрым шагом направился в сторону стоявших в кустарнике палаток.

— В медсанбат пошел, — с завистью сказал тот же самый солдат, который, очевидно, уже успел изучить распорядок дня этого большого начальника.

Гора скатилась с моих плеч. Остаток рейса прошел спокойно. Мы с Дубинским своевременно доложили начальнику разведотдела о выполнении задачи по расформировании разведпункта.

Объединенными усилиями за три дня было ликвидировано то, что с большим трудом и затратой крупных материальных средств мы создавали в течение четырех месяцев.

Перед отъездом в Москву произвели проверку готовности созданных в нашем тылу запасных резидентур. Порядок есть порядок, хотя успешно развивавшееся наступление наших войск вызывало уверенность в том, что они под Сталинградом не потребуются.

30 ноября группа оперативных работников разведотдела Сталинградского фронта выехала в Москву.

Войска фронта окружали 6-ю полевую армию вермахта.

Было радостно и грустно одновременно. Радостно от гордости за свою Родину, которая с честью выходила из столь тяжелого испытания, от чувства новой крупной победы над врагом. Грустно от сознания невыполненного долга — пусть не по нашей вине — и от необходимости покидать фронт в тот момент, когда армия ведет успешное наступление.

Когда больную голову лечат ее отсечением

После расформирования фронтовых органов агентурной разведки в декабре 1942 года в Москву за назначениям прибыли сотни командиров и политработников, ранее работавших в разведотделах фронтов, разведшколах, разведпунктах, отделениях оперативной техники, радиоузлах, агентурных отделениях разведотделов армий. Отдел кадров управления работал круглосуточно, распределяя прибывающих на укомплектование вновь создаваемых двух агентурных баз и 2-го управления оперативной разведки, специально сформированного для руководства этими базами, подбора и подготовки разведчиков и агентов в Центре и их заброски в тыл противника.

Новая система не имела четкого положения, функции баз, как центров агентурной подготовки разведчиков, достаточно продуманы не были, материальные средства и техника, в том числе авиационная, а также радиоаппаратура оставляли желать много лучшего. Созданная в Филях центральная разведшкола, рассчитанная на массовую подготовку в возможно короткие сроки агентов и радистов, спешно развернула свою работу, но не могла удовлетворить потребности в кадрах, ранее готовившихся десятком фронтовых разведшкол. Кроме того, централизованный подбор и подготовка людей за тысячи километров от мест их будущей работы затрудняли учет национальных особенностей различных направлений фронтов, где возникала потребность в представителях национальностей от лопарей до черкесов и аварцев, отрывали будущих разведчиков от конкретных деталей агентурной обстановки, лучше известной офицерам фронтовых разведорганов. По-прежнему слабым местом оставалась радиоподготовка, требовавшая в лучшем случае нескольких месяцев изнурительной тренировки в технике передачи и приема на слух. Школа получила в качестве «полуфабрикатов» добровольцев-связистов, как правило, девушек, из горьковского 46-го полка особого назначения, где они в казарменных условиях проходили предварительную радиоподготовку. Все они прекрасно знали друг друга, что не способствовало конспирации.

Коренная ломка всей системы разведки в самом разгаре войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы, но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия — фронт. И лишь значительно позже мы узнали о причинах такой

«перестройки».

По мнению руководства разведуправления, возглавлявшегося в ту пору дивизионным комиссаром Ильичевым И.И., агентурная разведка на фронтах и в армиях была слабо оснащена технически, велась недостаточно квалифицированными кадрами, имела много провалов, была засорена провокаторами и полностью своих задач по информации командования фронтами о положении в оперативном тылу у немцев не решала. По замыслу наших шефов, для устранения этих недостатков нужно было запретить фронтовым и армейским разведорганам вести агентурную разведку и всю работу по подбору, подготовке, засылке в тыл противника разведчиков и агентов и руководство ими, а также информацию фронтов по добываемым агентурным путем сведениям проводить централизованно.

Был придуман поистине «мудрейший» способ излечить больную голову путем ее отсечения.

Ильичеву удалось убедить Верховного главнокомандующего И.В.Сталина, чрезмерно загруженного сложнейшими вопросами руководства войною, чтобы в деталях разбираться в таких частностях, как разведка, в рациональности такой реформы.

Приказ о ликвидации фронтовых агентурных структур был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады Ленинграда, наступления Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининского фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективно причиной больших потерь, поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали.

В процессе выполнения этого непродуманного решения, навязанного армии в самый ответственный момент войны, разведка потеряла сотни подготовленных агентурных работников низового звена, значительную часть агентуры в тылу противника и на подготовке во фронтовых разведывательных школах, опытных маршрутников и связников, направленных в соответствии с приказом на пополнение войск.

С учетом организационного периода в разведуправлении с 20 декабря 1942 года командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в РУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном отделе зачастую пересылались фронтам с таким запозданием, что они теряли свою актуальность.

Терялась оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступавших к ним напрямую. К примеру, разведчик в занятом немцами Пушкино под Ленинградом радировал о перебросках живой силы противника. Сведения принимал центральный радиоузел под Москвой. Они расшифровывались, обрабатывались в информационном отделе разведуправления и в обобщенной сводке передавались в штаб Ленинградского фронта, где практически как устаревшие не могли использоваться. В то время как раньше они получались непосредственно заинтересованной в них инстанцией и срочно докладывались для принятия необходимых мер командующему фронтом в любое время дня и ночи.

Выдумка Ильичева, вызванная или его карьеристскими соображениями, стремлением командовать разведкой в «глобальном масштабе», или же военной неграмотностью, а, может быть, и тем и другим вместе взятым, объективно стала большим подарком немцам.

В процессе реорганизации меня назначили помощником начальника 4-го отдела 2-го управления Главного разведывательного управления Красной Армии. Я приступил к знакомой работе по подбору, подготовке и отправке разведчиков и агентов в тыл противника.

Практически ничего не изменилось. Осталась та же техника, те же методы работы, те же кадры исполнителей. Несколько сложнее стало лишь решать различные организационные вопросы. Если раньше с мандатом, подписанным командующим фронтом или начальником его штаба, в полосе фронта можно было практически командовать и приказывать, то в новых условиях затрачивалась масса времени на всевозможные согласования и увязки вопросов с местными и центральными органами власти.

Ведал я западным направлением и поэтому кадры для доподготовки и отправки в тыл получал непосредственно в Центральной школе. Разведчики и агенты готовились на саратовской базе и, как правило, прямо оттуда направлялись к месту разведки. Усложнилась процедура переброски людей. В 1943 году с подмосковных аэродромов на самолетах того времени до нужных нам пунктов дотянуть было невозможно, и отправка людей в тыл обычно проводилась с так называемого «подскока» — аэродрома в прифронтовой полосе, где самолет (ЛИ-2 или Си-47), прибывший из Москвы с разведчиками и оперативным грузом, дозаправлялся. Уточнялась также погода на трассе, давались

последние распоряжения, после чего машины ночью уходили на задание с тем, чтобы после десантирования людей в указанных пунктах до наступления светлого времени вернуться на свой аэродром или в крайнем случае перелететь линию фронта.

Тихоходные транспортные самолеты были практически безоружными, лишь позже на них была установлена турель с пулеметом «Шкас». Мастерство пилотирования и темнота — вот на что рассчитывали летчики.

Отсутствие в штатах ГРУ постоянного подразделения ночной авиации для выброски людей в тыл противника весьма отрицательно сказывалось на качестве выполнения боевых заданий по десантированию. Мастерство прицельного десантирования дается не сразу, и на практике у нас было много случаев выброски разведчиков на весьма значительном удалении от намеченных пунктов.

По странному стечению обстоятельств моим непосредственным начальником вновь оказался полковник Жемчужин. Его вполне устраивала работа в Москве, вдали от фронта. Он никуда не выезжал и отсутствие практического опыта пытался восполнять неуемным прожектерством. Это ему принадлежала идея создания базы со средствами материально-технического обеспечения на аэродроме «подскока» в Ельце. Упакованные в грузовые парашютные мешки, такие заманчивые вещи, как консервы, шоколад, вино, экипировка, привлекли внимание любителей поживиться за счет государства. Поскольку охрана базы организована не была, ее полностью разграбили.

Насколько несерьезны были иногда прожекты наших отцов-начальников, свидетельствует попытка разработать «оригинальную операцию» с засылкой меня в Ростов-на-Дону. План был разработан лично Жемчужиным и состоял в том, что меня должны были сбросить на один из бульваров города, в расчете на то, что с этой стороны и на этом месте появление советского разведчика немцы ожидать не будут и мне удастся скрыться. Мое предложение выбросить меня в 30–40 километрах от города с последующим проникновением в него после изучения на месте обстановки расценили как трусость. Если бы не категорические возражения начальника 4-го управления ГРУ генерал-майора Грязнова, доказавшего Ильичеву, уже утвердившему в отсутствие Грязнова представленный Жемчужиным план моего оперативного использования, висеть бы мне ка немецких штыках в славном донском городе.

Период с декабря 1942 года по апрель 1943 года — самый тяжелый и безотрадный в истории советской оперативной разведки в Великую Отечественную войну. Большое число

ошибок, за которые приходилось расплачиваться кровью и жизнями наших патриотов-разведчиков, весьма незначительная отдача информации — все это было видно даже нам, низовым и среднего звена работникам.

Обычно принято говорить, что после поражения каждый ефрейтор знает, как нужно было бы поступать, чтобы одержать победу. Но в данном случае еще до выполнения приказа Сталина об изъятии агентурной разведки у фронтов и ее централизации в ГРУ всем командирам, связанным по службе с этим видом боевого обеспечения войск, — от оперативных офицеров разведпунктов до командующих фронтами — была ясна вредность этого указания. Однако подпись Верховного главнокомандующего не позволяла никому медлить с его выполнением или доказывать несостоятельность принятого вождем партии и народа решения. Всем был известен крутой нрав Сталина и его нетерпимость к обсуждению приказов.

Только в апреле 1943 года по настоятельным просьбам командующих ряда фронтов приказом Сталина статус-кво был наконец с некоторыми изменениями восстановлен. Б процессе новой, на этот раз неотложно необходимой реорганизации фронты вновь получили право вести агентурную разведку. В штаты разведотдела штаба фронта был введен аппарат агентурной разведки в составе 2-го и 3-го отделений, радиоузла особого назначения, отделения оперативной техники, авиационной эскадрильи, хозяйственной части. Параллельно с ГРУ Красной Армии было создано Разведывательное управление (РУ) Генштаба, в задачу которого входила организация оперативной разведки, руководство ее структурами на фронтах, создание независимо от фронтовой агентуры наиболее квалифицированной сети агентов в наиболее важных глубинных пунктах в тылу врага.

Эти органы агентурной оперативной разведки успешно выполняли свои обязанности до конца Великой Отечественной войны.

За свой просчет, да нет, чего там, за грубую ошибку, насколько мне известно, генерал-лейтенант Ильичев не понес никакого наказания. Он продолжал руководить ГРУ до конца войны, после которой перешел на дипломатическую работу в Министерство иностранных дел, где занимал посты посла, заведующего отделом и члена коллегии. В конце концов бывший политработник и разведчик с миром ушел, как говорится, на заслуженный отдых.

Начальником РУ Генштаба был назначен генерал-лейтенант

Ф.Ф.Кузнецов — политработник, никакого отношения к разведке не имевший. Да и службу в армии он начал лишь в 1939 году. Это был партийный деятель, получивший сразу звание генерала в связи с тем, что занимал пост секретаря одного из московских райкомов. Человек незаурядных способностей, Кузнецов, несмотря на отсутствие военного образования, быстро усвоил основное, по его мнению, правило разведки: «Не доверяй». Руководствуясь им, он, опираясь на знающих помощников, сумел быстро наладить работу и завоевать новому управлению авторитет. Этому в значительной мере способствовали его личные связи в высших партийных и военных кругах. Вообще же, по мнению тогдашней нашей партийно-государственной верхушки, разведка относилась к такого рода деятельности, руководить которой мог любой партийный работник независимо от знания дела.

По окончании войны ставшего генерал-полковником Кузнецова назначили начальником Главного политического управления. Потом он руководил Главным управлением кадров советской армии. В 1957 году за близость к попавшему в немилость министру обороны СССР маршалу Жукову Г.К. Кузнецова понизили в должности: он стал членом Военного совета Северной группы войск в Польше.

Вновь созданное управление состояло из отделов: политического, коим бессменно руководил полковник Мальков, 1-го — войсковой разведки, имевшего функции главным образом инспекционного характера (начальник — полковник Зайцев С.И.), 2-го — агентурной разведки, в котором мне пришлось прослужить до конца войны. Командовал этим отделом генерал-майор Шерстнев — опытный разведчик, большой труженик, способный и честный человек, но боявшийся начальства больше, чем противника. Это качество очень ценилось руководством и почему-то осуждалось подчиненными. Заместителями начальника 2-го отдела были полковники Пита лев и Косиванов. Отдел имел три направления: северо-западное, западное и юго-западное, ведавшие агентурной разведкой, и одно направление диверсионное. Питалев курировал агентурные направления, а Косиванов диверсионное. Направления северо-западное и юго-западное возглавляли соответственно подполковники Смирнов и Соколов, западное пришлось на мою долю.

3-м (информационным) отделом командовал опытный специалист полковник Романов.

Отдел спецрадиосвязи возглавлял генерал Пекурин, опекавший своих радистов в период их подготовки с чисто отеческой заботой.

В управлении по штату состояла эскадрилья особого назначения для ночных операций. Командовал ею отличный мастер прицельного десантирования майор Цуцаев.

Для обучения разведчиков и агентов шифрам и поддержания спецсвязи имелось отделение спецсвязи с необходимым штатом инструкторов-шифровальщиков.

Работу с военнопленными обеспечивал следственный отдел, находившийся в тесном контакте со 2-м (агентурным) и 3-м (информационным) отделами.

Отдел радио и радиотехнической разведки ведал этой только еще начинавшей у нас развиваться, весьма перспективной ветвью разведывательного дела.

На западном направлении помимо меня трудились помощники начальника 2-го отдела полковник Овчинников, подполковники Степанов и Семенов, майор Савельев, капитан Савченко. Это были офицеры, немало поработавшие в армейском и фронтовом звене разведки.

Относительно небольшое по численности разведуправление разместилось в Бауманском районе Москвы в небольшом особняке по улице Карла Маркса, 17.

Напряженная обстановка на фронтах не давала возможности на длительное сколачивание отделов. Командование требовало данных о противнике немедленно, и весь личный состав самоотверженно выполнял свои задачи, пытаясь свести к минимуму так называемый пусковой период, неизбежный при любых реорганизациях. Офицеры находились на казарменном положении, не покидали управление ни днем, ни ночью. Большинство длительное время пребывало в командировках по подбору нужных людей. Недостатка в добровольцах для работы в тылу противника не было, подготовка их проводилась ускоренными темпами на конспиративных квартирах, зачастую помимо спецшколы, силами оперативных офицеров 2-го отдела.

Буквально через месяц в тыл немцев непрерывным потоком начали направляться наши агенты: мужчины и женщины, девушки и юноши, только что окончившие среднюю школу, бывшие воины еще первой мировой войны, инвалиды. Это были люди самых различных национальностей: украинцы, белорусы, татары, русские, латыши, эстонцы, литовцы, поляки, евреи. Разведчики выбрасывались в немецкий тыл на парашютах индивидуально, группами, даже целыми отрядами.

К концу 1943 года многие сотни разведчиков, выброшенных по линии разведуправления Генштаба, действовали в глубоком тылу противника. Связанные с партизанскими отрядами, подпольными группами патриотов, они собирали большую по

объему и весьма ценную информацию о воинских перебросках в глубоком тылу немцев, появлении новых образцов техники, политико-моральном состоянии личного состава вермахта, мероприятиях оккупационных властей и так далее. Многочисленные разведывательно-диверсионные группы и отряды нарушали коммуникации противника, уничтожали его мелкие гарнизоны и штабы, пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой немцев, выводили из строя линии связи, уничтожали предателей, сотрудничавших с врагом.

Массовую засылку разведчиков в тыл врага лимитировали радисты. Без радиосвязи такие операции были бессмысленными. А подготовка радистов занимала до 6 месяцев. К сожалению, централизованного учета радиоспециалистов в стране перед войной не велось. В результате значительная часть специалистов была мобилизована, но использовалась не по назначению.

Недоставало людей, знающих иностранные языки: немецкий, венгерский, финский, румынский, итальянский, словацкий. Подготовка таких специалистов требовала годы. Учет лингвистов, особенно женщин, тоже отсутствовал, и приходилось их разыскивать с большим трудом. В результате многие переводчики в отрядах и группах были доморощенные и их лексикон немецкого языка ограничивался фразой «Хенде хох!» («Руки вверх!»).

После разгрома немцев под Сталинградом, с продвижением нашей армии на запад работа советских разведчиков на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и особенно в Германии необычайно осложнилась из-за ряда труднопреодолимых препятствий. Основными из них являлись языковый барьер, незнание сложных условий зарубежной обстановки и все нараставшая по мере продвижения на запад враждебность гражданского населения. Если в Польше нашим разведгруппам и отдельным разведчикам можно было рассчитывать на нейтралитет, а иногда и содействие обывателя, ненавидевшего оккупантов, то в Германии для советских разведчиков-парашютистов каждый заметивший их старик или ребенок был врагом, немедленно докладывавшим властям о появлении в округе любого подозрительного человека. Незнакомый язык, чужая местность, отсутствие крупных лесных массивов, отличные дороги и развитая сеть средств связи почти полностью исключали нелегальную деятельность крупных разведывательных групп, скомплектованных из советских граждан. Испытанные на белорусских просторах разведгруппы численностью в 10–15 человек были слишком малы, чтобы защитить себя в новых условиях, и слишком велики, чтобы

укрыться в культивированных лесопарках Германии. Посылка таких групп в Восточную Пруссию и Западную Польшу приводила к неоправданным потерям наших людей, отлично проявивших себя в тылу противника на временно оккупированной советской территории, где они имели безграничную поддержку местного населения.

Засылка в собственно Германию разведчиков-одиночек или небольших разведгрупп, укомплектованных лицами, даже отлично знавшими язык и бывшими до войны в различных районах этой страны, положительных результатов не дала. Слишком много изменений в жизненном укладе немцев и в обстановке вызвала война. Усложнились система учета населения, снабжение его продовольствием, трудоустройство, усилился полицейский, в том числе негласный, контроль над всеми организациями и частными лицами, небывалых размеров достигла шпиономания и подозрительность жителей, одураченных нацистской демагогией. Всех деталей этих изменений мы никогда не знали, что приводило к потерям. Так, направленные в район Бохума сестры — немки по происхождению, Роз-Мари и Зигрид Николаевы были, как после выяснилось, схвачены вскоре после приземления, поскольку они за длительное время проживания в СССР растеряли привычки истинных немцев. Роз-Мари до посылки в Германию несколько раз выполняла задания на территории СССР и была опытной разведчицей, тем не менее элементарной проверки она не выдержала. Гестапо принудило сестер передавать нам дезинформацию.

В то время при подготовке разведчиков мы не давали им сигнала «неблагополучия». Попытки предупредить командование о том, что разведчик, чаще всего радист, находится в руках врага и работает по принуждению, начали возникать помимо воли Центра. Роз-Мари в одной из телеграмм после провала передала, что ей и Зигрид часто вспоминается ария князя Игоря «О дайте, дайте мне свободу» из одноименной оперы Бородина, которую якобы исполнял на проводах сестер в тыл врага генерал Шерстнер. Эта приписка вызвала в управлении целый переполох. Последовали грозные указания начальников с требованием прекратить хулиганство в эфире. В конце концов сигнал был понят правильно. В радиоигру вступила наша контрразведка. При взятии нами города Лигнице сестер вызволили из гестапо. Но вскоре советский военный трибунал приговорил их к 10 и 15 годам заключения за сотрудничество с немцами.

Запомнился случай, когда наш резидент в Киеве, к сожалению, фамилия его не сохранилась в памяти, прислал в

Центр шифровку, где в общем тексте об обстановке в городе умышленно использовал фразы и обороты, давно исчезнувшие из современного русского языка. В сообщении говорилось: «Селяне саботируют распоряжения неприятеля и не везут на базар провиант». Телеграмма насторожила. Посылка резиденту людей, планировавшаяся ранее, была отменена. Как установили позже, он был арестован, но, передавая дезинформацию под контролем немцев, все же по личной инициативе пытался предупредить о своей беде руководство и спасти товарищей.

Импровизированные сигналы о провале, посылаемые нашими радистами, вынудили Центр изменить свою точку зрения. Было принято решение обговаривать заранее с резидентами и радистами сигналы «неблагополучия».

После сталинградской катастрофы настроение немецких солдат и офицеров резко изменилось. Спесь и наглость слетели с них. В лагерях военнопленных начали функционировать антифашистские школы. Развернул свою деятельность антигитлеровский Комитет «Свободная Германия». Многие пленные стали задумываться о своей судьбе. Короче говоря, создались условия для использования антинацистски настроенных солдат и офицеров вермахта для выполнения наших разведывательных задач в Германии. Мы приступили к поиску таких лиц в лагере военнопленных в Красногорске под Москвой, Темниковском лагере и других. Среди многих тысяч немцев найти нужных специалистов, в том числе и квалифицированных радистов, было нетрудно. Можно было подобрать и выходцев из различных социальных групп, уроженцев нужных нам областей, добровольно изъявлявших желание принять участие в разгроме фашизма. Все это было несложно. Трудно было лишь проверить, насколько искренни антифашистские убеждения бывшего нациста, и не является ли его согласие служить советской разведке всего лишь желанием поскорее возвратиться в любимый рейх и в лучшем случае вновь взяться за оружие, а в худшем — снабжать нас дезинформацией по указке гестапо или абвера[7]. Тем не менее нужно было проверить и эту возможность получения информации из стана врага.

Вначале мы пытались создать по нашему образцу и подобию немногочисленные разведывательные группы и выбрасывать их в лесисто-горные районы Германии. Как правило, агенты в этих группах одевались в немецкую военную форму с документами, свидетельствующими о том, что их владелец находится в отпуске по ранению или освобожден от военной службы по болезни или же по инвалидности. Положительного результата от таких групп

мы, можно сказать, не получили. Очевидно, попав в родные края целыми и невредимыми, наши свежеиспеченные агенты просто разбегались в разные стороны и «ложились на дно», совершенно не думая о взятых обязательствах перед советской разведкой.

Смешанные советско-немецкие группы также не дали ожидаемого эффекта. От них сразу же отказались, тем более что наши люди с большой неохотой шли на сотрудничество с немцами, опасаясь предательства со стороны недавних врагов. Опасения эти имели веские основания. Так что после нескольких провалов смешанные группы посылать в немецкий тыл перестали.

Более удачным оказался метод заброски в Германию одиночек из числа военнопленных-антифашистов с легендой отпускников или раненых, находившихся на излечении. Из полутора десятков подобранных нами в лагерях и направленных с заданиями бывших офицеров вермахта запомнились уроженец Вены старший казначей Франц Шнайдер, старший лейтенант Альфред Пихль, тоже австриец, и уроженец Гамбурга майор Дитрих Леммер.

Эти офицеры, подобранные в Красногорской антифашистской школе, успешно выполняли задания разведки до конца войны. Они передавали по радио информацию, пребывая на полулегальном положении по документам, мастерски изготовленным нашими сотрудниками группы оперативной техники. Нужно сказать, что недостатка в образцах всевозможных солдатских книжек и командировочных предписаний к этому времени у нас не было.

Альфред Пихль после войны вступил в компартию Австрии, стал партийным функционером и заведовал бензозаправочной станцией в районе города Амштеттен. Среди местных жителей он был известен как один из немногих австрийских борцов Сопротивления. Однако встреча Пихля с его прошлым руководителем по линии разведки в 1949 году прошла безрезультатно. Бывший агент отказался в новых условиях возобновить сотрудничество.

Франц Шнайдер после войны занялся коммерцией. Его тоже считали участником движения Сопротивления. Однако и он решительно отклонил наше предложение восстановить контакт с советской разведкой.

Иначе сложилась жизнь у майора Леммера. До плена он занимал в штабе 6-й армии, которой командовал генерал-фельдмаршал Паулюс, солидный пост в отделе связи, отлично знал радиотехнику, владел английским и французским языками, был весьма начитан, любил музыку и играл на фортепиано. Насмотревшись на ужасы развязанной нацистами войны, он уже в

зрелом возрасте — ему было 33 года — искренне воспринял в антифашистской школе социалистическое мировоззрение и сознательно пошел на службу в советскую разведку, надеясь искупить вину своего народа. Это был обаятельный человек, серьезный, откровенный. Во время подготовки, проживая в Москве, он пользовался относительной свободой и, имея «липовое» удостоверение английского военного корреспондента, посещал театры, концерты, музеи.

Перед отправкой на задание в город Галле Леммер написал рапорт командованию, в котором просил в случае его смерти взять двух его сыновей в Советский Союз и воспитать их в коммунистическом духе.

Он успешно действовал в Галле, пока туда в апреле 1945 года не вошли части американской армии. Янки задержали Леммера, когда он явился в комендатуру с заявлением, что он — сотрудник советской разведки. Потом его передали представителю штаба 1-го Белорусского фронта. Тот, понятно, доставил нашего агента в «СМЕРШ» для проверки — не перевербован ли он американцами. Дальнейшая судьба Леммера неизвестна. Не исключено, что в то жестокое время, когда не всегда находили нужным справедливо разобраться со своими гражданами, бывший фашистский офицер, попавший при неясных обстоятельствах к американцам, мог в лучшем случае вновь оказаться в лагере военнопленных, а то и просто быть расстрелянным.

Для работы на территории оккупированной немцами Польши, уже с самого начала войны разведуправление подбирало лиц польской национальности, знавших язык и обстановку в стране. Это были преимущественно советские граждане, коммунисты, проверенные на боевой работе в войсках. Но у них был один серьезный дефект — они не знали деталей военной обстановки и, как правило, не имели связей в оккупированной Польше.

Особенно большая потребность в разведчиках-поляках начала ощущаться с середины 1943 года, когда явно наметился решительный перелом в ходе войны в нашу пользу и Красная Армия стала приближаться к западным границам СССР. К этому времени под Рязанью начала формироваться первая польская дивизия имени Т.Костюшко, куда стали стекаться добровольцы. Командиром дивизии был назначен бывший начальник штаба 5-й пехотной дивизии армии генерала Андерса[8] подполковник Зигмунд Берлинг, пожелавший остаться в СССР.

В июле мне пришлось провести в этом соединении, проходившем процесс ускоренного обучения и сколачивания,

около двух недель. Я должен был отобрать в разведку на территории Польши на сугубо добровольной основе польских военнослужащих.

Подполковник Берлинг и его заместитель по строевой части полковник Кароль Сверчевский с большим пониманием отнеслись к моей задаче и оказали огромную помощь в подборе наиболее доверенных, с их точки зрения, патриотов, хотя в период становления дивизии каждый человек был весьма нужен для них самих. Начальник отделения кадров штаба поручик Станислав Завадский предоставил в мое распоряжение все учетные документы на тысячи солдат, подофицеров и офицеров из различных областей Польши. Это были в значительной части бывшие осадники-колонисты, высланные после воссоединения Западной Украины и Белоруссии в глубинные области СССР, сыновья, дочери и жены бывших офицеров польской армии, взятых в плен в 1939 году.

Все костюшковцы, представлявшие тот или иной интерес для нашего разведуправления, были беспартийными, многие националистически настроенными. Часть личного состава считала, что мы допустили грубейшую политическую ошибку, ударив в 1939 году на Польшу с востока и заключив с Германией в августе того же года договор о ненападении и границе.

Первое впечатление от предложенных нам кандидатов было такое, что никто из них нашим требованиям, предъявляемым к разведчикам и агентам, не удовлетворял и подбирать кого-либо из них для этих целей было бесполезно.

Иного мнения о своих кадрах был Кароль Сверчевский, в прошлом боевой советский офицер, коммунист, участник борьбы с фашизмом в Испании.

— Вы плохо знаете поляков и привыкли судить о людях по анкетам, — сказал он. — Да, эти вынесшие много невзгод и жестоко битые жизнью, обманутые своими правителями Янеки и Зоей плохо знают и не любят нас, но они люто ненавидят немцев и в борьбе с ними не изменят и будут смело драться до победы.

Лишь после войны, когда советский народ и его армия подводили ее итоги, стало ясно, насколько был прав старый воин-интернационалист Сверчевский, погибший уже после победы от рук бандеровских бандитов.

Мне неоднократно приходилось бывать в частях польской дивизии имени Т.Костюшко, когда она стала уже обстрелянным соединением и входила в состав армии, сформированной с помощью Советского Союза. Но сильнее всего в мою память врезался акт приема присяги личным. составом соединения.

Торжественная церемония началась в середине чудесного

июльского дня 1943 года. Выстроенные на широком поле части дивизии замерли по команде «смирно». Легкий ветерок чуть колыхал красно-белые знамена с Пястовским орлом, стройные ряды жолнежей в конфедератках и необычных для нас мундирах выглядели парадно и подтянуто. Проникновенно звушли слова присяги, повторяемые тысячами воинов на своем языке. Как-то необычно было слышать старый польский гимн «Еще Польска не сгинела» на советской земле и видеть наше оружие в руках присягающих на верность борьбе с общим врагом солдат и офицеров возрождающего Войска Польского. Оправдаются ли надежды тех, кто создавал польскую армию? История доказала, что они оправдались. У многих солдат и офицеров блестели слезы на глазах. По окончании принятия присяги состоялась торжественная месса о ниспослании победы над врагом, которую провел дивизионный капелан полковник Купш, служитель Бога и, как после стало известно, отважный человек, ходивший с солдатами в атаку, истинно христианская душа, бабник и пьяница.

На торжества рождения дивизии и одновременно ее крещения прибыли основатели Союза польских патриотов. С пламенной речью выступила Ванда Василевская. Эта немолодая, много пережившая в панской Польше коммунистка говорила так ярко и доходчиво, что тысячи воинов, присутствовавших на митинге, слушали ее затаив дыхание.

После митинга я подошел к пожилому капралу и разговорился с ним.

— Не думал я вновь одевать форму и идти на фронт, — признался он, — ведь я был солдатом еще в первую войну у Брусилова. После 1939 года не надеялся увидеть свое знамя, услышать свой гимн, да еще в России, которую многие из нас считали извечным врагом речи Посполитой. Тяжело расплачиваться за прошлые ошибки в выборе и оценке друзей и врагов, особенно когда эти ошибки стоят жизни многих соотечественников. Будем вместе бить врага, это сейчас главное, а все взаимные обиды уладим после победы, — заявил седой воин и крепко пожал мне руку.

Стремительное продвижение немцев на восток в первые месяцы войны лишило нас всей приграничной агентуры, оставшейся без средств радиосвязи далеко во вражеском тылу. Оперативную разведку приходилось создавать заново в массовом масштабе на совершенно иной качественной основе, в ходе ожесточенных боев с захватчиками.

Понятно, что имевшихся скромных мобилизационных запасов

оперативного имущества, которые начали создавать органы разведки в приграничных округах накануне войны (рации, оружие, экипировка, продовольствие) и которые в значительной части попали в руки врага, не могло хватить для обеспечения многих тысяч разведчиков, направлявшихся в тыл противника фронтовыми и центральными разведорганами, многочисленными штабами партизанского движения, НКВД и другими организациями. Вследствие этого разведчики в материально-техническом отношении обеспечивались весьма скудно.

Отсутствовали почти до середины 1943 года штатные авиационные средства с квалифицированным летным составом для переброски людей и грузов в тыл немцев. Для этой цели использовались необорудованные самолеты Ли-2 и По-2 с небольшим радиусом полета и слабо обученными пилотами, что ограничивало дальность выброски и приводило к излишним потерям и десантированию вдали от назначенных районов выброски.

Не хватало средств радиосвязи. Неплохая по своим техническим данным, надежная в эксплуатации радиостанция «Север», выдержавшая всю войну, была чрезмерно громоздка. С комплектом питания вес ее достигал 10 килограммов. Она переносилась вместе с батареями в двух больших упаковках и имела радиус действия 400 километров, что уже в 1943 году было явно недостаточно. Приходилось организовывать в тылу врага промежуточные узлы связи, для чего в лесистых районах создавались так называемые разведывательные центры, представлявшие собою своеобразные разведпункты, включавшие в свой состав несколько оперативных сотрудников и радистов.

Рации «Джек» и «Тензер-М» предназначались для разведчиков и агентов, направлявшихся на легализацию в города, имевшие электросеть. Вне населенных пунктов их нельзя было использовать.

Оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, как правило, были табельными армейскими и выдавали их разведчикам очень экономно. Мины для диверсий изготавливались обычно самими разведчиками, для чего они проходили курс специального обучения. Несколько позже на вооружение стали поступать зажигательные термитные шары, мины замедленного действия и магнитные мины, очень удобные для организации диверсий на транспорте и предприятиях. Но в основном выручал тол, бикфордов шнур и механический универсальный взрыватель, иногда электрозапалы с подрывной машинкой.

Практически за всю войну каких-либо специально изготовленных для целей разведки средств вооружения в

оперативном звене не было, если не считать прибора «Бромит» — приставки к обычной винтовке для бесшумной стрельбы. Да и она не нашла широкого применения из-за чрезмерной громоздкости и слабой убойной силы при стрельбе через этот прибор.

Трудно было экипировать большую массу людей, особенно отправлявшихся для легализации в занятые врагом населенные пункты Западной Украины, Западной Белоруссии и Польши. Одевать их в москвошвеевские изделия нельзя, а местную одежду достать было невозможно. Лесные группы и диверсионные отряды считали за счастье получить добротное армейское обмундирование и особенно яловые сапоги, незаменимые в партизанских условиях. Вся надежда была на приобретение необходимого на месте с помощью оружия у врага и его приспешников.

Основная масса разведчиков направлялась в тыл противника с расчетом, главным образом, на самообеспечение за счет оккупантов и, кроме оружия и раций с питанием, никаких специальных средств разведывательной техники, как правило, не имела.

Бесшумное оружие, быстродействующие рации, специальные витаминизированные пайки с шоколадом, тонизирующими добавками, водонепроницаемая одежда и обувь, камуфлированные парашюты, окрашенные в различные цвета в зависимости от времени года, — почти все эти средства обеспечения разведчика уже были известны, но они не были заранее подготовлены и накоплены. Впрочем, вряд ли можно было создать запасы на целую армию партизан и разведчиков, действовавших в тылу немцев в Великую Отечественную войну. Поэтому понятно, как радовали наших людей присылаемые из Центра средства радиосвязи, армейское оружие и боеприпасы, тол и мины для подвижных групп.

Хочу подчеркнуть: никаких дополнительных материальных благ, льгот и привилегий служба в разведке по сравнению с пребыванием в линейных войсках не давала. Офицер получал денежное содержание по последней должности перед зачислением в разведывательное управление или отделы и имел равные со всем офицерским корпусом возможности перевести денежный аттестат семье или сохранить деньги до возвращения с задания в финчасти. Рядовым и сержантам иногда выдавали небольшое денежное вознаграждение для оказания помощи семьям. Но это вознаграждение немедленно прекращалось, как только связь с разведчиками прерывалась и его зачисляли в категорию без вести пропавших. Таких, кстати, было немало. Лишь теперь выясняется, что многие из них погибли геройской

смертью. Пенсии семьям погибших в тылу противника разведчиков — солдат, сержантов, офицеров — оформлялись и выплачивались на общих основаниях, как и всем военнослужащим.

По дорогам Польши

В 1944 году наши многочисленные разведывательные и диверсионные группы, партизанские отряды, бригады и одиночки-разведчики, находившиеся в подполье, начали выходить из тыла противника. Советские войска неудержимо гнали оккупантов с нашей территории, и по мере ее освобождения тысячи партизан оказывались уже не во вражеском, а в своем собственном тылу.

Массовым выходом народных мстителей в освобожденные районы начали пользоваться изменники-власовцы, полицейские, всевозможные старосты и бургомистры, агенты врага. Нередко под видом партизан они нападали на своих бывших хозяев, чтобы продемонстрировать лояльность к советской власти, примыкали к партизанским соединениям. В последующем некоторым из таких лже-партизан удавалось замести следы своих злодеяний и прожить рядом с нами до нынешнего времени.

Нескольким нашим разведывательным подразделениям в связи с вероятным освобождением их районов действия частями Советской Армии были даны указания спешно двигаться на Запад и действовать против отходящего противника на территории Польши. До лета 1944 года партизанские соединения Ивана Банова, Григория Линькова, Антона Бринского, Владимира Цветинского, Николая Матекжа, Валентина Пелиха, Николая Прокопюка успешно выполняли свои боевые задачи в контакте с отрядами Армии Людовой[9] Михаила Роля-Жимерского, Марьяна Спыхальского, Юзефа Собесяка, Казимира Сидора. С нашими партизанами и разведчиками иногда сотрудничали наиболее патриотически настроенные поляки из отрядов Армии Крайовой[10].

В середине 1944 года Советская армия, изгнав врага с территории СССР, вступила в Восточную Пруссию и начала освобождение Польши. Возникла необходимость быстро организовать использование опытных разведывательных кадров в польских западных землях и Германии. В этих целях начальник разведуправления Генштаба генерал-полковник Кузнецов принял решение послать в направлении Кобрин-Брест-Кутно-Варшава подвижную оперативную группу офицеров разведки с задачами принимать разведывательные подразделения, выходящие из тыла противника, отбирать из их числа лиц, владеющих немецким и польским языками, знающих Германию или Западную Польшу, имеющих там какие-либо связи, а также опытных радистов. Из них надлежало комплектовать разведывательно-диверсионные

группы и направлять в Восточную Пруссию и Западную Польшу.

С учетом многогранности поставленных задач в оперативную группу включили разных специалистов разведывательного дела: оперативников, радиста-инструктора, шифровальщика, подрывников. При любой степени подготовки вышедших из тыла партизан их нужно было дополнительно обучать и инструктировать в свете новых задач.

Для переброски людей и грузов в тыл противника группе были приданы из 105-й эскадрильи особого назначения два самолета СИ-47 и один По-2.

Командовать этим, так сказать, «многоотраслевым хозяйством» было приказано мне. Я срочно вылетел к месту назначения с первой партией офицеров разведуправления, в которую входили подполковники Кириленко В.И., Шепелев С.И., Семенов И.М., майоры Савельев П.Н., Алексеев В.П., старший лейтенант Величко В.Б., водители автомашин Замятин Ю.М. и Силин Б.В. и другие.

Несколькими днями позже своим ходом в распоряжение группы прибыла радиостанция с радистами для связи с Центром и партизанскими отрядами, выходящими из тыла противника. С ними был майор Цветинский В.К. и несколько человек обслуживающего персонала из числа ранее возвратившихся из тыла партизан.

Группа расположилась в нескольких километрах восточнее города Кобрин в палатках. Сразу по прибытии мы приступили к работе: нас уже ожидало несколько сотен партизан, предупрежденных по радио о прибытии в район Кобрина представителей Центра для решения вопроса об их дальнейшем использовании.

Выполнив свой долг в немецком тылу, на освобожденную территорию выходили одиночками, группами, отрядами тысячи партизан, лица, примкнувшие к ним и нашим разведгруппам в разное время их боевой работы. Шли командиры, политработники, рядовые бойцы, попавшие когда-то в окружение, женщины, подростки, почти дети, многие из которых совершали подвиги, достойные закаленных бойцов, и пережившие за свою короткую жизнь все ужасы войны и фашистского террора, воины-старики, участвовавшие еще в русско-японской войне, — русские, белорусы, украинцы, грузины, поляки, армяне, татары, представители десятков различных национальностей.

Некоторые отряды шли в завидном воинском порядке с обозами, санитарными повозками, отлично вооруженные отбитой у немцев боевой техникой. Встречались отдельные группы, напоминавшие сечевую вольницу с командирами-батьками,

привыкшими быть на положении неограниченных владык среди своих подчиненных, смотревших сквозь пальцы на «шалости» своих подчиненных.

Из выбрасывавшихся нами когда-то в тыл противника офицеров и разведчиков осталось в живых очень мало. Но из них выросли такие крупные организаторы партизанского движения как Г.Линьков, П.Вершигора, В.Пелих, И.Банов, П.Каплун, Э.Бринский, В.Цветинский, Н.Матеюк, И.Колос и многие другие, деятельность которых далеко вышла за рамки собственно разведки.

В своем большинстве выходившие из тыла врага партизаны перед соединением с частями нашей армии наносили по отходящим войскам противника согласованные удары. Поэтому среди них были раненые, которые нуждались в немедленной медицинской помощи. Медработники же в нашей группе не были предусмотрены. Пришлось по поводу раненых обращаться в эвакогоспиталь 1-го Белорусского фронта.

Выходили отряды и отрядили, возглавлявшиеся хозяйственными «батьками», которые не только громили ближайшие тылы немцев, но и захватили у них очень нужные трофеи: сотни мешков муки, десятки голов лошадей и крупного рогатого скота, бочки спирта и самогона, ящики сигарет и множество других материальных благ. В полной мере оценить предусмотрительность этих людей мы смогли лишь позже, когда нам буквально нечем было кормить все растущее партизанское воинство, прибывавшее из окрестных лесов.

Атмосфера полного единоначалия, необходимая в партизанских отрядах, как в любой воинской организации, зачастую в тылу противника переходила в самоуправство. Некоторые командиры считали, что они у себя в отряде «цари, боги и воинские начальники» и им дано право казнить и миловать. С первых же дней после выхода нам пришлось вести с такими понятиями борьбу, тактичную, но непреклонную.

Даже наш коллега, заслуженный руководитель партизанского соединения И.Н.Банов, трудно отвыкал от партизанской вольницы. Расположившись с оставшимися у него людьми на отдельном хуторе, он ездил по вызову в наш штаб на тачанке в сопровождении шести конных автоматчиков. Два адъютанта не отходили от него ни на шаг. Такие меры предосторожности в своем достаточно уже глубоком тылу, где другие офицеры ходили пешком без всякой охраны, вызывал с нашей стороны насмешки. Надо полагать, они подействовали на Банова в большей мере, чем если бы ему дан был приказ сдать лошадей и откомандировать полувзвод ординарцев в военкомат. Партизанский вожак с

неохотой, но начал ездить без охраны, однако адъютантов до самого отлета в Москву просил за ним оставить. Учитывая его заслуги, просьбу пришлось удовлетворить.

На весь личный состав групп, отрядов, бригад, выходивших из тыла противника, с помощью их командиров и заместителей по политчасти составлялись списки, краткие боевые характеристики, на некоторых оформлялись наградные материалы за боевые подвиги. К сожалению, большая часть наших представлений не была реализована и материалы о награждении более чем 600 человек наиболее отличившихся партизан стали достоянием нашего спецархива, где я натолкнулся на них в 1968 году, разбирая старые дела героев-партизан.

Все здоровые мужчины, подлежавшие по возрасту призыву в армию, направлялись нами в Кобринский горвоенкомат, который с трудом справлялся с комплектованием команд, готовившихся к отправке на фронт. Женщины откомандировывались в места прежнего жительства или отправлялись в любой пункт Советского Союза по их желанию. Тот же порядок выдерживался в отношении подростков и пожилых партизан. Всем убывающим выдавалось небольшое денежное пособие, размер которого зависел от продолжительности пребывания в отряде.

Командиры после расформирования отрядов направлялись для производства расчетов и получения назначения в отдел кадров разведуправления Генштаба.

Лучших разведчиков оставляли для комплектования новых оперативных групп, засылавшихся в районы городов Познань, Кутно, Штеттин, Данциг, Гдыня. В их состав включали по два радиста, переводчиков немецкого и польского языков и, помимо командира с заместителем, 5–7 разведчиков, имевших большой опыт пребывания в тылу.

Работа велась широким фронтом. Одни наши офицеры подбирали и готовили личный состав для новых групп, проверяли надежность связи, отбирали необходимые экипировки, вооружение и снаряжение. Другие продолжали принимать выходящих из немецкого тыла людей.

В Центре не знали об огромном объеме работы, свалившейся на нашу маленькую группу, у которой не было ни хозяйственного и финансового аппарата, ни грузового транспорта, ни медработников.

Достаточно сказать, что в первые же дни к нам прибыло свыше 500 «лесных братьев», голодных, оборванных, больных. А для их питания мы располагали лишь тридцатью месячными пайками. Всего же через наши руки прошло более полутора тысяч

человек.

Сразу же возник ряд острых проблем, часть из которых перерастала в серьезные. Москва приказала принимать лишь наших разведчиков, то есть тех, кто был направлен из Центра, и лиц, на которых имелись учетные данные об их принадлежности к разведке. На практике все оказалось значительно сложнее. Наши разведывательно-диверсионные группы на месте обросли боевым активом и превратились в крупные отряды, в которых отделить «своих» от «чужих» было практически невозможно. Приходилось на месте изыскивать средства у советских властей, за медпомощью обращаться в воинские части, «козыряя» своими мандатами оперативных сотрудников Генштаба, ускоряя отправку людей в органы комплектования, убеждая, выпрашивая, взывая к гражданской совести районных деятелей, весьма косо смотревших на большую массу вооруженных гражданских лиц, расположенных в непосредственной близости от города.

Местные органы госбезопасности потребовали немедленного разоружения всех вышедших из тыла партизан, поскольку линия фронта продвинулась уже далеко на запад и наши войска взяли Брест. Эта безусловно правомерная, с точки зрения ретивых блюстителей закона, акция морально убила бы наших людей и могла бы вызвать крупные неприятности, поскольку подтверждала бы вражескую пропаганду о том, что ко всем пребывавшим на оккупированной территории советским гражданам власти применяют жестокие репрессии. С трудом удалось под личную ответственность добиться разрешения сохранить партизанам добытое ими в тылу врага оружие до прибытия в военкомат. Мы мотивировали эту необходимость возможными стычками с бандеровскими бандами, которые бродили в окрестных лесах. Этот довод оказался убедительным. Бороться с бандитами городским органам госбезопасности было практически нечем.

Наконец к нам вышли последние отряды и разведгруппы, оперировавшие за Бугом. Мы отправляли в Центр командиров наших разведподразделений и их заместителей по политчасти. Оставляли лишь разведчиков, отобранных для дальнейших боевых операций на западе.

28 июля 1944 года войска 1-го Белорусского фронта освободили город Брест, вступили на территорию Польши и продолжили наступление на Варшаву.

К этому времени наша группа закончила расформирование выходивших из тыла противника партизанских отрядов. Из их числа мы отобрали 120 самых опытных разведчиков,

укомплектовав 10 разведывательных групп. 1 августа, закончив все расчеты с кобринским военкоматом, мы перебазировались в Брест, где условия для размещения людей были значительно лучшими, ближе находился аэродром, оборудованный для проведения ночных полетов, и располагались тыловые части 1-го Белорусского фронта, откуда мы получали необходимые материальные средства.

Началась напряженная работа по завершению подготовки и отправке в Западную Польшу и Восточную Пруссию наших разведчиков, агентов, диверсантов и радистов. От них ожидали многого, так как сведений о противнике, находящемся уже на собственной территории, поступало очень мало, а решающие удары по врагу нужно было наносить наверняка.

Перед нашей группой поставили также задачу найти надежных агентов из числа поляков и немецких антифашистов, имевших связи за линией фронта и готовых помочь Советской Армии на заключительном этапе борьбы с фашизмом. Кроме того, нам надлежало создать запасную агентурную сеть на случай временного отхода наших войск на каком-либо участке в полосе Бела-Подляска, Седлец, Минск-Мазовецкий, Прага-Варшавская, Воломин, Отвоцк, а также в районе городов Хелм и Люблин.

22 июля войска 1-го Белорусского фронта вступили в Хелм, бывший губернский центр в дореволюционной России. Освободившие его части наступали так стремительно, что крупных разрушений в городе не было. Почти в тот же день в него переехали представители Крайовой Рады Народовой[11] и руководящие деятели будущего Польского Комитета Вызволения Народовего — прототипа временного правительства Польши: бывший адвокат, член Польской социалистической партии Эдвард Осубка-Моравский, генерал Михал Роля-Жимерский, ставший вскоре главнокомандующим Войска Польского, бывший архитектор Марьян Спыхальский, в последующем начальник штаба Войска Польского, Хенеман, будущий министр финансов, и ряд других польских государственных партийных и военных деятелей.

Большинство этих людей незадолго до освобождения Польши советскими войсками были вывезены на территорию Советского Союза из немецкого тыла, где они принимали участие в движении Сопротивления оккупантам, находясь в отрядах Армии Людовой, которые сотрудничали с нашими разведывательными подразделениями. Командиры последних И.Н.Банов и Н.А.Матеюк организовали переправу польских деятелей на «большую землю». Первоначально планировалось после соответствующей подготовки выбросить их с разведывательными задачами в

западные районы Польши. Но в последующем планы кардинально изменились. Поляки-партизаны примкнули к Болеславу Беруту, Ванде Василевской, Зигмунду Берлингу и другим деятелям из Союза польских патриотов, вошедшего 22 июля 1944 года во Временное польское правительство.

23 июля войска 1-го Белорусского фронта вошли в Люблин — крупный промышленный и административный центр Восточной Польши. Мы с подполковником Шепелевым в тот же день выехали туда с целью получения образцов немецких личных документов: пропусков, удостоверений, необходимых нам для засылки людей в тыл, а также опроса пленных и подбора нужных для разведки лиц.

Не доезжая двух километров до Люблина, мы нагнали колонну людей в арестантской одежде. Это были скорее тени, живые скелеты. Многих вели под руки более выносливые товарищи. Часть совсем ослабевших везли на повозках. Шли только что освобожденные советскими войсками узники концлагеря уничтожения Майданек, мимо которого мы проезжали. Несколько тысяч их немцы не успели уничтожить перед уходом, так стремительно наступали наши части, и этих полумертвых людей вели и везли в госпитали.

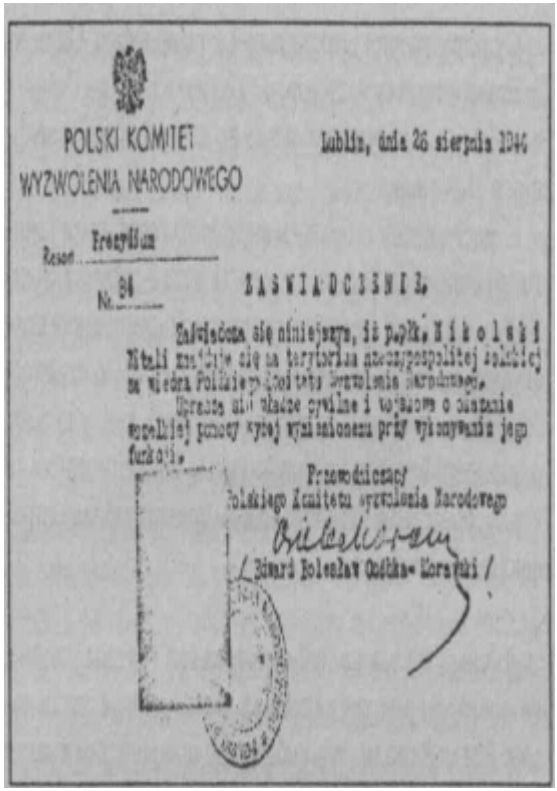
Мы заехали в лагерь. Немецкие фабрики уничтожения людей были достаточно известны к этому времени. Но то, что мы увидели, буквально потрясло нас, успевших за время войны повидать многое.

Еще теплые печи-крематории с недогоревшими трупами. Почва вокруг печей была покрыта пеплом и крошкой из раздробленных костей миллионов сожженных людей; газовые камеры, наполненные трупами; склады с горами обуви различных размеров — от детской до солдатской; сотни спрессованных тюков из женских волос. И всюду трупы — в бараках, «лазарете», на площади для построений и экзекуций. Палачи не успели замести свои следы и скрыть преступления, творившиеся в течение нескольких лет. Всего, как говорили местные жители, в Майданеке было уничтожено около 1,5 миллиона поляков, русских, евреев, чехов, французов и представителей других национальностей. Шесть охранников-эсэсовцев удалось захватить в плен. Их передали для суда представителям Войска Польского. Открытое судебное разбирательство над убийцами тысяч беззащитных жертв состоялось через короткий промежуток времени в люблинском Доме жолнежа (солдата). Нам довелось присутствовать на этом процессе.

Ненависть жителей Люблина к лагерной администрации

была так сильна, что для конвоирования эсэсовцев из тюремного замка на суд потребовалось наряжать целую роту солдат, которые вынуждены были стрелять в воздух, чтобы удержать собравшуюся толпу от самосуда. Гнев люблинцев был понятен. Почти каждая семья в городе имела родственников, погибших в Майданеке. Рассказывали, что при выводе заключенных на непосильные работы многие падали от изнеможения. Их пристреливали или забивали прикладами. Вместо убитых для пополнения убыли по пути хватали первых попавшихся поляков и включали в колонну узников, не обращая внимания на то, что у задержанных имелись установленные немецкими властями документы. Аргумент был один: «Все поляки — преступники и враги Великой Германии. Чем скорее они будут уничтожены, тем лучше».

Суд над палачами из Майданека продолжался несколько дней и вскрыл чудовищную картину планомерного массового уничтожения людей не только в этом лагере, но и в ряде других мест на оккупированной немцами территории и собственно в Германии. Один из подсудимых, пожилой шарфюрер[12] ранее принимал участие в уничтожении многих тысяч евреев в Киеве. На вопрос прокурора, были ли в числе убитых женщины, дети и старики, охранник отвечал утвердительно, но, по его мнению, все они являлись неполноценными людьми и представляли опасность для «третьего рейха».



POLSKI KOMITET
WYZWOLENIA NARODOWEGO

Lublin, dnia 26 sierpnia 1944

Rejon Przemyśl

Nr. 84

ZAŚWIADCZENIE

Zaświadcza się niniejszym, iż pułk. M i k o ł a j
Wtali znalazł się na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej
na wiedzie Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego.
Sprawie ich władze cywilne i wojskowe o udzielenie
wszelkiej pomocy przy wykonywaniu jego
funkcji.

Przewodniczący
Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego
/ Edward Bolesław Osóbka-Morawski /

Возглавляя оперативную группу в Польше,
В. Никольский пользовался мандатом польских властей

Как было установлено, каждый из подсудимых лично уничтожил многие сотни заключенных в большинстве случаев не по приказу, а по собственной инициативе. Их топили в бассейне, заталкивая вилами под воду, использовали в качестве мишеней, травили собаками, убивали дубинками. Каждый охранник был вправе казнить и миловать, но последним правом никто из этих извергов не пользовался.

Волнующими были выступления свидетелей обвинения — бывших заключенных лагеря, освобожденных буквально за несколько минут до смерти. Один из них за день до прибытия наших войск, не вынеся ужасов лагерного существования, пытался покончить жизнь самоубийством, перерезав горло заточенным куском железа. Но у него не хватило сил и он лишь нанес себе страшную рану. Товарищи спрятали его в лазарете до освобождения. Жизнь этого человека была спасена, и он присутствовал на суде. Говорить несчастный не мог, но один вид его красноречиво свидетельствовал не только против шести обвиняемых, но и против всей системы фашистского изуверства.

Суд приговорил всех палачей к повешению. Один из

приговоренных сумел покончить собою в тюрьме. Остальные были вздернуты публично на площади для экзекуций в Майданеке.

К месту казни собралось несколько сотен тысяч жителей окрестных городов и сел. И когда солдат Войска Польского надел стоявшим на грузовой автомашине преступникам петли на шеи и грузовик медленно отъехал, оставив их извиваться в предсмертных конвульсиях, раздались бурные аплодисменты. Зрители кричали «ура!», бросали вверх шапки. Люди приветствовали справедливое возмездие.

Личный состав нашей оперативной группы упорно, не покладая рук трудился над выполнением своих задач. Все понимали, что победа над опаснейшим врагом близка. И каждому из нас хотелось внести в ее достижение свою лепту. Однако конечные итоги главного направления нашей деятельности не оправдали надежд командования. Еще до окончания войны нам стало известно, что почти все наши разведывательно-диверсионные группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Сбылись наши худшие опасения, высказывавшиеся в свое время руководству. Посылка относительно большого числа групп из советских людей, не знающих немецкого языка, являлась фактически авантюрой. Наши спецподразделения были слишком малочисленны, чтобы защитить себя и вести разведку боем, и слишком велики для маскировки и укрытия в искусственно насажденных аккуратных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии. Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густой сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять моторизованные карательные отряды полицейских и эсэсовцев с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди. В таких облавах зачастую принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводилась так называемая «хазенягд» — «охота на зайцев», где в качестве зайцев выступали или бежавшие из лагерей военнопленные, или обнаружившие себя наши разведчики.

Если на советской территории, за редкими исключениями, любой местный житель был союзником в борьбе с врагом, от которого можно было получить нужную информацию, помощь и содействие или по крайней мере рассчитывать на благожелательный нейтралитет, то в Германии местные жители почти все без исключения сами были врагами, пытавшимися не за

страх, а за совесть помочь властям в борьбе с русскими. На своей земле каждый советский человек от ребенка до глубокого старика готов был поделиться с разведчиком последним куском хлеба, укрыть его, предостеречь от опасности. В сердце гитлеровского рейха почти каждый житель был врагом, и опасаться нужно было всех, включая детей.

Отсутствие продуктов заставляло разведчиков выходить из укрытий, выполнение задач также требовало контактов с местным населением, захвата пленных, а это, как правило, становилось началом конца. Из 120 опытных разведчиков и агентов, направленных нами из Бреста и Кобрина, в живых уцелело всего с десяток человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск. Эти люди рассказывали страшные подробности массовых облав и разгрома групп и гибели боевых товарищей, провоевавших до этого несколько лет в партизанских отрядах на своей территории, оккупированной немцами.

Очевидно в условиях враждебной среды заброска крупных разведывательных групп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, временно захваченной немцами, не могла быть признана целесообразной в условиях Центральной и Западной Европы. Такие операции надо проводить лишь в районах с широко развитым партизанским движением, где большинство населения лояльно настроено к нам и где имеются крупные естественные укрытия: лесные массивы, горы, обширные болота. В остальных случаях надежным способом оперативной разведки в тылу противника будут, очевидно, оставаться боевые акции засылаемых в помощь созданной в мирное время агентурной сети разведчиков-одиночек или малочисленных групп в 2–3 человека, отлично знающих язык и страну и способных проживать на полулегальном положении. Понятно, что такие кадры нужно готовить заранее. Особенно успешными их действия могут быть в том случае, если в разведываемых странах для направляемых в военное время наших разведчиков будут заблаговременно созданы опорные пункты.

Резкую разницу в агентурной обстановке на территории Германии по сравнению с той, которая существовала в оккупированных немцами советских районах, мы, к сожалению, должным образом не учли. Стремление как можно быстрее испытанными методами добиться нужных результатов привело к неоправданным большим жертвам.

Как правило, все наши разведгруппы после выброски давали в тот же день радиограммы о благополучном приземлении, а затем или бесследно исчезали, или сообщали о боях с карателями, что фактически означало конец.

17 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта освободили Варшаву. Столица Польши лежала в руинах. Гитлеровцы мстили полякам за восстание. В относительно целом состоянии, без больших разрушений сохранилось лишь предместье Варшавы на правом берегу Вислы — Прага, откуда враг был выбит стремительным ударом наших войск. Все мосты через широкую реку немцы взорвали при отходе на левый берег, и поток людей и техники перебрасывался по временной понтонной переправе, сооруженной нашими саперами.

В ходе выполнения заданий нам приходилось встречаться и беседовать с представителями разных слоев населения — от убежденных коммунистов до членов реакционнейшей националистической организации Звенздек вальки збройной — Союз вооруженной борьбы. Понятно, что представители различных классовых групп по-разному относились к Советскому Союзу, его армии и новому польскому руководству. Часть населения восторженно встречала нас в освобожденных городах и селах, однако многие вели себя более чем сдержанно, а некоторые открыто враждебно.

Эта враждебность, подогреваемая польским эмигрантским правительством в Лондоне, особенно усилилась после поражения Варшавского восстания, когда реакции стало ясно: ставка на старую буржуазную Речь Посполиту рушится. Начались диверсии, открытые выступления многих отрядов Армии Крайовой против польских коммунистов и солдат и офицеров Воска Польского. Дело доходило до того, что целый полк, недавно скомплектованный в городе Люблин из мобилизованных в армию местных жителей, поддавшись влиянию враждебной пропаганды, «дал тягу до лясу» — дезертировал со всём ручным оружием, оставив в казармах лишь солдат и сержантов из числа советских граждан. Командование полка и командиры батальонов — советские офицеры угодили за слабую воспитательную работу с подчиненными в трибунал. Но этим поправить дело было уже нельзя. Спустя некоторое время многие дезертиры вернулись и их амнистировали.

Большую роль в создании антисоветских настроений среди поляков играла католическая церковь. Через фанатически религиозных женщин многие служители Бога влияли и на мужчин, подстрекая их к выступлениям против новой власти и Советской Армии, вплоть до бандитизма и диверсий.

Русских вновь стали рассматривать как извечных исторических врагов Польши, добивающихся якобы четвертого раздела страны, а то и просто присоединения ее к России.

Особенно враждебно были настроены молодые поляки, отравленные антисоветской пропагандой. Они в основном пополняли лесные банды, боровшиеся против нового правительства и «русских оккупантов». О масштабах этой враждебной деятельности можно судить по тому, что по амнистии 1946 года из лесов вышло и подверглось регистрации свыше 60 тысяч вооруженных боевиков. Кроме того, вывезли несколько батарей полевых орудий, сотни минометов.

Три обстоятельства успешно использовались в то время для разжигания антисоветских настроений среди местного населения врагами Советского Союза и новой Польши. Во-первых, освобождение Красной Армией закладных земель Белоруссии и Украины в 1939 году и включение этих территорий в СССР. Данный акт представлялся как удар ножом в спину польскому народу, боровшемуся против немцев. Утверждалось также, будто с помощью англичан поляки в то время могли одержать победу над фашистской армией, если бы не коварное нападение Советов. Никаких трезвых доводов против этого националисты не желали слышать и всерьез были убеждены в способности панской Польши выстоять против немецкого вторжения и разгромить полчища фашистов. Во-вторых, расстрел военнопленных поляков в Катыни. И, в-третьих, разгром немцами инспирированного по указке польского эмигрантского правительства восстания в Варшаве с целью показать, что ее освобождают не советские войска, а сами поляки. Когда же с восставшими, вступившими в неравную борьбу с отборными частями вермахта и войск СС, было покончено, лондонские реакционеры распустили слухи, что русские умышленно не пришли на помощь польским патриотам. Только по вине Москвы польская столица превратилась в груду развалин. Доводы командования Красной Армии о том, что форсирование Вислы с ходу было невозможно, так как серьезно потрепанные в жестоких боях советские войска нуждались в отдыхе и пополнении, рассматривались поляками как бесстыдные отговорки. На самом деле Кремль, мол, приостановил наступление 1-го Белорусского фронта и не пришел на помощь восставшим, чтобы скомпрометировать эмигрантское правительство и стоящих за ним англичан.

Даже гуманное решение советского правительства о помощи в восстановлении столицы Польши польские реакционеры изобразили как стремление русских откупиться за «вероломство и предательство». Эта ложь принималась польскими обывателями за чистую монету. Зарубежная и внутренняя реакция находила в стране широкую базу для антисоветской и антидемократической деятельности. Крупных землевладельцев, промышленников,

банкиров в Польше никто не трогал. После войны были наказаны лишь коллаборационисты, запятнавшие себя тесными связями с немецкими оккупантами.

Сказывалась и вековая национальная рознь, возникшая еще с тех пор, когда Речь Посполита простиралась от Балтийского до Черного моря, а польские паны считали русских диким и темным быдлом. И вдруг свободу и независимость, возрождение Польши как национального государства приносят ее бывшие враги. Искренность братских чувств советского народа при этом не всеми понималась, и наши недруги внутри страны и вне ее пытались любой ценой представить каждое действие нового польского правительства и советского командования губительным для Польши.

Под влиянием пропаганды, проводимой западными державами, польским эмигрантским правительством и внутренней реакцией многие поляки, ранее относительно лояльно настроенные к русским и Советской Армии, начали в ряде мест предпринимать враждебные выпады против военнослужащих как наших, так и Войска Польского. По дорогам стало небезопасно ездить без вооруженной охраны. Иногда банды аковцев — членов Армии Крайовой — и оуновцев — украинских националистов — забывали «внутренние национальные противоречия», существовавшие между ними, объединялись и нападали на наши воинские подразделения и гарнизоны Войска Польского. Такая «малая война» продолжалась до 1947 года. Она принесла множество жертв, одной из которых был замечательный человек, герой сражений с фашизмом в Испании, заместитель главнокомандующего Войска Польского Кароль Сверчевский, бывший генерал-полковник Советской Армии, погибший при столкновении с бандитами в 1947 году во время служебной поездки в районе Кракова.

Правда, потом этот террористический акт поляки отнесли на счет оуновцев. Но если это злодеяние и было делом рук украинских бандитов, то случилось оно, конечно, не без ведома польской реакции.

В апреле 1945 года наша оперативная группа, выполнив свои задачи, была отозвана в разведуправление Генштаба.

День Победы мы встречали в ликующей Москве.

Тайные операции на берегах Дуная

В конце 1947 года я был направлен в Австрию, где дислоцировалась Центральная группа войск (ЦГВ) советской армии. Мне предстояло принять там командование небольшой частью специального назначения.

Срок службы в ЦГВ определялся тогда в три года, но практически его обычно продлевали до пяти лет. На более длительное время оставляли редко: отрыв от родины давал себя знать весьма ощутимо, тем более что после 1948 года офицерам было запрещено проживание здесь с семьями. Этот запрет, основания для которого носили, очевидно, экономический характер, был отменен только в 1953 году по ходатайству нового главнокомандующего ЦГВ генерал-полковника С.С.Бирюзова, который сумел доказать руководству, что выгоднее нести некоторые материальные затраты, чем постоянно иметь чрезвычайные происшествия, неизбежные при раздельном проживании большого числа молодых офицеров в отрыве от семей.

Путешествие по железной дороге Москва — Вена продолжалось вместо обычных двух суток десять дней: банды бандеровцев, еще действовавший на западе Украины, взорвали несколько мостов в Карпатах, и мы вынуждены были задержаться во Львове восемь дней.

Наконец мосты отремонтировали, и мы прибыли на пограничную станцию Чоп. Несложные таможенные формальности, поезд при пересечении границы замедлил ход, с подножек вагонов спрыгнули наши пограничники. Вот она заграница! Тут мы оказались впервые, не считая пребывания в Польше во время войны. Но чувства расставания с родиной не ощущали. Это, очевидно, объяснялось тем, что весь состав был заполнен своими людьми. Ехали солдаты и офицеры по новым назначениям, другие возвращались из отпусков. Гражданские служащие оккупационных учреждений, таких как Советская часть Союзнической комиссии по Австрии, Управление советским имуществом в Австрии (УСИА), Нефтеуправление и другие следовали с женами и детьми. Всюду слышался смех, веселые шутки, песни. У всех еще было чувство гордости за одержанную победу, в результате которой советский человек может вот так свободно ехать, как к себе домой, в центр Европы, где несли службу воины нашей армии.

В Чопе на продовольственном пункте по аттестатам мы

получили на нескольких человек большое количество продуктов сухим пайком, в том числе ржаную муку, гречневую крупу и так далее. В Москве нас предупреждали о том, что австрийцы испытывают серьезные продовольственные трудности. И мы привезли все эти продукты в Вену в надежде осчастливить не одного голодающего венца. Каково же было наше удивление, когда никто из местных жителей не соглашался совершенно безвозмездно взять их, поскольку ржаная мука и гречневая крупа этим «голодающим» были просто неизвестны, а к началу 1948 года австрийские граждане уже не испытывали недостатка в таких привычных им продуктах, как белый хлеб, рис, мясо, рыба, сливочное масло, сыр и многих других.

Штаб ЦГВ находился в Бадене — небольшом курортном городе в 26 километрах от Вены. Он был расположен в здании бывшей гимназии и прилегающих к ней жилых домах.

Группой командовал генерал армии В.В.Курасов, начальником штаба был генерал-лейтенант И.Т.Шлемин.

После завершения необходимых формальностей и представлений по начальству, в частности, заместителю начальника штаба группы генерал-майору П.Н.Чекмазову и его заместителю П.С.Мотинову, я направился в Вену. Там под гостеприимным кровом советской городской военной комендатуры в первом районе города находился штаб моей части. Я должен был заменить времен-, но исполнявшего обязанности ее командира подполковника В.К.Стечишина. Он прибыл в Вену 13 апреля 1945 года с войсками и с тех пор возглавлял советскую комендатуру 4-го района города.

Мне была отведена квартира из числа покинутых обывателями на Карлгассе, 22/8. Недостатка в жилом фонде в это время еще не ощущалось, так как крупные нацисты и лица, связанные с ними, бежали на Запад, не желая иметь дело с русскими.

Вена ошеломила своим блеском, своими контрастами. Это большой город — второй Париж, как его называют австрийцы, с бесчисленными памятниками искусства, всемирно известными шедеврами зодчества — собором святого Штефана, дворцами Бельведер, Шеннбрун, Хофбург, роскошными музеями. Казалось удивительным, что этот город почти с двумя миллионами жителей является столицей государства всего с 7 миллионами человек. Однако все становится понятным, если вспомнить, что Вена — бывшая столица Австро-Венгрии, в недавнем прошлом великой державы, насчитывавшей свыше 50 миллионов многонационального населения.

Город практически от войны не пострадал, и нам, привыкшим

видеть руины других столиц, он казался райским уголком на опаленной ожесточенными сражениями земле.

Тенистые аллеи огромного лесопарка Пратер, извилистые дороги Венского леса на Каленберг — Лысой горе, чудесные аллеи роз городского парка, тенистые бульвары Ринга, подковообразного полукольца, окружавшего старинный центр, множество памятников, в том числе известным композиторам и поэтам — Бетховену, Брамсу, Штраусу, Моцарту, Гете, Шиллеру, Грилльпатцеру и многим другим, — все это делало город похожим на большой музей.

К началу 1948 года экономика Австрии уже начала оправляться от военных потрясений. Восстанавливались промышленные предприятия. В советской зоне оккупации все заводы и фабрики бывших нацистов были конфискованы и, как военная добыча, переданы в ведение Управления советским имуществом за границей. Это учреждение объединяло свыше 200 различных предприятий и сельскохозяйственных поместий, каждое из которых руководилось советским генеральным директором, пытавшимся ввести на этих предприятиях и в хозяйствах советские порядки. Надо признать, эти попытки не всегда воспринимались с пониманием рабочими и служащими. Так, например, они категорически отказывались от сдельщины, неизвестной в Австрии. Квартальные премии наиболее квалифицированным и усердным рабочим тоже встретили возражения. Профсоюзные деятели и даже коммунисты выступили против выдачи отдельным работникам премий, расценивая их как подкуп верхушки рабочего клана. Зато повсеместно выдвигались требования о выдаче к Рождеству 13-й месячной зарплаты, о сохранении сроков отпусков, которые на 5–6 дней превышали установленные у нас. Несомненно, все эти социальные блага ранее были соответствующим образом сбалансированы у капиталистов и, несомненно, убытка им не приносили. Но нашим хозяйственникам это было в новинку и вызывало много конфликтов с рабочими и служащими, доходивших порой до забастовок.

Немецкие предприятия военного значения демонтировались и разрушались. При этом значительная часть оборудования, не имеющего особой ценности, сырье, металлолом и различное имущество продавались местным коммерсантам на вывоз, как правило, за бесценок.

В западных зонах все проходило значительно проще, по раз и навсегда заведенному в капиталистическом мире образу и подобию. Притаившиеся на первых порах нацисты, видя благожелательное отношение к себе западных оккупационных

властей, вновь взяли в свои руки бразды правления промышленностью, крупными имениями. Пройти так называемую денацификацию в западных районах Австрии не представляло особого труда. В 1948 году уже на полную мощность работали металлургические заводы ФЕСТ в Линце. Военные предприятия, принадлежавшие фашистам, уцелели и на них начался выпуск продукции.

Шла бойкая торговля не только товарами первой необходимости, но и предметами роскоши. В городах были широко открыты двери многочисленных ресторанов, баров, кафе, варьете и других злачных и незлачных заведений, общее число которых в столице достигало пяти тысяч.

Вся страна была разделена в соответствии с межсоюзным соглашением на 4 зоны: в советскую входили провинции (земли) Бургенланд, Нижняя Австрия и часть Верхней, французы оккупировали Тироль и Форальберг, англичане — Штирию и Каринтию, американцы — большую часть Верхней Австрии и Зальцбург.

В Вене центр города — первый район, ограниченный Рингом, управлялся межсоюзнической комендатурой, которой ежемесячно по очереди руководили представители каждой из 4-х оккупационных держав. Другие районы города — их насчитывалось два десятка — тоже были поделены между победителями. Передвижение из одного района в другой было свободным для граждан всех союзных держав, каждая из которых имела в столице свои войска и различные гражданские оккупационные учреждения. За порядком в центре наблюдали межсоюзные патрули. В их состав входило по одному солдату от каждой из четырех союзных армий. Разъезжая в радиофицированном джипе, они бдительно следили за поведением своих военнослужащих и гражданских лиц, тесно сотрудничая при этом с австрийской полицией.

Несмотря на то, что патрули состояли из солдат, они пользовались весьма большой властью. Патрульный при необходимости мог арестовать любого офицера и доставить его в свою часть межсоюзной комендатуры. Старшим патруля являлся солдат той страны, которая несла дежурную службу в первом районе.

Ежемесячно в этом районе проводилась смена караула — красочное зрелище, привлекавшее большое число зрителей. Каждая армия хотела при этом продемонстрировать все лучшее и оригинальное, что только могла. Красочные парадные мундиры солдат и офицеров, музыка, торжественный марш, смена государственных флагов над зданием межсоюзной комендатуры

— все это на площади старой Вены напоминало что-то опереточное.

Стороны буквально изощрялись в стремлении удивить зрителей. Поскольку количество солдат при разводе было строго ограничено и не превышало двух взводов, то для достижения большего эффекта увеличивали численность оркестров и к концу оккупации их довели до нескольких сотен человек.

К смене караула наши трубачи готовились за несколько месяцев и поражали венцев своей выправкой и строевой подготовкой. Англичане для экзотики назначали в караул шотландских стрелков с неизменным козлом перед оркестром с волынками; французы выставляли альпийских стрелков с их своеобразным горным шагом-бегом. Прохождение такого войска мимо трибун, где обычно стояли коменданты районов Вены, сопровождалось аплодисментами зрителей-австрийцев, научившихся ценить строевую подготовку.

Разногласия между бывшими союзниками в начале пятидесятых годов сделали практически невозможным принятие каких-либо согласованных решений по Австрии как в Союзническом командовании, так и по линии Центральной межсоюзнической комендатуры. Постановка антагонистических вопросов с взаимной критикой перед широкой австрийской общественностью фактически сводила на нет всю деятельность межсоюзных органов.

Австрийцы ждали ухода оккупантов. Нужно сказать, ждали они терпеливо. За 10 лет в советской зоне оккупации, несмотря на целый ряд бесчинств со стороны наших солдат, и конфликтов, неизбежных при большом количестве войск, считавших австрийцев врагами, случаев террористических актов против представителей советской стороны не было.

Следует отметить крайне жестко проводимую нашим командованием политику изоляции советских военнослужащих и гражданских лиц от местного населения. Все контакты с австрийскими учреждениями и частными лицами контролировались и носили строго деловой характер. Преследовались личные связи, особенно с женщинами. Запрещалось посещать местные рестораны, кафе, увеселительные заведения, такие как кино, театры, клубы и так далее. За нарушение этих запретов виновных немедля, невзирая на должности и звания, под конвоем отправляли до границы, а на родине принимали весьма строгие меры партийного и служебного воздействия. Офицеров, как правило, за такие проступки увольняли из армии.

Понятно, что основная масса дисциплинированных солдат и офицеров неуклонно следовала всем этим запретам, указаниям и инструкциям и проводила время в стенах своих казарм.

И получалось, что австрийцы познавали наш народ не через его лучших представителей, коими являлись грамотные, душевные, честные солдаты и офицеры, излишне охраняемые от капиталистических соблазнов командованием, а через мелких воришек, пьяниц и дебоширов, для которых никакие наказания не могли явиться препятствием к знакомству с заграничной жизнью. Доходило до курьезов.

К командиру полка особого назначения полковнику Юркову, который со своей частью размещался в местечке Эбрайхсдорф, занимая там чудесный средневековый замок, обратился секретарь местной организации компартии с просьбой прислать на вечер, проводимый ими с целью укрепления дружбы с советской армией, несколько солдат и офицеров. Программа вечера намечалась чисто в австрийском вкусе: короткий доклад, небольшой банкет и танцы. Юрков немедленно доложил о просьбе в Политуправление ЦГВ и получил строгое указание на вечер никого не посылать. Однако при встрече с секретарем через несколько дней Юрков выслушал от него сердечную благодарность за выделение представителей, хотя их было всего двое и они, к сожалению, не знали немецкого языка и довольно быстро ушли. По заявлению секретаря, солдат тепло встретили участники вечера, их посадили в президиум, но вели они себя чересчур стеснительно, упорно не позволяли себя сфотографировать, отказались дать автографы девушкам и после нескольких танцев распрощались.

В полку это событие расценили как ЧП. Провели тщательное расследование и установили, что в роли советских представителей выступили… два забулдыги, вора и самовольщика, уже намеченных к отправке в Союз. Уйдя в очередную самовольную отлучку, они случайно услышали музыку у местного трактира, где проходило собрание, зашли в него и попали в президиум. Нужно отдать справедливость, вели они себя там прилично. Но это не помешало отправить их в срочном порядке на родину для прохождения дальнейшей службы в строительных частях.

До 1953 года изучение офицерами группы войск немецкого языка не поощрялось. Запомнилась фраза, произнесенная на партактиве: «Там, где люди не полностью загружены службой, где слаба воспитательная работа, некоторые офицеры и даже солдаты начинают изучать немецкий язык». Больше того, молодым офицерам, проходившим службу в Австрии, запрещали учиться в заочных высших военных и гражданских учебных заведениях, а

солдатам — в средних школах.

С личным составом частей и подразделений не проводили даже экскурсии в местные музеи, хотя это могло существенно помочь в интернациональном воспитании солдат и офицеров.

Городские власти Вены ежедневно совершенно безвозмездно присылали коменданту города несколько десятков бесплатных билетов в оперные и драматические театры. Однако ими почти не пользовались.

Строго каралось посещение ресторанов и австрийских магазинов. Комендантские патрули «прочесывали» эти заведения и незадачливых соотечественников, вне зависимости от того, с кем они там находились и как себя вели, забирали в комендатуру, где их неизменно сажали на гауптвахту даже в том случае, если они являлись гражданскими лицами.

Одно время по приказу главнокомандующего ЦГВ генерал-лейтенанта Свиридова комендантам советской части Вены и других городов в нашей зоне было приказано довести до сведения всех владельцев кафе, ресторанов, трактиров и магазинов запрещение обслуживать советских граждан и об их появлении в этих заведениях доносить в комендатуру. Владельцев, не выполняющих это распоряжение, штрафовать.

Прошло не менее полугода, прежде чем уразумели, что это «мудрое» нововведение носит антисоветский, дискриминационный характер, и оно было отменено.

Несмотря на строгость грозящих наказаний, личные контакты наших военнослужащих с австрийцами все же устанавливались. Да их и трудно было избежать. Молодые люди тайно встречались с австрийскими девушками, причем последние никак не могли понять, почему русские — враги фашизма — так же, как и нацисты, строго карают за связь с иностранками. Запрет браков с ино-подданными было весьма трудно объяснить местным жителям, усматривающим в нем ущемление свободы личности.

Можно было бы привести множество трагедий и комичных ситуаций, возникших на этой почве.

Дочь Франца Даманского, владельца небольшого трактира, в котором питались по договору солдаты из комендатуры 2-го района, Ольга полюбила нашего старшину и родила от него девочку. Каковы же были удивление и ярость коменданта подполковника Шилова, когда однажды к нему на прием прибыл старик Даманский в черном парадном костюме и официально пригласил господина коменданта на торжественную церемонию крещения младенца, рожденного от его подчиненного. Старшина исчез из Австрии в 24 часа, и торжество было омрачено. Ольга в течение многих лет дожидалась возвращения своего

возлюбленного.

В советской части Союзнической комиссии по Австрии работал капитан Е. В его обязанности входили контакты с одним из райкомов Свободной австрийской молодежи Вены, секретарем которого была девушка-австрийка. Вопреки запрету молодые люди полюбили друг друга. Об этом стало известно. При расследовании капитан не отрицал своих отношений с иностранкой и заявил о намерении ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о разрешении ему брака с австрийской гражданской в порядке исключения. Из страны он был выслан. Когда его конвоировали на вокзал, он попросил заехать мимоходом проститься с любимой и передать ей некоторые вещи. Сопровождающие согласились при условии, что свидание будет проходить в их присутствии. После безуспешных попыток утешить рыдавшую подругу капитан выбежал из квартиры. В припадке отчаяния девушка выбросилась с шестого этажа…

Адъютант начальника штаба группы лейтенант С., проживая в Бадене на обывательской квартире, влюбился в дочь хозяина. Она ответила ему взаимностью. Это стало известно начальнику. Не желая портить жизнь молодому человеку, он строго наказал лейтенанта и распорядился поселить его на другую квартиру, предупредив, что молодой человек будет немедленно откомандирован в СССР, если не порвет своей связи с иностранкой. Через несколько дней молодые люди покончили жизнь самоубийством, оставив письмо, которое могло бы дать писателю сюжет для трагедии.

Все эти факты так или иначе становились достоянием местного населения, которое не только смотрело сквозь пальцы на подобные связи, но иногда сочувственно относилось к ним.

Политика изоляции наших граждан от местного населения, проводимая к тому же зачастую в неумелой и чрезмерно прямолинейной форме, нетерпимость ко всему местному, подозрительность и недоверие давали о себе знать до момента вывода наших войск из страны.

Официально Австрия являлась первой жертвой германского фашизма и подлежала в этом плане освобождению и быстрейшему восстановлению в прежних границах.

В действительности она активно участвовала в войне на стороне Германии, мобилизуя все свои людские и материальные ресурсы для победы фашизма. В национал-социалистической партии состояло более 600 тысяч австрийцев. Процент нацистов по сравнению с численностью населения в Австрии был выше, чем в Германии. Солдаты и офицеры австрийской национальности,

воевавшие против нас в вермахте и войсках СС, бесчинствовали и зверствовали на оккупированной территории не меньше немцев. Все это наряду с общностью языка, экономического склада, религии и обычаев делало австрийцев в глазах наших солдат теми же немцами, а нас — в представлении австрийского обывателя — полудикарями из Сибири, бывшими врагами нового порядка, провозглашенного Гитлером и вполне устраивавшего значительную часть населения Австрии. Однако австрийский обыватель, верный своим космополитическим убеждениям, быстро ориентировался в обстановке и, желая загладить свою вину, встречал союзников в 1945 году (в том числе и наши войска) так же восторженно, как и немцев в 1938 году.

В этом свете становится понятной скрытая антисоветская направленность тогдашнего правительства Фигля-Шарфа, его политика реабилитации бывших нацистов, сопротивление нашим попыткам по привлечению к ответственности бывших нацистов, запрету проникновения немецкого капитала в страну, упразднению крупных монополий, проведению земельной реформы.

Сложность решения спорных вопросов в Союзнической комиссии заключалась том, что они могли войти в силу лишь при единогласном принятии их всеми четырьмя верховными комиссарами, что практически почти не представлялось возможным, так как к этому времени отношения между СССР и западными державами уже обострились и все советские предложения вне зависимости от их рациональности отвергались англо-франко-американскими представителями. Причем они делали это поочередно в соответствии с предварительной договоренностью. В этом случае с контртезисами обычно выступало австрийское правительство, которое в соответствии с межсоюзным соглашением, в случае отсутствия единогласия по тому или иному вопросу у союзников, могло решать его по своему усмотрению. Как правило, это решение бывало не в нашу пользу, но мы могли не допускать его реализации лишь в своей зоне.-

При такой системе управления страной наше влияние на ее развитие, особенно в западных зонах, постепенно утрачивалось.

Терялись и экономические позиции, так как бывшие нацистские предприятия, руководимые УСИА, работали нерентабельно, на износ. В связи с неясностью, что будет в Австрией в будущем, необходимые капиталовложения в них не производились, оборудование не обновлялось. Опыта руководства хозяйством в таких необычных условиях не было. Значительная часть заводов, фабрик и имений стала убыточной и не могла

конкурировать с частнокапиталистическими хозяйствами. Австрийский инженерно-технический персонал, да и рабочие не считали нужным повышать производительность труда на советских предприятиях. Не обходилось и без мелкого саботажа, коррупции и экономических диверсий.

Незнание местных законов, стремление решить частные задачи сегодняшнего дня, не заглядывая вперед, приводили к ряду коллизий. Так, на фабрике жестяной тары должны были изготовить крупную партию железных бочек. Австрийский директор рекомендовал купить их оптом на частной фирме за половину себестоимости, скалькулированной на нашей фабрике. «Выгодная» сделка была заключена, бочки закуплены у западной фирмы, продавшей старые запасы железной тары вермахта по бросовой цене. Но при этом не учли вынужденный долгосрочный простой собственной фабрики и необходимость оплаты, по австрийским законам, прогула по вине администрации большому коллективу рабочих, уволить которых без возникновения крупного скандала не представлялось возможным. Эти расходы значительно превысили мнимую прибыль от покупки уже готовой дешевой продукции у конкурента и подорвали наш престиж в глазах рабочих фабрики.

На гранитном заводе УСИА произошла подобная же история со срочным выполнением заказа на гранитную брусчатку. Готовая продукция была в 1949 году куплена у частной фирмы, а сотни рабочих своего завода пришлось уволить в связи с его закрытием. Большинство рабочих этого завода составляли бывшие узники концлагеря Маутхаузена.

Весьма сложно было со снабжением советских предприятий сырьем, поскольку везти его за несколько тысяч километров из СССР было нерентабельно, а австрийские поставщики под давлением западников, а иногда и по личной инициативе, всемерно тормозили поставку самых ходовых материалов, и мы вынуждены были переплачивать и в этом случае.

Относительно успешно работало лишь Нефтеуправление. Наши капиталовложения в нефтяные промыслы в Цистерсдорфе увеличивались, туда присылалось современное советское оборудование, что дало возможность к 1955 году добывать до 3 миллионов тонн нефти в год. Немцам в свое время удавалось выкачивать австрийской нефти на одну треть меньше.

Экономические неудачи в советской зоне и: троко освещались враждебной нам печатью. Социалистическая «Арбайтер цайтунг», американская «Винер курир», захлебываясь, кричали о том, что провал экономических усилий на предприятиях УСИА отражает, как в at ˆчале, нашу бесхозяйственность, техническую отстало, ь.

Успехи Нефтеуправления представлялись как грабеж австрийских природных богатств.

Следует отметить, что наша контрпропаганда работала из рук вон плохо и не в состоянии была переубедить простого обывателя-австрийца. Мощному потоку антисоветской дезинформации противостояла малоинтересная газета Политического управления ЦГВ на немецком языке «Остеррайхише цайтунг». Большую помощь в борьбе с нашими идеологическими врагами оказывала нам Австрийская компартия и ее печатный орган «Фольксштимме». Несомненно, австрийские коммунисты лучше, чем мы, знали сильные и слабые стороны своего народа, но их было мало, а мы своими промахами оказывали им плохую поддержку.

Значительная часть наших недостатков в несении оккупационной службы войсками и гражданской администрацией исходила из ряда принципиальных ошибочных положений, главными из которых, на мой взгляд, являлись следующие.

Прежде всего отсутствие тщательно продуманной и заранее разработанной политики в отношении оккупированной страны. До 1955 года от солдата до верховного комиссара никто не знал, что будет с Австрией в ближайшие годы, какова конечная цель оккупации этого находившегося под нацистским влиянием государства, объявленного союзниками жертвой немецкой агрессии. Высказывались противоречивые предположения. В 1948 году упорно говорили о том, что войска уйдут в 1949 году, в 1949 году готовились к уходу в 1950-м и так далее. Затем в связи с событиями в Корее начали муссироваться слухи о продлении оккупации до 25 лет. После событий в ГДР в 1953 году предполагали, что советская зона оккупации будет присоединена к Венгрии с образованием федеративной республики Австро-Венгрия.

Имели место и другие домыслы, которые не подтверждались и не опровергались руководством. Да оно и само не знало ни сроков оккупации, ни обстоятельств ее окончания. В результате все постоянно «сидели на чемоданах». Это порождало психологию временщиков. Казармы для войск не ремонтировались, капиталовложения в промышленные предприятия не производились. Юридически отношения с местными властями не закреплялись. Четко расписанных наставлений, инструкций и положений, которые должны были подготовить компетентные органы еще до вступления войск в страну, не было.

В противоположность нашей стороне западники до оккупации Австрии имели подробные планы. И органы пропаганды в целях «борьбы за австрийца» начали кампанию за быстрейшее

освобождение страны от четырехсторонней оккупации, стремясь показать, что главные противники этого русские. Английские, американские и французские фирмы заранее готовили свои позиции на случай вывода войск, скупали за бесценок акции австрийских предприятий, крупные земельные участки, дома, заводы, замки, сразу оформляя эти акты по всем правилам капиталистической юриспруденции.

Мы вынуждены были включиться в навязанное нам бывшими союзниками соревнование между «западом» и «востоком», кто больше даст материальных благ и льгот «бедной» Австрии. Это соревнование, начатое примерно с 1950 года, продолжалось до заключения Государственного договора и окончилось далеко не в нашу пользу, поскольку экономические возможности у наших «партнеров» были значительно выше. Так, они свои завезенные во время войны в Европу автомашины продали австрийцам по бросовым ценам, поскольку возвращать этот уже изношенный автотранспорт с Соединенные Штаты было нерентабельно. Австрийский обыватель, не понимая, что этим «благородным» жестом душат его национальную автопромышленность, видел лишь возможность купить за цену велосипеда исправленный американский «Виллис» и восхвалял щедрость заокеанских благодетелей. В то же время он клял русских «грабителей», вывозивших из его страны трофейные автомашины, демонтированные станки с бывших немецких предприятий, старую мебель. Обыватель не знал, что американцы, забрав в Австрии все патенты, являлись настоящими грабителями крупного масштаба, перед действиями которых конфискация русскими немецкой собственности выглядела мелким делом. К сожалению, наша пропаганда не смогла убедить в этом австрийцев. Она была слишком слаба и велась неквалифицированно.

Мешал нам и чрезмерный ура-патриотизм, присущая тому времени непоколебимая убежденность в преимуществе всего советского — от авторучки до сложной техники, высокомерие ко всему несоветскому, пренебрежительное отношение к обычаям и жизненному складу людей в оккупированных странах. К примеру, в 1949 году мы имели возможность купить в австрийской клинике швейцарский аппарат для искусственного кровообращения и дыхания. Сделка не состоялась, так как начальник, от которого она зависела, был убежден, что у нас в стране «самой передовой медицинской науки» все это давно имеется и значительно лучшего качества. Аппарат появился у нас лишь в шестидесятых годах…

Повседневный непосредственный контакт в Вене

военнослужащих США, Англии и Франции с советскими офицерами и солдатами носил мирный характер. Они дружески и уважительно общались между собой. Так было поначалу в первые дни оккупации. Но в последующем политические противоречия между Западом и Востоком стали обостряться, союзнические обязательства утрачивали свою силу и систематически нарушались. Взаимная враждебная пропаганда непрерывно усиливалась. Единогласия в Союзнической комиссии и межсоюзной комендатуре не удавалось добиться, можно сказать, ни по одному вопросу.

Возникали конфликты и среди низших чинов. Эти трения со временем все углублялись. Исчезли улыбки, появились хмурые, враждебные взгляды. Издавались запреты посещать чужие районы и зоны. Нарушители подвергались строгим наказаниям. Начались драки между нашими солдатами и бывшими союзниками. Все больше отмечалось случаев применения оружия в отношении бывших друзей по пустяковым причинам.

Офицер, сотрудник редакции нашей армейской газеты «За честь Родины», ударом кулака убил пьяного американского солдата, старавшегося назойливо выяснить у него какие-то вопросы. Часовой у общежития служащих советской части Союзнической комиссии в «Гранд-отеле» застрелил английского капрала, пытавшегося в нетрезвом виде проникнуть туда. Наш пьяный солдат убил французского. При извинении, которое вынужден был принести наш комендант по этому поводу, его французский коллега заявил: «Это явление закономерное. Там, где контактируются солдаты разных армий, которые стравливаются между собой, конфликты неизбежны. Мне жаль своего воина, но на дипломатическом демарше по этому поводу я настаивать не буду». Заявление более чем откровенно.

Австрийские власти умело пользовались возрастающими противоречиями между бывшими союзниками, которые особенно обострились в период войны в Корее и во время народных волнений в Берлине. В первую очередь они постарались избавиться от коммунистов и прогрессивных лиц, назначенных в первые месяцы оккупации на административные должности (магистраты, полиция) в советской зоне и районах столицы. Не имея возможности уволить этих чиновников по политическим мотивам, австрийское правительство прибегло к обходному маневру. Оно установило обязательную сдачу всеми принятыми на работу в военный и послевоенный период государственных экзаменов по ряду дисциплин. Так, полицейские и жандармы должны были сдавать основы юриспруденции, подтвердить наличие среднего образования, умение печатать на машинке,

знание австрийских законов, иностранных языков и так далее.

Все это подавалось под предлогом улучшения деятельности государственных учреждений. На деле позволило властям избавиться от коммунистов под предлогом их делового несоответствия, поскольку рабочим, зачастую недавно освобожденным из концлагеря или фашистской тюрьмы, было не под силу сдавать экзамены, да и образование у них было далеко не блестящее. Таким образом, еще в нашу бытность у кормила власти противники любыми путями освобождались от неугодных им лиц в государственном аппарате и заполняли освободившиеся должности своими ставленниками.

В Австрии активно действовали разведслужбы великих держав. Численное преимущество, несомненно, было на стороне наших противников. Ими практически использовались все звенья австрийского государственного аппарата, включая полицию, жандармерию и все ключевые министерства и ведомства. Четко координируя свою работу, разведки западных государств объединенными усилиями вели ожесточенную борьбу с советскими разведывательными структурами. Кстати, они не боялись использовать у себя на руководящих постах лиц русского происхождения, работавших на своих хозяев не за страх, а за совесть.

Начальником американской военной полиции венского гарнизона был подполковник Воробей — белорус, сын эмигранта. Французский военный комендант первого района столицы капитан де Пуришкевич оказался племянником известного черносотенного депутата царской Думы, а его помощник лейтенант Полянский — русским дворянином. Заместителем английского коменданта был бывший офицер царской армии Петров. Немало сотрудников Союзнической комиссии являлись русскими по происхождению. К их числу можно было отнести Галину Макгонигал, эмигрантку из Полтавы, жену американского разведчика, подполковника Грея и других. Все они отлично знали русский язык, наши обычаи, и их трудно было отличить от советских граждан.

Американскую оперативную разведку в Вене представлял 430-й отряд Си-Ай-Си (по-русски корпус полевой разведки — КПР). Он был укомплектован большим штатом сотрудников, имевших неплохую специальную подготовку, опыт работы в военное время и знавших несколько иностранных языков.

Можно было бы привести многочисленные примеры работы западных разведок, характеризующих их методы и приемы. Остановлюсь на одном, вызвавшем в то время большой скандал.

Заместитель коменданта по политической части одного из

районов Вены подполковник С. являлся страстным охотником. Все вылазки на природу для него организовывал гражданский служащий комендатуры австриец Курт, знавший наиболее богатые дичью места, главным образом на границе с Венгрией. С. был в восторге от расторопности и услужливости своего фаворита, являвшегося его постоянным спутником, егерем и оруженосцем.

Однажды Курт попросил подполковника сопроводить через венгерскую границу автомашину его друга с тем, чтобы он не подвергался досмотру австрийских таможенников, поскольку советские военнослужащие и грузы, следующие с ними через границу, контролю в ту пору не подлежали, а советского КПП на этой заброшенной дороге не было. Курт просил об этом «небольшом одолжении» потому, что его другу нужно было перебросить в качестве подарка родственникам, проживавшим якобы в Венгрии, некоторое количество американских сигарет и прочей мелочи, запрещенной к перевозу через границу без пошлины. Подполковник, бывший к тому же под хмельком, не мог отказать своему Санчо Панса. Он сел в кабину маленького грузовика, принадлежащего другу Курта, и переехал с ним границу. Операция оказалась действительно не сложной.

На второй день Курт передал подполковнику конверт, в котором было восемь тысяч австрийских шиллингов — размер его трехмесячного оклада — и попросил принять его этот скромный подарок за оказанное содействие. Курт добавил, что он и его друг будут очень обижены, если подполковник откажется принять такую мелочь, тем более что супруга подполковника очень хотела иметь каракулевое манто стоимостью как раз в эту сумму. Подполковник, правда, после некоторого колебания принял подарок. А через несколько недель с подобной просьбой к С. обратился уже непосредственно «друг» Курта. Попытка подполковника оказаться от поездки вызвала угрозу сообщить о полученной ранее взятке военному коменданту Вены и опубликовать всю историю в газетах. С. смалодушничал, поддался на шантаж и начал регулярно перевозить в Венгрию и принимать оттуда контрабанду и людей.

Пресечь дальнейший ход этой операции помогла случайность. Наши органы госбезопасности арестовали шайку мелких контрабандистов. Один из них на допросе с укором заявил: «Вы тоже хороши. Выдаете себя за друзей бедных, а нас, настоящих бедняков, арестовываете. Крупным же акулам покровительствуете сами, очевидно, получаете от них солидное вознаграждение». И рассказал все, что знал, о крупной банде, которая сотрудничала, как после стало известно, с английской

разведкой. Подполковник был взят на месте преступления. Английская разведка его еще не успела завербовать, хотя он был уже подготовлен к этому. За преступное использование служебного положения С. был осужден военным трибуналом к 8 годам заключения.

Были в этой войне разведслужб и комичные эпизоды.

Офицер П., работавший в центральной комендатуре на ответственной должности, начал изучение американской служащей Галины Макгонигал, внешне лояльно относившейся к СССР и имевшей доступ к интересным сведениям об американской части Союзнической комиссии. По своей официальной службе П. часто встречался с Галиной, получал от нее кое-какую устную информацию и наконец решил провести с нею продолжительную встречу наедине в ресторане 9-го района (американского). В другом месте дама встречаться не хотела.

Каково же было удивление П., когда американка, придя в условное место, сразу заявила, что все готово и они могут сейчас же выехать за «железный занавес». Как бы в подтверждение этой готовности в ресторан вошли и направились к столику, где сидел П. со своей собеседницей, два рослых МР[13]. Макгонигал пояснила, что попытку встретиться с нею, сорокалетней женщиной, со стороны советского офицера она расценила как стремление просить через нее политическое убежище у американских властей. По ее словам, она не могла допустить мысли о том, что встреча будет носить чисто интимный характер, как пытался убедить ее П. В Вене для таких целей слишком много молодых девиц. По знаку Галины полицейские исчезли, и наш офицер благополучно вернулся в свой район.

Понятно, что никаких протестов в данном случае мы заявить не могли. Довести до конца провокацию с похищением П. американцы не решились, так как он занимал слишком высокую должность. А возможно, они просто хотели показать, что намерения в отношении Галины Макгонигал им известны. В данном случае нашла коса на камень. Коллеги потом долго шутили над П., что он пошел за шерстью, но сам, стриженный, еле вырвался.

Американская дама после этого как ни в чем не бывало встречалась с П. по официальной линии и уехала из Австрии в обычном порядке по замене.

Нужно заметить, что американская разведка действовала в Австрии нагло и грубо, в расчете на массовость. Она не стеснялась в выборе средств вербовки, и некоторые морально неустойчивые работники наших оккупационных учреждений попадали в ее сети. Так, в 1949 году из разведуправления штаба

ЦГВ перебежал к американцам переводчик лейтенант Шалопутин, который был за несколько недель до побега завербован ими при задержании американской военной полицией в первом районе Вены, где он вступил в пьяную драку с американским сержантом. Поводом для вербовки явилась угроза американцев возбудить против Шалопутина уголовное преследование за нанесение серьезных побоев. Этот изменник, знавший секреты управления, причинил ему большой ущерб.

В 1951 году подполковник Попов, работавший поначалу в Союзнической комиссии, а затем в одной из разведывательных частей группы войск, был завербован американцами, подставившими ему девицу, с которой он установил интимные отношения. Все контакты Попова с ней были сфотографированы и использованы для шантажа. Не найдя силы воли признаться в своих проступках, Попов пошел на предательство. Позже, уже во время работы в Москве, в 1959 году он был разоблачен органами КГБ, судим и расстрелян.

В мае 1955 года в венском дворце Бельведер, который когда-то принадлежал принцу Евгению Савойскому, был подписан Государственный договор с Австрией. При его доработке и обсуждении советская сторона удивила западных представителей, да и не только их, своей уступчивостью и пониманием интересов австрийского государства. За несколько сотен промышленных предприятий и сельскохозяйственных имений, составляющих немецкую собственность в Австрии, отобранную нами по праву победителей и переданных Австрийской республике, мы получили компенсацию в размере 150 миллионов долларов с рассрочкой на много лет, и не деньгами, а товарами. Этот выкуп носил символический характер, поскольку только один машиностроительный завод в Вайтгофене на Ибсе, на котором было занято около полутора тысяч рабочих, стоил не менее четвертой части этой суммы. А таких предприятий было немало.

Цистерсдорфские нефтяные промысла, реконструированные нами и оснащенные современным оборудованием, были практически безвозмездно переданы австрийцам за незначительную компенсацию поставками нефти.

Все активы, включая банковские вложения, наличные деньги на предприятиях, движимое имущество переходили в собственность Австрии. Даже многочисленные персональные автомашины советских генеральных директоров и оборудование их служебных квартир передавались безвозмездно австрийской стороне.

Наша делегация, руководимая В.М.Молотовым, без споров согласилась с возрождением австрийской армии в

испрашиваемых западниками пределах. На первое обзаведение австрийским воякам была презентована эскадрилья самолетов МИГ-15 и танковый батальон, оснащенный машинами Т-34.

Оккупационные войска четырех держав выводились из страны через 3 месяца после подписания договора.

Такими неожиданными уступками наше правительство, очевидно, хотело в то время перед уходом завоевать симпатии широких слоев населения Австрии. Но враждебная буржуазная пропаганда, прочно державшая в своих руках общественное мнение страны, представила щедрый жест русских, как вынужденный шаг под давлением австрийского правительства Рааба и его западных друзей.

Страна и ее натовские покровители ликовали. На улицах Вены и других городов стихийно возникали демонстрации, гулянья, карнавалы. Гремели оркестры, и так же, как в 1945 году, эмоциональные австрийцы танцевали на площадях.

Наша печать трактовала позицию Советского правительства в австрийском вопросе как образец нашего бескорыстия, проявления традиционной политики равноправия малых наций и так далее.

Советские офицеры и солдаты-фронтовики не могли понять, чем вызвана такая щедрость в отношении враждебного нам капиталистического государства, давшего фашистам не только их фюрера, но и более полумиллиона членов нацистской партии, сотни тысяч солдат, офицеров и генералов, бесчинствовавших ничуть не менее немцев на оккупированной территории СССР.

В тяжелое положение была поставлена компартия Австрии. Коммунисты, борясь за избирателей и авторитет среди рабочих, вынуждены были выступать за скорейший вывод всех оккупационных войск из страны, но руководство КПА понимало, что с уходом советских войск обстановка для работы партии сложится очень трудная.

Жизнь это подтвердила. После ухода русских в их бывшей зоне начались умело проводимые властями репрессии не только против коммунистов, но и против многих лиц, сотрудничавших с советской администрацией. Они увольнялись с работы на бывших предприятиях УСИА. Активистов, помогавших нам бороться с нацистами, арестовывали и привлекали к судебной ответственности за связь с оккупантами и деятельность, направленную против австрийского государства. За эти «преступления» был осужден переводчик центральной комендатуры Иоганн Штайнер, начальник полиции 24-го района Вены Хофер и другие.

Войска западных держав в соответствии с договором были в

короткий срок выведены в соответствующие зоны Западной Германии. Сложнее было перебросить в СССР войска нашей группы с ее громоздкими тылами, большим количеством техники, многочисленным личным составом, семьями офицеров.

Казарменный фонд, квартиры, полигоны сдавались по актам австрийским комиссиям, которые предъявляли зачастую фантастические требования по возмещению так называемых убытков.

К нашему всеобщему удивлению, советское командование приказало удовлетворять все материальные претензии этих комиссий и владельцев объектов. Хотя с 1953 года советские оккупационные власти аккуратно платили австрийцам за все, кроме воздуха, тем не менее счета на возмещение убытков росли по различным поводам и без поводов. Рассчитывая на отсутствие у нас учета, владельцы требовали оплаты жилплощади повторно и вперед за полугодие, при сдаче полигонов оплачивалось все, включая компенсацию за поврежденные при стрельбе межевые знаки, выдавались немалые суммы на ремонт и прочее.

Жалобы и претензии подавались в посольство СССР и много времени спустя после вывода войск.

Были и комичные моменты. В городке Эбрайхсдорф в чудесном средневековом замке размещался наш полк ОСНАЗ. Перед сдачей замка, приведенного за 10 лет в весьма неприглядное состояние, командир части полковник Ю. догадался пригласить комиссию на прощальный банкет. Под завершение банкета бургомистр не только подписал нужный акт, но и составил приветственный адрес командиру, где благодарил личный состав части «за отличную дисциплину и взаимопонимание с австрийским населением». (До этого полк был на одном из первых мест в ЦГВ по количеству ЧП!)

При отъезде эшелонов с войсками на родину их восторженно приветствовали австрийцы. Восторг при проводах не всегда приятен убывающему. Но очень часто можно было видеть и трогательные сцены прощания наших солдат и офицеров с австрийскими девушками, с которыми они, несмотря на строжайшие препоны, втайне от командования дружили и теперь не считали нужным скрывать это.

Эшелоны с нашими войсками уходили на восток. А навстречу им на запад в Австрию шли поезда с дорогостоящим оборудованием для нефтяных промыслов, с товарами для уже несуществующего военторга, с сырьем для предприятий, ставших уже австрийскими. Мы демонстрировали свою «оперативность». Опыт 1941 года, когда уже после начала войны к границе с Польшей шли составы с хлебом и нефтепродуктами для

Германии, учтен не был.

Вскоре после вывода войск началось активное проникновение немецкого капитала в Австрию. Правительством был принят ряд законов по реабилитации так называемых «мало обремененных нацистов» с возвращением им имущества.

В связи с этим запомнился один характерный эпизод. В 1956 году к коменданту дома, выстроенного нами на Таборштрассе в Вене, прибыл из Аргентины уполномоченный хозяина, в свое время бежавшего от советских войск. Дом был возведен на его земле, и поскольку было известно, что ее владелец нацист, наши хозяйственники не считали нужным оформлять в свое время ее покупку в венском магистрате.

Уполномоченный требовал немедленного освобождения территории, занятой домом, для… теннисного корта. При проверке законности этого наглого требования было установлено, что бывший владелец земли «денацифицирован» и из бывшего превратился в настоящего законного хозяина. Его доверенный настаивал на сносе нового шестиэтажного здания, зная, что для этого потребуются средства, почти равные затраченным на строительство. С трудом удалось уговорить его принять безвозмездно вместе с землею и дом. Австрийский закон и его блюстители-юристы стояли на страже интересов бывшего нациста.

Часть предприятий УСИА, несмотря на запрет, оговоренный в договоре, перешла при помощи различных комбинаций в руки немцев.

После опубликования в Австрии ряда материалов о культе личности Сталина и массовых репрессиях советских граждан бургомистр города Вены, в последующем президент Австрии, Йонас при многотысячном стечении народа на площади, названной в 1945 году именем Сталина, лично сорвал табличку «Сталинплац», заявив, что австрийцы, верные своей дружбе с советским народом, не считают возможным именовать площадь своей столицы ненавистным всем русским именем Сталина и возвращают ей прежнее наименование «Шварценбергплац».

Прах советских воинов-героев, похороненных в центре Вены, под благовидным предлогом перенесли на Центральное кладбище во 2-м районе.

Под видом разоблачения культа личности Сталина в стране началась бешеная антисоветская пропаганда. Поносилось все советское. Мост маршала Малиновского вновь стал Райхсбрюке; улица Толбухина получила старое наименование Люксембургштрассе. Газеты изощрялись в злобных выпадах против нашей страны, и все это преподносилось как проявление

дружеских чувств к советскому народу, которому Хрущев якобы открыл глаза на ужасы сталинизма.

Вновь пошли в ход старые небылицы об ограблении Австрии русскими, о похищении ими людей, об отсталости и некультурности советских граждан. Подсчитывались и баснословные суммы стоимости вывезенной офицерами советской армии мебели, приводились анекдотичные случаи переброски в СССР самолетами надгробных памятников, ковров и пианино для русских генералов. Большой репортаж был посвящен находке на свалке картины Рембрандта, которую комендант 4-й комендатуры города подполковник Г. по невежеству приказал выбросить из своей квартиры. Подводились итоги по всем чрезвычайным происшествиям за десять лет с указанием стоимости ущерба вплоть до числа младенцев, прижитых австрийками от русских солдат и офицеров.

Брались отдельные факты, к сожалению, имевшие место за период многолетней оккупации, они утрировались и представлялись с далеко идущими обобщениями, рисующими советских людей варварами XX века, незнакомыми с элементарными достижениями цивилизации.

Вся эта антисоветская кампания проводилась планомерно и ни для кого из нас не являлась неожиданностью. Она еще раз подтвердила, что длительная оккупация Австрии не принесла нашей стране существенных политических и экономических преимуществ. За этот период мы не смогли завоевать симпатий большинства народа, не обеспечили возможность успешной работы даже для нашей опоры в этой стране — компартии, не создали ей должных предпосылок для завоевания большинства народа в будущем.

Мне как кадровому разведчику, отдавшему многие годы жизни этой нелегкой профессии, очень тяжело наблюдать, как сегодня в средствах массовой информации за рубежом, да, впрочем, и в некоторых наших, поднимаются на щит имена предателей — Пеньковского, Шевченко, Резуна (Суворова), Гордиевского и некоторых других. Их высокопарно именуют «противниками тоталитарного режима» в нашей стране, «борцами за демократию», «шпионами, спасшими мир», «героями, расшатавшими устои империи зла» и так далее, и тому подобное. Некоторые из них, избежав возмездия, пишут не только оправдывающие свое предательство книги, но просто обливают грязью наш народ и родину. Считаю, что мы обязаны защитить память о тысячах советских разведчиков и их добровольных помощников — агентов, доверенных лиц, оперативных контактов, как их не называй, — зачастую бескорыстно отстаивавших

интересы нашего Отечества.

Читатели должны знать, что в советской военной разведке работали не только и не столько ставшие ныне известными изменники, а люди, обеспечившие на деле безопасность страны в сложных условиях послевоенного развития и «холодной войны». И главное, что помогало действовать наШей военной разведке на мировом уровне при минимальных финансовых затратах, — это притягательность идее, которой мы служили. Это патриотизм, гордость за высокий международный авторитет России. Я не оговорился — именно России. Ибо это величайшая глупость, когда период с Великой Октябрьской социалистической революции и до подписания Беловежско-пущистского ликвидационного протокола — почти три четверти столетия — вырывают из общего процесса исторического развития российского государства. Какой бы держава наша ни была — царской, демократической или советской, главное, она — Россия.

Конечно, имена таких иностранцев, работавших на советскую военную разведку, как талантливый ученый-ядерщик Клаус Фукс, или блестящие журналисты Рихард Зорге и Ильзе Штебе, или же профессор-картограф Шандор Радо, у всех на слуху. Но основная масса информации добывалась, естественно, не такими великими мастерами тайных дел, а через многочисленных, так сказать, простых, рядовых помощников. О них, собственно, я и хочу рассказать.

К сожалению, несмотря на то, что с тех пор минуло уже полвека, я не могу назвать подлинные имена наших помощников-агентов, чтобы не навредить ни им, ни их родственникам, и предать гласности важные разведывательные операции. Ничего не поделаешь — время еще не пришло.

Послевоенная Вена во праву считалась одним из центров международного шпионажа. Наши бывшие союзники развернули здесь мощные структуры, ориентированные для ведения разведывательной деятельности против СССР и находящихся под его влиянием стран Восточной и Центральной Европы.

Нам же по приходу в Австрию практически пришлось начинать с нуля. Заделов никаких не было: гестаповцы во времена «третьей империи» постарались ликвидировать всех, кто хотя бы косвенно имел отношение к советской разведке. Поэтому нашим оперативным работникам пришлось использовать любые возможности для установления контактов. И как ни странно, результат превзошел все ожидания. Думаю, прежде всего из-за доброго отношения местного населения к нам, советским, русским, освободившим Австрию от гитлеровского ига.

…Один из наших офицеров поехал на экскурсию в город Карнантум, где главная достопримечательность — древнеримские развалины. Здесь, примкнув к группе австрийцев, слушавших объяснения какого-то знатока истории, он познакомился с интересным собеседником, бывших майором вермахта Гансом Нильке. Тот оказался архивариусом в Государственном архиве Австрии. Офицер, не долго думая, представился историком, изучающим поход великого российского полководца Александра Суворова через Альпы. Архивариус, в свою очередь, неожиданно предложил копии нескольких исторических документов по этому вопросу и, более того, принципиально отказался от вознаграждения за услугу.

Вторая встреча была посвящена уже истории Брусиловского прорыва в первую мировую войну. Ну, а дальше наша разведка получила возможность отслеживать все современные мероприятия австрийского правительства. Дело в том, что в этой дунайской республике один экземпляр всех государственных документов после их принятия в обязательном порядке направлялся в архив.

Кстати, вознаграждения за ценнейшие услуги архивариус не брал. Долгие годы он активно сотрудничал с нами. Любопытно: на вопрос, когда он догадался, что имеет дело с разведчиком, архивариус рассмеялся и ответил, что, мол, раскрыл того при второй встрече. Уж больно слабы оказались для специалиста исторические знания у нашего офицера.

Конечно, не только знакомство с историческими достопримечательностями помогало создавать агентурную сеть. Способствовали этому и человеческие слабости. Так, один из друзей другого нашего офицера, сотрудник полиции 1-го района Вены во время застолья познакомил его с дипкурьером Министерства иностранных дел Австрии Францем Крафтом, бывшим старшим лейтенантом вермахта. На удивление, дипкурьер также довольно легко пошел на сближение с разведчиком и впоследствии охотно сотрудничал с нами, передавая для перлюстрации ценные материалы и получая от нас весьма умеренное вознаграждение. Когда об этом заходила речь, агент подчеркивал, что работает не ради денег, а из-за глубоких симпатий к нашему народу.

На контакт с нами шли не только австрийцы. Мой сослуживец, подполковник Аркадий Петров, как-то познакомился на охоте в советской зоне оккупации с Жаном Пьери, унтер-офицером охраны верховного комиссара Франции в Австрии. На базе общего увлечения охотой возникла «крепкая дружба», позволившая моему коллеге получать секретные документы

французского МИД. В дальнейшем Жан согласился принимать небольшие вознаграждения, самым дорогим из которых было охотничье ружье «Маркель». При этом француз постоянно говорил, что сотрудничает с советской разведкой из-за любви к России и уважения к своему другу Аркадию.

Но, пожалуй, едва ли не самым ценным источником информации для нас оказалась… свалка в Зальцбурге. Это оккупационная зона США. Местный житель Алекс Вольф, обитавший неподалеку от американского штаба, организовал закупку бумажной макулатуры, которую выносили оттуда на свалку. Найдя общий язык с сержантом, доставлявшим отходы канцелярской братии, Вольф принимал «макулатуру» под договоренность о ее последующей переработке. «Старьевщик» прекрасно знал английский язык и отбирал, на свой взгляд, наиболее ценные черновики, брошюры, книги. И привозил их в Вену, где сдавал нашему офицеру-оперативнику.

Так, со свалки нами были получены секретные инструкции о системе противоядерной защиты американской оккупационной зоны. Вольф сотрудничал с советской военной разведкой исключительно из идейных соображений. Он стеснялся получать денежную компенсацию даже за свои транспортные расходы. По всей видимости, американцы заподозрили «старьевщика» в связях с нами. К сожалению, он погиб в автомобильной катастрофе, направляясь в Вену на встречу с оперативным работником.

Скажу без ложной скромности: разведке штаба Центральной группы войск удавалось в те годы вскрывать самый широкий круг вопросов военного, экономического и политического характера. Мы установили контакты во всех слоях австрийского общества, внедрили агентуру во многие объекты западных оккупационных держав. При этом расходы на оперативные мероприятия были просто смешными. Хотя, конечно, имелись и примеры противоположного рода. И они свидетельствовали как раз о слабой надежности платных агентов.

Вот один такой случай. В Вену регулярно приезжал из Западной Германии агент «Серватиус». При этом всегда требовал немедленной оплаты всех его расходов и премии за доставленные материалы. А привозил он документы о создании вооруженных сил ФРГ — бундесвера. Их довольно высоко оценивал Центр. Однако вскоре через нашего осведомителя в Бонне удалось выяснить: «Серватиус» ведет двойную игру. После каждой поездки в Вену он докладывал «кому следует» о контактах с советскими военными разведчиками.

Это был самый чувствительный удар для нашей службы за все время моей работы в Австрии. Но еще большие потери мы

понесли от своих собственных предателей — старшего лейтенанта Шалопутина и подполковника Попова, знавших многие наши тайны, людей, методы работы. (О них я уже упоминал ранее.)

Тогда мне казалось, что и Попов, и Шалопутин самые большие предатели, которые выросли в нашей службе. Но «холодная война» ожесточалась, и потери военной разведки становились все масштабнее и чувствительней. Подлая измена полковника Пеньковского, ставшего в шестидесятых годах англо-американским шпионом под кличками «Янг» и «Алекс», привела к тому, что из-за рубежа, так сказать, с передовой линии тайной войны, пришлось отозвать в Москву несколько десятков разведчиков, не считая безвозвратного ущерба, нанесенного агентурному аппарату из числа иностранных граждан. Другой английский шпион «Тонхэт» — под этой кличкой скрывался генерал ГРУ Поляков — тоже выдал лондонской секретной службе немало наших кадровых сотрудников и их добровольных помощников-иностранцев.

Однако Пеньковского и Полякова, как я представляю, перещеголял предатель в квадрате Чернов, работавший на ЦРУ более четверти века. Занимая с 1963 года должность скромного технического служащего фотолаборатории 1-го спецотдела военной разведки, он передал американцам тысячи фотодокументов о деятельности наших резидентур в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Швейцарии, а также об организации и результатах работы стратегической военной разведслужбы. Архипредатель вручил своим хозяевам из Лэнгли[14] данные на множество кандидатов на вербовку доверенных лиц и агентов и массу сведений о других оперативных делах.

Чернова арестовали лишь весной 1991 года и предали суду» который приговорил его, как ни странно, к относительно мягкому наказанию — всего 8 лет лишения свободы. Но уже 30 января следующего года изменник по указу президента Российской Федерации был освобожден. Кто-то, видимо, воспользовался неразберихой, царившей в коридорах власти после ликвидации Советского Союза, подсунул на высочайшую подпись документ, позволивший обелить супериуду.

Как бы там ни было, случаи предательства в общем-то были единичными и не носили массового характера, хотя потери от них, повторяю, являлись весьма болезненными. Но куда больший урон потерпели интересы страны от непродуманных, а порой безответственных действий отечественных политических лидеров. В 1955 году Никита Хрущев санкционировал вывод советских

войск из Австрии. Причем наш тогдашний уход был проведен так же бездарно, как и недавний из Германии. СССР возвратил Австрийской республике за бесценок бывшее германское имущество — многочисленные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Я уж не говорю об утраченной агентуре, не понявшей кульбитов советской внешней политики. Десятилетнее пребывание наших войск в Австрии не принесло СССР в итоге из-за шапкозакидательства политиков времен «оттепели» существенных экономических, политических и военных преимуществ. Мы уходили из этой страны и впервые воочию видели, как американцы торжествовали и насмехались над нами…

Секреты НАТО в мусорном ящике

Весной 1956 года мне в числе нескольких сотрудников ГРУ довелось участвовать в командно-штабной игре на картах, которую проводил Генштаб. Проигрывалась фронтовая наступательная операция в приморской полосе во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом. Особенностью учений явилось то, что как «синие», так и «красные» состояли из генералов, адмиралов и старших офицеров военно-учебных заведений армии и флота.

Мне эти учения особенно запомнились потому, что ими руководил министр обороны СССР маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Вскоре наш тогдашний вождь Хрущев незаслуженно обвинил выдающегося полководца во всех грехах и отправил в отставку.

Итак, учения… Стены конференц-зала в Академии имени М.В.Фрунзе увешаны картами, таблицами, схемами и диаграммами. Все участники получили заблаговременно напечатанные справки и доклады.

Началось заслушивание. Первым докладывал вице-адмирал, командующий Балтийским флотом. Он резво прочитал свои предложения, которые в основном сводились к организации силами флота десанта стрелкового корпуса на один из островов Балтийского моря, находившийся по «игре» в руках «противника». Жуков, казалось, рассеянно слушавший доклад флотоводца, вдруг встрепенулся.

— Адмирал! — воскликнул он. — Вы соображаете, что говорите? Имеете ли вы представление о современном стрелковом корпусе?! Да вы на всех кораблях флота даже личный состав не разместите! А многие десятки тысяч тонн боевой техники — танки, артиллерию, инженерное имущество, боеприпасы? Вы что, их на эсминцы будете грузить? Куда вы их денете?

Сбитый с толку, как школьник перед строгим учителем, адмирал замолк, понурился и возвратился на место.

Взволнованный неудачным началом предшественника, следующий докладчик, генерал-лейтенант, начальник академии ВВС, в темпе прочитал свою справку. По задаче «противник» имел значительное превосходство в авиации, которое командующий «нашей» воздушной армией намеревался ликвидировать мощными бомбовыми ударами по аэродромам, уничтожая самолеты прямо на земле. По его расчетам получалось, что такими ударами должно было быть уничтожено до 400–450

самолетов «неприятеля» и достигнуто «наше» господство в воздухе. Командующего авиацией министр не прерывал и со стороны, казалось, даже одобрял его замысел. Но когда генерал уже закончил доклад и, облегченно вздохнув, собрался сесть, маршал бросил вопрос:

— А какие потери при этом понесет наша авиация?

После томительной паузы генерал неуверенно произнес:

— До 25 самолетов.

Этот ответ привел Жукова в ярость.

— Как вы можете учить офицеров побеждать врага, когда сами понятия не имеете о современном воздушном наступлении и его масштабах?! Да вы в мирных условиях, поднимая в воздух армию на тренировочные полеты, выведете из строя больше самолетов на своих аэродромах!

Получили замечания, правда в более спокойных тонах, и другие специалисты.

Только начальник разведки фронта — начальник кафедры одной из академий полковник А.Г.Синицкий не получил никаких замечаний. Жуков был скуп на похвалы и поощрения, а тут еще такое начало. А Синицкий, весьма образованный офицер, хорошо знавший театр военных действий и находящегося на нем «противника», сделал доклад своими словами, не прибегая к чтению с бумажек.

В заключение командующий фронтом генерал армии поднялся на трибуну, не спеша раскрыл красную папку с заранее напечатанным решением на проведение наступательной операции и начал доклад. У оперативной карты встал с указкой какой-то генерал-майор для показа называемых докладчиком географических пунктов.

Жуков привстал и раздраженно заметил:

— Это что еще там за генерал с указкой? Вам делать нечего? Отдайте ее докладывающему. А вы, товарищ генерал армии, в войну командовали реальным фронтом и могли бы думать не по шпаргалке. Подчиненных вам командиров и начальников вы выслушали всех. Зак-, ройте папку и доводите решение своими словами.

И здесь наметившийся с самого начала учений провал был окончательно завершен.

Генерал армии, переведя дух, бодро начал, но затем допустил ряд существенных ошибок. Нужно было видеть, с какой осуждающей миной на лице слушал его Жуков. Бывший командующий фронтом в Великую Отечественную войну, а ныне профессор академии оказался в положении студента, у которого перед самым ответом на экзамене отобрали шпаргалку, куда он

даже не успел заглянуть.

На разборе первого этапа учений министр обороны уже не стеснялся в выражениях. Мне ни разу до этого не приходилось слышать такой горькой, нелицеприятной оценки наших армейских недостатков, возникавших зачастую по вине больших руководителей. Жуков упрекал собравшихся в нерадении, консерватизме, чрезмерной приверженности догмам, выработанным, между прочим, и на опыте Великой Отечественной войны, отсутствии творческой мысли в создании теории проведения операций в условиях ракетно-ядерного столкновения с вероятным противником. Ни одна деталь не ускользнула от его внимания. Наряду с кардинальными вопросами подготовки молодых кадров для армии и флота он подчеркнул: воину необходимо давать в первую очередь то, что нужно для победы.

— В какой землянке вы будете развешивать, где готовить и хранить сотни ненужных цветных схем, громадных карт? — спрашивал маршал присутствовавших в большом зале участников учений.

Особенно яростно он обрушился на случаи очковтирательства, чванства, самоуспокоенности. В заключение министр призвал офицеров быть непримиримыми к недостаткам, не останавливаться перед заменой старых ретроградов молодыми, знающими дело, преданными Родине кадрами.

Сам он, маршал Жуков, вероятно, первым же и откликнулся на свой призыв. Выводы сделал самые строгие. Начальники Военно-Воздушной академии и Высшего военно-морского училища были сняты со своих должностей вскоре после учений.

Примерно через месяц после описанного выше события я был назначен заместителем начальника разведывательного управления штаба Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и срочно убыл к месту службы. Штаб группы в то время располагался в полсотни километров от Берлина в живописной деревушке Вюнсдорф вблизи города Цоссен. В военное время здесь находился учебный центр по подготовке танкистов для фашистского вермахта.

Сохранившиеся казарменные здания в какой-то мере были приспособлены для многочисленных штабных служб и подразделений советской армии. Правда, жилищные условия оказались не блестящими, но для нас, не избалованных в этом отношении, одна квартира немецкого фельдфебеля вполне удовлетворяла семьи двух русских полковников.

Прекрасная школа-десятилетка, гарнизонный дом офицеров с

зеленым театром и стадионом, большое озеро и лес в черте военного городка, хорошо организованные бытовые службы создавали все условия для нормальной жизни членов семей офицеров, а хорошо поставленная культурно-просветительная работа не давала возможности отрываться от пульса жизни далекой родины.

Группой войск в ту пору командовал маршал Советского Союза А.Д.Гречко, а начальником штаба был генерал-лейтенант (впоследствии генерал-полковник) НЛ.Сидельников.

Сложность международной обстановки в 1956 году усугублялась тем, что в войсках НАТО и ФРГ происходил ускоренный процесс перевооружения ракетно-ядерными средствами. Форсированно создавались дивизии бундесвера — западногерманской армии.

В этих условиях разведке группы войск, выдвинутой на передний план противостояния с военной организацией Североатлантического блока, приходилось нелегко. Фактически в любой момент можно было ожидать какой-либо провокации от «милых» соседей. Нарушения воздушного пространства ГДР самолетами, переход границы подразделениями бундесвера, запуск воздушных шаров с антисоветской и антикоммунистической пропагандистской литературой, засылка многочисленных агентов, направлявшихся десятками подрывных организаций ФРГ от военной контрразведки и федеральной разведслужбы до Ведомства по охране конституции, разведывательными и контрразведывательными структурами западных оккупационных держав, ведущих активную деятельность против ГСВГ и ГДР, — со всеми этими атрибутами «холодной войны» нам приходилось сталкиваться буквально ежедневно.

При изучений обстановки в стране пребывания первое, что можно было заметить, общаясь с жителями ГДР, это их скрытую органическую неприязнь к русским. Очевидно, понадобится смена нескольких поколений, прежде чем ядовитые семена фашистского человеконенавистничества, расизма, чувство превосходства перед людьми других наций будут вытравлены временем в этом народе, готовившемся в течение многих лет быть властелином мира. К сожалению, многие советские руководители принимали в общем-то вынужденную лояльность к СССР и другим социалистическим странам, которую демонстрировала восточногерманская правительственная и военная верхушка, за истинную дружбу немецкого населения. Официальные встречи, декады и месячники германо-советского общества, приезд многочисленных делегаций

партийных и государственных делегаций, деятелей науки и культуры, совместные учения войск не всегда находили должный отклик и понимание у рядовых немцев, многие из которых сравнительно недавно были господами в оккупированной части России.

Конечно, трудно в стране, где, как и у нас, почти в каждой семье имелись жертвы войны, убедить оставшихся в живых в том, что их дед, отец, муж, брат или сын погиб в несправедливой войне. Тем более что мать, показывая сыну портрет отца, погибшего на Восточном фронте, не всегда вдается в неприятные подробности, а просто говорит: «Вот каким был твой отец, убитый русскими». И такая, так сказать, домашняя пропаганда зачастую действовала значительно сильнее государственной.

Расчленение на две части в прошлом сильнейшего в Европе однородного по национальному составу государства не воспринималось многими в ГДР и особенно молодежью, как должное возмездие за бесчинства и захватническую политику фашистов. Высокие идеалы строительства социализма в первом в мире немецком государстве рабочих и крестьян разделялись далеко не всеми немцами, избалованными в период гитлеровского господства высоким жизненным стандартом, который обеспечивался за счет ограбления других народов.

Отрицательно сказывался на настроении жителей ГДР и экономический бум в соседнем западногерманском государстве. Более высокий, чем в ГДР, уровень жизни, изобилие многих недостающих на Востоке промышленных товаров и продуктов, привычный уклад жизни, близкий к прошлому порядок — все это еще больше настраивало против нас немецких обывателей.

Иногда мы своими рекомендациями, переносящими в условия европейской страны наши порядки, методы и пути перестройки общества без тщательного учета местных особенностей, истории и уклада народа, объективно давали повод для антисоветской пропаганды. Так, поголовное кооперирование немецкой деревни с ее ранее высокоразвитым фермерским хозяйством, имеющим и без того высокий уровень механизации, можно было не форсировать. Сведенные в колхозы немецкие крестьяне резко снизили продуктивность, организованность, дисциплину труда, которыми они так славились раньше. Появились присущие нам элементы бесхозяйственности, разгильдяйства, безразличия к обобществленному имуществу, стало недоставать сельскохозяйственных продуктов. Оплата крестьян по трудодням натурой была столь не свойственна немцам, что они ее вынуждены были быстро заменить денежной.

Недостатки в снабжении городского населения овощами,

фруктами, мясом, жирами были меньшими, чем у нас, но не привыкшие к ним даже во время войны, немцы высказывали недовольство. Особенно их возмущали промахи в сфере обслуживания, очереди за нормированными продуктами. Немец привык к сервису, к удобствам, и ему было не ясно, почему его паек, определенный по карточкам и достаточно большой, он не может получить с доставкой на дом? Почему нет апельсинов, бананов, импортных товаров широкого потребления, которые в избытке были выставлены в витринах магазинов в Западном Берлине? Почему дирекция народных предприятий не выдает 13-ю зарплату к Рождественским праздникам? Почему врачам, работающим в клиниках, запрещена в свободное время частная практика, вследствие чего снизился жизненный уровень медицинских работников и создались большие очереди в бесплатных больницах и амбулаториях? С какой целью ограничиваются ремесленники всемирно известных промыслов оружия в городе Зуль, аккордеонов — в Клингентале? В чем смысл запрета выездов студентов на каникулы к родственникам, проживающим в Западной Германии?

Множество подобных вопросов возникало у немцев ГДР. Но руководство, к сожалению, на многие из них не считало нужным отвечать, что вызывало недовольство властями и создавало благоприятную почву для враждебной агитации внутри страны.

В результате всего этого в 1956 году через Берлин нелегально в Западную Германию бежало ежемесячно до тридцати тысяч человек, преимущественно квалифицированных рабочих и ремесленников, врачей, учителей, инженеров, крестьян. Люди бросали свое имущество, обжитые места, родных. В ФРГ их обеспечивали работой, жильем, денежными ссудами и пособиями на обзаведение. Вокруг беженцев создавалась невообразимая пропагандистская шумиха, рисующая все прелести проживания в «настоящем отечестве», что не могло не воздействовать на граждан ГДР.

Из Западной Германии в Восточную тоже отправлялись беженцы. Но их было 1000» 1500 человек в месяц, главным образом старики и инвалиды, желавшие воспользоваться социальными льготами, которые между Эльбой и Одером были выше, чем в боннской республике.

Многие таким путем умудрялись получать субсидии и льготы от обеих режимов, перебегая из одной республики в другую. Такое положение крайне затрудняло контроль властей ГДР за населением, облегчало работу западных разведок, дезорганизовывало нормальную жизнь республики. Требовались меры, стабилизирующие границу, устраняющие возможности

утечки через Берлин не только людей, но и крупных материальных ценностей и валюты.

Разведуправление штаба ГСВГ имело возможность точно знать общественное мнение в обеих германских государствах и отношение немцев к оккупационным державам. И мы пришли к парадоксальному выводу. В ФРГ простые рабочие и крестьяне с большими симпатиями Относятся к русским, чем к американцам, англичанам или французам. И особую неприязнь питают к янки. В ГДР как раз наоборот, средний немец тянулся ко всему западному и ограничивался в отношениях с русскими и гражданами других социалистических стран официально-казенным «фройндшафтом» — дружбой, организуемой властями.

Несомненно было одно: и в Западной Германии, и в Восточной немцам до чертиков надоели иностранные войска. И особенно не любят они тех, с кем чаще соприкасаются. Национальную гордость немцев оскорбляла иностранная военная форма, которую тогда можно было увидеть почти в каждой деревушке. Это в какой-то мере учитывали западники, разрешавшие своим военнослужащим вне казарм носить штатскую одежду. Мы в таких «принципиальных» вопросах оставались непреклонными и, во избежание конспиративных встреч с немецкими девушками, запрещали даже офицерам в высоких званиях ходить в цивильном платье.

Усиливавшаяся неприязнь к оккупантам, в том числе и к советским, несмотря на все старания доказать вынужденный характер их пребывания в ГДР, объяснялась в значительной степени и немалым числом чрезвычайных происшествий и бесчинств в отношении местного населения со стороны советских военнослужащих. При самом тщательном отборе пополнения, несмотря на большую политическую работу с солдатами и офицерами, на полмиллиона ангелов всегда могла найтись тысяча чертей, справиться с которыми было весьма трудно.

Запреты общения наших военнослужащих с местными жителями приводили к тайным встречам преимущественно с женщинами легкого поведения, насилиям, а строгий казарменный режим — к самовольным отлучкам, пьянству, воровству, иногда перерастающему в случаи бандитизма. Обо всех чрезвычайных происшествиях, связанных с боевой подготовкой, а также бесчинствах наших солдат против немцев в преувеличенной, искаженной форме становилось известно не только в ГДР, но и в Западной Германии. Дело доходило иногда до попыток организовать демонстрации протеста против «произвола оккупантов».

Известное количество несчастных случаев, почти неизбежных при большой концентрации вооруженных сложной боевой техникой людей на ограниченной, густо населенной территории, также не способствовало взаимопониманию между нашими войсками и местным населением. За каждую мелочь приходилось расплачиваться втридорога. А ведь часто бывали происшествия, ущерб от которых не мог быть восстановлен деньгами (смерть, увечья, моральные травмы).

Американские войска бесчинствовали в своей зоне значительно больше наших, но они имели и большую возможность откупаться чистоганом. Мелкие конфликты с торговцами, девушками, прислугой нередко разрешались самими нарушителями, имевшими в период службы в оккупационных войсках значительное денежное содержание. Так американский рядовой получал в месяц (при полном бесплатном содержании) на карманные расходы до 400 долларов. Ими он мог в мире, где все продается и покупается, расплачиваться за мелкие проступки, совершая это с видом благодетеля. У наших же солдат при их 10 марках месячного жалования каждая вина была виновата и о ней немцы с охотой доносили своим властям, предъявляя иногда к оплате буквально копеечные иски и претензии.

Однако в тот период, несмотря на неприязнь населения к нашим воинам, случаев убийств или ранений советских военнослужащих не было.

Группа советских войск в Германии постоянно находилась в центре внимания наших государственных руководителей. Боевая готовность этого аванпоста на Западе имела первостепенное значение для гарантии безопасности не только СССР, но и всего социалистического лагеря. Составляя значительную часть советских вооруженных сил, ГСВГ располагалась на территории ГДР, где тяготы воинской службы в мирное время были значительно большими, чем во внутренних округах.

Повседневное напряжение, частые тревоги с выходами на учения, жизнь в закрытых гарнизонах, фактически изолированных от местного населения, — все это морально утомляло наших воинов, особенно рядовой и сержантский состав срочной службы. Сплошь и рядом молодые люди, прослужив в каком-либо захолустном местечке ГДР три года, ничего кроме своего гарнизона не видели, и он им настолько надоедал, что они с особым нетерпением ожидали конца службы в Германии, которую многие из солдат называли «сытой каторгой».

В этих условиях особое значение приобретала действенная работа политорганов, которые были призваны в сложных

условиях внутренней и международной обстановки поддерживать высокий моральный дух войск. Однако по каким-то соображениям совершенно не использовался такой вид интернационального воспитания, как изучение страны, ее культуры, истории. Для офицеров, находящихся за рубежом, было запрещено заочное обучение в высших учебных заведениях, а для солдат в вечерних средних школах.

С целью непосредственного воздействия на воинов, для разъяснения им ряда важных решений партии и правительства, принимаемых в то время, в ГСВГ часто приезжали из Москвы члены ЦК КПСС, министры, деятели науки, культуры и техники. За время службы в ГДР пришлось слышать выступления на партийных активах, конференциях, а то и просто на массовых митингах многих руководящих работников, с которыми на родине вряд ли удалось бы увидеться.

Нужно заметить, что не все такие встречи приносили ожидавшую от них пользу. Более того, некоторые из высоких лиц проявляли себя, мягко выражаясь, не с лучшей стороны.

В июле 1957 года после июньского пленума ЦК КПСС, на котором была разгромлена «антипартийная группировка Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова», в ГСВГ в качестве гостя В.Ульбрихта прибыл первый секретарь ЦК КПСС Н.С-Хрущев. О возможном выступлении вождя партии перед офицерами и солдатами группы было объявлено заранее. Личный состав штаба с семьями собрался в зеленом театре и около двух часов ожидал прибытия высокого гостя.

Наконец показалась большая процессия. Впереди неуверенно шагал первый секретарь, он же премьер-министр, за ним В.Ульбрихт, О.Гротеволь[15], А.И.Микоян, А.А.Громыко, А.А.Гречко и другие, как принято говорить, сопровождающие их лица.

С трудом вскарабкавшись на сцену, Никита Сергеевич направился к трибуне и, к удивлению пятитысячной аудитории, обращаясь к Гречко, заявил:

— Маршал, а где же рыба? Ты же меня вез ловить рыбу, а здесь люди? Ну, а где люди, там и я. Мне нужно говорить речь. Я же первый секретарь!

Дальше в течение полутора часов собравшиеся слушали отрывочные, безграмотные, пересыпаемые грубой бранью, выпады премьера в адрес поверженных «сообщников Сталина». Поехавший, очевидно, на самом деле ловить рыбу первый секретарь не готовился к выступлению, да и вряд ли считал это нужным. Устав от выполнения своего партийного долга по общению с массами, внутренне довольный собой и своим

«ленинским» стилем руководства, Хрущев изрек:

— Ну хватит, пожалуй, достаточно. Как ты думаешь, Анастас?

Председатель Президиума Верховного Совета А.Л.Микоян вскочил, как школьник, и, аплодируя, заверил:

— Мы рады вечно тебя слушать, Никита Сергеевич.

Несвязная болтовня пьяного премьера, атмосфера подобострастия и низкопоклонства, усиленная выступлением А.А.Гречко, который назвал визит Хрущева историческим, а его речь — дальнейшим развитием марксистско-ленинского учения о партии, оставили у присутствующих гнетущее впечатление. Нужно было абсолютно не уважать свой народ и быть полностью уверенным в безнаказанности, чтобы позволить себе такое безобразное поведение на массовом митинге, где люди ожидали услышать от своего руководителя слово партийной правды.

Утешала мысль, что это, возможно, эпизод. У любого человека могут быть срывы, промахи, упущения. Однако вторая встреча с Хрущевым в другой обстановке дала, к сожалению, основание считать, что безответственные, нетрезвые выступления у него были не только перед советскими гражданами.

В 1958 году в Лейпциге, держа речь на стадионе перед тысячами немцев по поводу 140-летнего юбилея Карла Маркса, он, войдя в азарт, отбросил подготовленный заранее текст и, желая блеснуть остроумием, заявил следующее:

— Вот вы, немцы, нас обвиняете в том, что мы вам не даем спокойно жить. А ведь это сделал ваш Маркс. Он — основоположник коммунизма. Правда, он — немецкий еврей, нуда это все равно. Теперь и расхлебывайте кашу, которую заварил ваш земляк. А натворил он немало.

К счастью, переводчик Вальтера Ульбрихта, весьма толковый, политически грамотный человек, отлично знающий русский язык, перевел этот бред примерно так:

— Дорогие товарищи! Германия дала человечеству великого основоположника научного коммунизма Карла Маркса. Его учение овладевает миром и успешно претворяется в жизнь у вас в ГДР. Будьте же достойны своего великого земляка.

Бурные аплодисменты после перевода свидетельствовали о том, что далеко не все немцы понимали русский язык. Но ведь какая-то часть присутствующих, несомненно, знала его и имела возможность по достоинству оценить «юмор» советского премьера и первого секретаря ЦК КПСС.

В ноябре 1957 года для доклада партийному активу ГСВГ об итогах недавно закончившегося октябрьского пленума ЦК, снявшего маршала Жукова Г.К. с поста министра обороны СССР, прибыл секретарь ЦК ЛЛБрежнев.

О его приезде мне стало известно заранее от полковника Бандуры Н.И., служившего у нас в одном из разведывательных подразделений. Бандуру с Леонидом Ильичом связывали какие-то, я уже точно не помню, родственные или давние товарищеские узы. Перед приездом Брежнева полковник был на все время его пребывания освобожден от служебных обязанностей и проживал в отведенных высокому гостю апартаментах.

Партактив протекал бурно. Ярко обрисовав в докладе бонапартизм и самодурство бывшего министра обороны СССР, Брежнев призвал развернуть критику неслужебной деятельности местных руководителей. Коммунисты в своих выступлениях поднимали важнейшие вопросы боевой подготовки, указывали конкретных виновников недостатков, невзирая на должности и звания. Особенно досталось генерал-лейтенанту Якубовскому И.И. и некоторым другим генералам и офицерам. Их обвиняли в неграмотности, зазнайстве, самодурстве, а один из выступавших, замполит автомобильного батальона, обслуживающего штаб, под хохот всего зала заявил:

— Родили их простые русские неграмотные женщины, да и сами они особой образованностью не отличаются. Кто же им дал право вести себя так, что если бы не их генеральские погоны, то им не вылезать бы из тюрьмы за мелкое хулиганство.

Впервые в жизни мне приходилось на армейском партийном собрании слышать столь острую критику личных недостатков военных руководителей. Как было бы полезно для дела, если бы это стало нормой партийной жизни. От стольких бед мы были бы избавлены, какая масса промахов была бы устранена своевременно из нашей жизни.

При утверждении решения по докладу Брежнева часть коммунистов потребовала указать перечисленным в критических замечаниях лицам на недостатки и настоятельно рекомендовать не повторять их в практической работе. И здесь произошло неожиданное. Увидев, что «джинн вырвался из бутылки», докладчик явно испугался и, используя свое высокое положение, попытался загнать его обратно.

— Есть ли необходимость в столь крайних мерах? — вопрошал Брежнев. — Государственные умы наших военачальников уже сделали нужный вывод. Они не допустят, чтобы возникла необходимость их повторной критики.

Предложение сняли, не голосуя.

По простоте душевной я полагал, что всех подвергшихся критике по кардинальным вопросам армейской жизни деликатно снимут с должностей, не поднимая шума. Каково же было наше удивление, когда через несколько месяцев И.И.Якубовскому было

присвоено очередное воинское звание: генерал-полковник. Многие, кого критиковали, тоже получили повышения в должностях и званиях. Короче говоря, все осталось по-старому.

Наблюдая в ту пору за работой некоторых командиров и начальников в ГСВГ, выдвинувшихся на крупную руководящую должность иногда волею случая или по протекции, приходилось удивляться, как быстро многие из них приобретали не свойственные простому советскому труженику черты высокомерия, чванства, жадности, угодничества перед вышестоящими и хамства к подчиненным. Достигнув высокого поста и тем самым оградив себя от критики подчиненных, такой начальник знал, что его дальнейшая карьера целиком зависит от расположения вышестоящего руководителя, и любым путем старался добиться его, понимая, что в положительном случае он будет на своем участке практически бесконтролен и всесилен.

Выступления генералов и офицеров ГСВГ на активе по докладу Брежнева об итогах октябрьского пленума ЦК вскрыли лишь незначительную часть личных и служебных недостатков ряда руководителей ГСВГ. Никто не осмелился сказать, что главком А.А.Гречко превратился в зазнавшегося барина. Он мог незадолго до партийного актива приказать играть в футбол два тайма для одной своей персоны, хотя матч задолго до этого был назначен на вечер. Собравшимся офицерам и членам их семей просто объявили, что игра не состоится. Выезд маршала с территории военного городка превращался в особый ритуал, во время которого запрещался выпуск с автобазы штаба любого транспорта. Один из штатных переводчиков разведуправления фактически постоянно находился в распоряжении жены маршала для поездок по немецким магазинам и перевода содержания западных фильмов, специально демонстрировавшихся только для семьи главкома у него на квартире два раза в неделю. В каждом окружном городе ГДР имелась отдельная вилла с офицером-комендантом, соответствующей охраной и необходимым оборудованием на случай возможного заезда в этот город главкома или его семьи. Некоторые из этих домов не использовались совсем, но обслуживающий персонал на них содержался. Так, на всякий случай. Многочисленный штат военной и гражданской прислуги от порученца в звании полковника до личных тренеров по теннису и плаванию, поваров и официанток призван был удовлетворять все возрастающие потребности маршала и его семьи, которые уже давно жили при коммунизме.

Все это, равно как и парадные выезды на охоту, рыбную

ловлю, пикники с многочисленными немецкими и отечественными высокопоставленными друзьями, занимало массу времени и вызывало законный вопрос: кто же и когда работает? А работа шла. Напряженная, упорная. Вело ее так называемое среднее и низшее звено армейской иерархии, укомплектованное, как правило, самоотверженными, знающими свое дело офицерами и генералами. И вот у это го-то рабочего состава нередко возникал вопрос: к чему же эти излишества? Ведь они оплачивались деньгами народа. Как же скромно жили генералиссимус Суворов или фельдмаршал Кутузов, у которых всего-то обслуги было денщик, казак да корнет-порученец.

Главнокомандующий группой ГСВГ был всемогущ. Ему ничего не стоило уволить начальника рации капитана, участника Великой Отечественной войны, прослужившего девятнадцать лет в Советской Армии, только за то, что его передающая установка недостаточно четко транслировала на учениях последние известия. Маршал знал, что увольняемый, уже пожилой человек, пенсии не получит. Она назначалась только после двадцати лет службы.

Однажды штаб группы войск — от его начальника генерал-полковника Сидельникова до дежурного — был в смятении. Все пытались установить, кто автор изречения: «Блажен муж, да не идет на совет нечестивых». Оказывается, маршал Гречко, опоздав на Военный совет, в шутку произнес эту библейскую истину и спросил:

— Знают ли почтенные члены совета, откуда она?

И дал задание выяснить это.

Понятно, что никто из присутствовавших закона Бо-жия не изучал и не мог знать таких тонкостей. Однако ответить маршалу было лестно. И вот началось своеобразное соревнование штабных начальников, кто быстрее найдет источник. Хотели даже послать срочный запрос в главную библиотеку нашего государства — Ленинскую. К счастью, исчерпывающую консультацию по столь важной проблеме удалось получить на месте у настоятеля православной церкви в Лейпциге. Он с большим удовольствием дал нужную справку. Цитата, оказывается, была из Псалтыря. Задание маршала было выполнено. Военный совет обогатился новыми, укрепляющими боеготовность войск познаниями.

А к слову сказать, за два с лишнем года наболевшие вопросы разведслужбы штаба группы на Военном совете в полном объеме не ставились. Не хватало времени.

В период пребывания Л.И.Брежнева в ГСВГ в 1957 году его друг полковник Бандура согласился организовать с ним встречу для доклада о необходимости создать специальную службу, от

которой в значительной степени зависела эффективность разведки и боевая готовность группы войск. К этой встрече все командиры и начальники наших разведподразделений готовились несколько дней. Была составлена памятная записка, в которой излагались насущные потребности оперативной разведки. В частности, доказывалась необходимость содержания разведывательных частей уже в мирных условиях по штатам военного времени, обеспечения новой техникой, координации работы с соответствующими службами наших союзников по Варшавскому договору и ряд других.

Беседа с секретарем Центрального комитета партии, ведавшим в ту пору военными вопросами, была для нас крупным событием, и мы ждали от нее весьма многого. Однако ожидания, к сожалению, не оправдались. Предупредив, что он может уделить нам не более 10 минут, Брежнев спросил, имеется ли по кратко доложенным мною вопросам что-либо в письменным виде? Получив утвердительный ответ, он приказал передать наш материал порученцу. После чего заявил Бандуре:

— Николай Иванович! Пошли завтракать.

Аудиенция закончилась. Какого-либо решения по поднятым нами вопросам или по крайней мере ответа на них мы не получили. Очевидно, руководство в то время было занято более важными делами, и наши заботы и проблемы сочли в Москве слишком мелкими.

Своеобразные отношения складывались в тот период между руководством ГДР и командованием ГСВГ. Наша сторона добровольно приняла на себя роль Пигмалиона, не только создав себе творение по образу и подобию своему, но и влюбившись в него до обожествления. Вообразив, что восточные немцы, перевоспитавшись под влиянием наших войск и твердо став на путь строительства социализма, превратились в искренних друзей Советского Союза, мы отменили все репарационные платежи, приняли на себя все оккупационные расходы, начали платить немцам за все, кроме воздуха. Из своих более чем скромных ресурсов, в ущерб собственному народу в ГДР пошли составы с хлебом, маслом, мясом. Выполнялось пожелание Вальтера Ульбрихта превратить первое в мире немецкое рабоче-крестьянское государство в страну изобилия и благосостояния с тем, чтобы оно стало притягательной силой для западных немцев.

Помпезные приемы руководителей Восточной Германии, ранее пребывавших у нас в СССР в качестве эмигрантов, — Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Германа Матерна, Карла Марона и других деятелей компартии Германии,

принадлежавших к старой, еще тельмановской гвардии, удивляли их и при всем нашем желании не давали должного эффекта. Однако гипертрофированное чувство собственной значимости, то, что мы у себя называли культом личности, некоторые из них, наиболее подверженные этой болезни, с нашей помощью не преминули приобрести. Затем у кое-кого из новых государственных мужей вновь начало возрождаться чувство национального превосходства, близкое к немецкому шовинизму.

В стремлении создать авторитет властям ГДР мы иногда доходили до абсурда. В 1958 году начальник одного из управлений штаба ГСВГ генерал-майор Чеченцев А.Е. был заменен ранее служившим здесь генерал-майором Романовским А.В. На приеме в советском посольстве первый секретарь ЦК СЕПГ В.Ульбрихт заметил Романовского в толпе генералов и офицеров и с громким восклицанием: «Саша, а ты сюда какими судьбами?» — бросился к нему и начал обнимать. После чего значительную часть времени провел с ним на приеме в воспоминаниях о совместной службе на 1-м Белорусском фронте, где Ульбрихт одно время работал переводчиком в 7-м отделе Политуправления по разложению войск противника и жил длительное время в одной землянке с этим Сашей, бывшим в ту пору уже полковником.

Такая фамильярность какого-то неизвестного генерал-майора с первым секретарем вызвала возмущение присутствовавших на приеме командующего и начальника штаба группы войск. По прибытии в Вюнсдорф Романовский получил строгое внушение по поводу своей «бестактной навязчивости» В.Ульбрихту, фактически выразившейся лишь в том, что он ответил на его простые человеческие чувства. Что это было? Зависть, недомыслие или и то и другое? А ведь при иной оценке этой связи ее можно было использовать в нужном для нас направлении.

По службе мне приходилось неоднократно встречаться с министром внутренних дел ГДР Мароном. Этот симпатичный человек, старый коммунист, в прошлом простой рабочий, охотно принимал меня и немало помогал нам. Когда о своих контактах с ним я доложил начальнику штаба группы Сидельникову, тот пришел в ужас и категорически запретил встречаться с Мароном.

Отношения с немецкими официальными лицами должны были строиться по нашей схеме только на уровне равного с равным, не нарушая установленной у нас иерархии.

Эту далекую от ленинских норм практику контактов только с нашей помощью легко усваивали некоторые немецкие руководители, выдвинутые на высокие посты волею случая или благодаря личным связям с кем-либо из власть имущих. Такие

деятели быстро осваивали роль чиновников, оторвавшихся от народа. У них в приемных зачастую должны были сидеть в ожидании аудиенции уже и советские должностные лица.

Некоторые из руководящих работников ГДР договаривались до того, что прозрачно намекали о целесообразности вывода советских войск из Германии, утверждая, что они мешают строительству социализма, завоевания которого немцы в силах защитить сами. При этом забывалась опасность поглощения республики более мощным немецким государством, к которому втайне тяготели многие жители восточных германских земель. Оперативно проведя, не без нашего участия, ряд социальных преобразований, присущих действительно социалистическому государству, немцы на востоке забыли, или сделали вид, что забыли, об ответственности за недавно прошедшую мировую катастрофу, происшедшую и по их вине. Они стали «равными среди равных» в социалистическом лагере и небезуспешно принялись требовать от жертв бывшей немецкой агрессии экономической помощи, которая дала бы им возможность успешно представлять социализм на мировой арене.

В результате жизненный уровень жителей ГДР скоро стал значительно выше, чем в других социалистических странах, включая и СССР. В соревновании «кто больше даст немцам», проводимом двумя лагерями — капиталистическим и социалистическим, выиграли в конечном счете граждане двух немецких государств. При этом как в ФРГ, так и в ГДР, можно сказать, не ощущалось чувства признательности к своим «благодетелям» за то, что чудовищные злодеяния, совершенные гитлеровцами в прошедшей войне, были быстро забыты.

Мои суждения об обстановке в Германской Демократической Республике во второй половине пятидесятых годов вовсе не свидетельствуют о том, что политология была тогда моим главным занятием. Я — разведчик и, естественно, обязан был заниматься организацией разведывательных операций, чтобы собрать как можно больше точной секретной информации о планах и конкретных действиях военного командования США, Великобритании, Франции и других стран Североатлантического блока, а также НАТО в ФРГ. Плюс к этому не выпускать ни на секунду строительство и практическую деятельность западногерманской армии — «демократического» бундесвера. Сколько в нем было демократии, читателю самому не трудно сделать вывод, если он примет во внимание один-единственный неоспоримый факт: вооруженные силы боннской республики, создаваемые в первую очередь с материальной и моральной

помощью Вашингтона, возглавляли целиком и полностью бывшие гитлеровские генералы и старшие офицеры.

Возможности ведения разведки войск наших бывших союзников в Германии практически были теми же, что и в Австрии. Они, эти возможности, несколько расширялись благодаря наличию в западных зонах оккупации советских военных миссий и небывалой односторонней миграцией немцев из ГДР в ФРГ.

В то время ежемесячно на Запад выезжали до трех десятков тысяч человек. Это облегчало деятельность наших связников и агентов-маршрутников, убывавших и возвращавшихся обратно через Западный Берлин.

Разведуправление штаба группы войск на новой основе использовало уже проверенные в Австрии методы и формы работы. Так, была организована на коммерческой основе переброска из ФРГ в Западный Берлин бумажных отходов из американских штабов. Этот канал работал фактически до вывода наших войск из Германии и давал весьма ценные материалы.

Наши военные миссии в западных зонах открывали не только широкие возможности для визуального наблюдения. Через них устанавливались контакты с интересующими нас людьми непосредственно в Федеративной республике.

Случались и незапланированные операции. Однажды дождливой ночью в квартиру начальника одной из наших миссий позвонил неизвестный, который оказался сержантом, служившим в штабе американского подразделения. Он был, как у нас принято называть, начальником секретной части и имел намерение продать за подходящую цену содержимое своего портфеля с документами, среди которых оказался план нанесения ядерных ударов в случае начала военных действий против СССР и его союзников.

Мы установили с доброхотом надежную конспиративную связь. Долгое время, до отъезда на родину, он снабжал нас важными секретными и сверхсекретными материалами высоких военных инстанций США. А ведь вначале его визит был принят за провокацию, и если бы не решительность начальника миссии, который был потрясен важностью предлагаемых документов, мы могли потерять архиценного источника. Данные были направлены из ГСВГ нарочным в Генштаб, где получили весьма высокую оценку.

Хочу подчеркнуть, что некоторые наши агенты занимали важные посты в оккупационных войсках западных держав и в государственных учреждениях ФРГ. Припоминаю несколько комичный случай, когда во время встречи нашего офицера с

депутатом бундестага западногерманского парламента на конспиративную квартиру зашел начальник разведуправления генерал-майор… Впрочем, называть его настоящую фамилию нет надобности, обозначу его просто литерой Н. Так вот, генерал Н. решил почему-то распечь нашего помощника. Не поздоровавшись, он грубо потребовал повышения качества работы, угрожая, что иначе будут неприятности. После чего, не попрощавшись, ушел. Желая как-то сгладить плохое впечатление, офицер сказал, что начальник сильно болен.

— Эта болезнь мне известна, — иронически заметил депутат. — Но я хорошо знаю русский язык и переводить указания шефа мне не нужно.

Пока я служил в Германии, этот агент активно и безвозмездно работал на нашу военную разведку, поставляя ценную информацию. Дальнейшая судьба его мне, к сожалению, неизвестна.

Я мог бы рассказать много других, более важных и интересных эпизодах деятельности разведуправления ГСВГ. Но не истек положенный по закону пятидесятилетний срок, после которого разрешается раскрывать государственные и военные секреты. А нарушать закон не дано никому. Кроме того, учитывая, что ныне в объединенной Германии преследуют лиц, сотрудничавших со спецслужбами СССР и ГДР, я не считаю возможным более подробно писать о немецком периоде своей работы.

Если не ошибаюсь, в 1957 году начальник оперативной разведки ГРУ генерал-лейтенант Кочетков М.А. решил оказать конкретную помощь разведслужбе штаба Группы советских войск в Германии. В результате был составлен план использования находившихся на консервации агентов внутрилагерной осведомительной сети из числа бывших военнопленных, которых освободили из советских лагерей и отправили на жительство в Западную Германию. Очень простой и логичный проект, реализация которого сулила существенное усиление наших агентурных позиций в ФРГ.

Архивы КГБ СССР с делами на этих агентов в ту пору располагались в здании Лефортовской тюрьмы. Руководство Комитета госбезопасности быстро откликнулось на просьбу генерала Кочеткова, после чего в архив направили группу офицеров военной разведки, которым поручили изучить дела и подобрать наиболее подходящие кандидатуры для восстановления связи.

В свое время лагерные осведомители вербовались для выявления военных преступников среди пленных, пресечения

попыток побега, сбора информации о настроениях солагерников и так далее. Поражало огромное число этих соглядатаев. Только оформленных личных дел в архиве хранилось свыше ста тысяч.

Среди агентов были генералы и рядовые, нацисты и бывшие социал-демократы и коммунисты, протестантские и католические священники, дворяне и рабочие, старики и семнадцатилетние юнцы, призванные по тотальной мобилизации.

В делах имелись их собственноручные обязательства добровольно сотрудничать с администрацией лагеря, автобиография с адресами родных и близких знакомых в Германии, анкета, подписка о неразглашении секретных сведений и факта сотрудничества с советскими учреждениями, и, правда, не во всех случаях, пароль для восстановления агентурной связи и фотография. В делах были также подшиты все рукописные донесения агентов, сведения, которые он сообщил о вермахте, и другие материалы, компрометирующие его перед германскими властями и закрепляющими его связь с советскими спецслужбами.

Характерно, что значительная часть таких добровольных информаторов выдавала себя за антифашистов, борцов движения Сопротивления, сторонников мира и даже членов компартии Германии. Как следовало из документов, осведомителям в качестве вознаграждения на конспиративных встречах выдавалось немного продуктов, сигарет или табака. Их посылали на более легкие работы, назначали старшими по баракам и так далее. Все это делалось, естественно, втайне от массы военнопленных. В противном случае «доверенным лицам» советской администрации не поздоровилось бы от своих земляков.

Хочу обратить внимание читателей и на следующее. Каких-либо волнений или других случаев массового проявления недовольства военнопленных, их побегов из лагерей фактически не отмечено. Частично это можно объяснить хорошо поставленной службой внутрилагерного осведомления, своевременно докладывавшей о настроениях и намерениях пленных германских военнослужащих и оперативно принятыми по этим сигналам мерами лагерной администрации. Но, пожалуй, главную роль сыграло все же гуманное обращение с военнопленными. Их, например, не изнуряли работой, им своевременно предоставляли медицинскую помощь. Они получали шестьсот граммов хлеба в день, тогда как норма для советских граждан, не занятых на производстве, составляла всего половину этого пайка.

Из многих тысяч дел мы отобрали около ста на тех бывших осведомителей, которые показались нам в свете задач,

поставленных перед военной разведкой, наиболее перспективными. Все они были офицерами с высоким положением в обществе и интересными связями в Западной Германии. Кроме того, эти кандидаты больше других скомпрометировали себя в глазах германских властей, дав развернутые показания против многих нацистских военных преступников, осужденных советскими судами на длительные сроки заключения.

Короче говоря, задуманная операция, назовем ее условно «Реанимация», вроде бы сулила успех. Но наши радужные расчеты, к сожалению, не оправдались.

Связники, посланные в ФРГ, чтобы восстановить контакты с законсервированными агентами, вернулись обратно ни с чем. Одни бывшие внутрилагерные осведомители без долгих разговоров пытались передать наших посланцев полиции. Другие категорически отказались работать с советской разведкой и в ответ на попытку принудить их к этому пригрозили немедленно донести на связников немецким властям. Третьи срочно сменили адрес или уехали заграницу. А один бывший осведомитель даже покончил жизнь самоубийством после посещения его нашим человеком.

Надо признать: акция «Реанимация» окончилась для нас полным провалом. И случилось это в первую очередь по нашему недомыслию. Дело старое, чего греха таить! Разведуправление упустило из виду, что в ФРГ обстановка вокруг военнопленных резко изменилась. В 1956 году боннский канцлер Конрад Аденауэр инициировал принятие парламентом широко разрекламированного закона. В соответствии с ним амнистировались все лица, совершившие преступления против германского государства в период пребывания в плену у противника. Почему? Да потому, как считали западногерманские власти, соотечественников, попавших в полон, советские административные и репрессивные структуры вынудили сделать эти преступные деяния. Агенты НКВД-НКГБ и советской военной разведки также автоматически освобождались от наказания.

В ходе акции мы еще раз убедились, насколько советские воины оказались сильнее духом своих противников. Среди наших пленных тоже, конечно, имелись и изменники, и лица, связавшие свою судьбу с гитлеровскими спецслужбами. Но ими были, как правило, убежденные враги существовавшего в Советском Союзе режима, готовые сотрудничать с кем угодно, лишь бы нанести ущерб коммунистической системе, не считаясь с тем, что их действия в первую очередь бьют по безопасности России и других входящих в СССР республик, а также по простым людям,

населяющим эти государства. Между тем для подавляющего большинства наших воинов, попавших в гитлеровский плен, характерными были, и это объективно зафиксировано во множестве немецких документов, тысячи случаев бегства из неволи, создание подпольных антифашистских групп Сопротивления в лагерях, взаимная поддержка и выручка, патриотизм и героизм.

Я могу честно засвидетельствовать, что ничего подобного не было у немецких пленных, содержавшихся у нас. И быть не могло, ибо в отличие от нас их не объединяла и не поддерживала в трудную минуту высокая идея.

Мне пришлось наблюдать, как проходило массовое возвращение на родину из Советского Союза пленных австрийцев, служивших в гитлеровской армии. Оно было проведено в короткий срок — конец 1953-го — начало 1954 года.

Пленные были отпущены по просьбе австрийского правительства в преддверии подписания с Веной государственного договора. Этот документ вступил в силу 27 июня 1955 года. Хочу напомнить, что он включил в себя обязательства СССР, США, Великобритании и Франции уважать независимость и территориальную целостность Австрии и австрийское правительство, не допускать деятельности фашистских организаций и обеспечить демократические свободы. Парламент дунайской республики тогда же принял конституционный закон о постоянном нейтралитете Австрии. Так вот, об этом важном документе австрийская сторона поспешила забыть и оказалась ныне в атлантических объятиях.

Однако вернемся к далеким дням середины пятидесятых. Десятки эшелонов с пленными прибывали в Вену и другие крупные города страны. Их встречали федеральный президент Теодор Кернер и члены правительства. Толпы австрийцев забрасывали приехавших цветами. В их честь воздвигались триумфальные арки. Многих вполне здоровых «жертв большевизма» укладывали на носилки и доставляли к автомобилям «скорой помощи» на руках. Проводились многолюдные митинги и собрания.

Я сожалею, но вынужден по правде сказать, что возвращение военнопленных вылилось в шумную и недостойную антисоветскую и антирусскую кампанию. Выпускались клеветнические кинофильмы, издавались десятки книг, публиковались сотни репортажей об «ужасах советского плена». Все вернувшиеся получили бесплатные путевки в санатории, их без очереди, как «героев борьбы с коммунизмом», устраивали на работу…

И невольно вспоминалось, как плохо принимали у нас своих воинов, имевших несчастье попасть в немецкий плен, с каким подозрением отнеслись к ним, как многих направляли в проверочные и фильтрационные пункты и другие учреждения, а затем немало ни в чем не повинных людей перегоняли в следующий круг ада — настоящие концлагеря на долгую отсидку. А ведь почти все военнопленные, прежде чем оказаться в фашистской неволе, уже внесли конкретный вклад, в ряде случаев значительный, щедро политый собственной кровью, в достижение нашей великой Победы.

По возвращении из ГСВГ осенью 1958 года я был назначен на должность начальника направления управления оперативной разведки ГРУ Генштаба ВС СССР. Здесь я мог полностью использовать свой опыт, полученный в годы войны и во время службы в разведструктурах армии, фронта, центрального аппарата, а затем в группах наших войск в Австрии и Германии.

Дело у меня спорилось, и я был доволен своим положением.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Не прошло и двух лет, как высшая воля в лице моих начальников вновь вмешалась в мою жизнь и круто изменила судьбу…

Под «крышей» посольства

В середине октября 1960 года меня вызвали в управление кадров и настоятельно рекомендовали поехать в зарубежную командировку. На выбор предложили две должности: советника по разведке при разведуправлении Генштаба вооруженных сил Чехословакии или военного, военно-морского и военно-воздушного атташе при посольстве СССР в Швеции.

Обе должности меня не устраивали. У меня были далеко не полные представления о современной войсковой разведке, ее силах и средствах. Я не знал чешского языка, не имел представления о структуре армии ЧССР. На изучение всех этих сложных вопросов фактически не отводилось ни одного дня, так как выезжать к новому месту службы нужно было через неделю.

Не лучше обстояло дело и со вторым предложением. Шведский язык, равно как и нравы и обычаи этого скандинавского народа, история и культура Швеции были мне неизвестны. Почти ничего не знал я и об армии этого государства. В моей голове, конечно, отложилось кое-что после прочтения пушкинской «Полтавы». А об основах дипломатической службы я мог судить по давным-давно прослушанным лекциям генерал-лейтенанта А.А.Игнатьева, царского военного атташе в Париже в 1914–1918 годах, автора широко известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю». Но этого, понятно, было мало для успешного решения военно-дипломатических, представительских и специальных задач в нейтральной стране, занимавшей далеко не последнее место в ряду развитых капиталистических государств.

Имелась еще одна причина, заставлявшая меня отказаться от почетной службы в Швеции. По понятным соображениям я не говорил о ней начальству. Дело в том, что это благополучное скандинавское государство считалось «гиблым местом» для советских разведчиков, и военных, и политических, из внешней разведки ведомства государственной безопасности. Слишком часто терпели там провалы наши разведывательные резидентуры.

Конечно, тут главную роль играли не козни «нечистой силы», а то обстоятельство, что шведское правительство еще до войны сумело создать сильную, хорошо слаженную службу контршпионажа, которая действовала весьма эффективно. И давно уже не составляло секрета, что она, эта служба, была нацелена главным образом на разведывательные структуры Кремля.

Конечно, мои возражения не приняли.

— Или то, или это, — настаивали мои начальники. — Не ты

первый, не ты последний. Не боги горшки обжигают. Освоишь, изучишь, привыкнешь.

Не сработал и мой главный козырь, на который, признаюсь, я очень рассчитывал. За десять лет моей службы в Австрии и Германии, где я вплотную соприкасался с противником, меня на Западе наверняка расшифровали. Ведь среди моих помощников были и двойные агенты.

— Ну, вот видишь, — легко расправились с моим коренным доводом мои мудрые шефы, — такой опыт поможет тебе работать в любой стране.

Я понял, что сопротивляться бесполезно. Для кого-то здесь, в Москве, была нужна должность, которую я занимал, и меня решили переместить «с сохранением на уровне».

Порочность принципа подбора и использования кадров с удержанием их на «уровне» я испытал на себе. Достигнув известного служебного положения (уровня), работники определенной номенклатуры считаются способными к замещению любой должности этого уровня. Директор радиозавода может быть передвинут на должность директора хлебопекарни, заведующего продмагом можно сделать директором прачечной, секретаря обкома КПСС — послом, хотя он и понятия не имеет о дипломатической службе. Просто от него по каким-то причинам иногда нужно избавиться с сохранением ему уровня служебного положения. С тем же успехом министр угольной промышленности мог быть переброшен на пост министра электростанций.

По этому принципу начальника направления ГРУ вполне можно направить советником посольства, военным атташе, начальником разведотдела штаба округа и так далее. Тот же уровень, та же номенклатура, хотя совершенно иные функциональные обязанности. И каждое такое перемещенное по уровню лицо вне зависимости от знаний и опыта вынуждено на своем посту «изобретать велосипед», удивляя подчиненных и начальников, или все передоверять своим знающим дело заместителям до изучения участка работы или нового перемещения «по уровню».

В связи с этим установилась, прямо скажу, вредная практика: даже мелкие текущие вопросы зачастую решались только на уровне равных чиновников. К сожалению, в некоторых ведомствах, в том числе нашем, возродилась отмененная в 1917 году петровская табель о рангах. И теперь начальник какого-либо главного управления министерства (по старинным меркам — статский или тайный советник) будет кровно обижен, если к нему прибудет из другого министерства для согласования простой референт (титулярный советник), а не равный ему вельможа.

Я тоже стал жертвой установленного «перемещения по уровню». Претензий по службе ко мне не было и меня решили «выдвинуть на зарубежную работу», что считалось знаком особого доверия. Отказываться от таких предложений было не принято.

Итак, я выбрал Швецию. Мне казалось, что учить умных чехов тому, о чем сам имеешь смутное представление, было бы по меньшей мере недобросовестно. В должности же военного атташе, несмотря на всю сложность задач, можно было постепенно, опираясь на помощников, войти в курс дел и за счет упорных дополнительных усилий освоить специфику этой работы.

Началась лихорадочная, кстати ничем не оправданная, спешка с отъездом. Мне не повезло. Управлением и направлением скандинавских стран в тот момент руководили люди, которые сами в этих странах никогда не были и знали свой участок лишь по донесениям и отчетам из резидентур. Получить от них что-либо конкретное, кроме общих советов, как говорится, не представлялось возможным.

Две недели, отведенные на подготовку, пролетели незаметно. Я бегло просмотрел кучу информационных и специальных материалов, нанес визиты военному атташе Швеции в Москве полковнику Хельму, в отдел внешних сношений Министерства обороны СССР, Главное политическое управление, побывал в отделе административных органов ЦК КПСС, где, как водится, получил детальное наставление, как жить и вести себя советскому гражданину в капиталистической заграницe. Пришлось посетить несколько собраний общества «СССР-Швеция», активным членом которого я немедленно сделался по долгу службы.

Тем временем уже состоялось решение Центрального комитета КПСС и был подписан приказ министра обороны о моем назначении, а через МИД СССР получен агреман (согласие) на мое назначение шведской стороны, оформлены на меня, жену и дочь дипломатические паспорта и финские транзитные визы. Все это в такой спешке, будто бы от моего срочного прибытия к шведам по меньшей мере зависела судьба войны и мира с этой страной.

Наконец, получив последнее напутствие от руководителя ГРУ (он же заместитель начальника Генштаба) генерала армии И.А.Серова, мы с женой и шестилетней дочерью 30 октября 1960 года через Хельсинки выехали в Стокгольм.

До Хельсинки через Ленинград шел прямой поезд. Непродолжительная остановка на пограничной станции,

таможенные и пограничные формальности, которые нас, как имевших дипломатические паспорта, почти не касались, и мы в Финляндии.

Через окно вагона и на станциях мы наблюдали знакомую по Австрии картину: лоскутные, но заботливо ухоженные поля, благоустроенные шоссейные дороги, одиночные хутора-фермы, издали похожие на игрушки, строгий порядок на станциях, спокойный неторопливый народ и никаких следов войны, а ведь она на протяжении двадцати лет дважды обожгла маленькую Финляндию.

В Хельсинки на вокзале нас встретил помощник военного атташе при нашем посольстве капитан 2-го ранга Положенцев, который сообщил, что рейсовый теплоход в Стокгольм отходит из Турку через день. Он предложил после небольшого отдыха осмотреть город, а затем съездить на территорию бывшей советской военной базы в Порккала-Удд и посетить кладбище наших воинов. Мы, разумеется, охотно воспользовались этим предложением.

В Порккала-Удд, переданной безвозмездно со всеми сооружениями финнам, мы посетили большое заброшенное кладбище советских воинов, павших в боях с фашизмом. Могилы с многими неизвестными героями охраняются в соответствии с договором финским сторожем, который даже при желании не в состоянии поддерживать захоронения в порядке. На все нужны деньги, а их для ухода за могилами никто не выделяет.

Бывший в ту пору военным атташе при посольстве СССР в Финляндии генерал-майор В.И.Лазарев с горечью говорил, что даже передачу большого числа крупных жилых массивов на Порккала-Удд, возведенных нашими военными строителями, финская реакция использовала в антисоветских целях, организовав их общественный просмотр с демонстрацией образцов «советского бескультурья и бесхозяйственности». Нужно признаться, что показать действительно было что. Некоторые объекты построены наспех, без канализации и водопровода.

То обстоятельство, что в скальном грунте нами были выстроены оборонные сооружения, а на болоте создан аэродром и все это подарено финским властям, от обывателя скрывали.

В ресторане гостиницы, где мы остановились, произошел комичный случай, свидетельствующий о плохом знании обстановки нашими коллегами в Центре. На проезд транзитом через Финляндию с семьей, состоящей из трех человек, я получил три тысячи финских марок. Перед отъездом начальники заверили меня, что на эту сумму в Финляндии можно безбедно прожить несколько дней. Каково же было наше удивление, когда за

сравнительно скромный обед нам предъявили счет в четыре тысячи марок. От конфуза спасла бумажка в 50 шведских крон, полученная в Москве на первые расходы по прибытию в Швецию. Эта банкнота была подобострастно принята официантом. Оказывается, в Финляндии шведская валюта предпочтительнее, чем отечественная.

На следующий день в местном поезде с маленьким паровозиком и вагонами, по меньшей мере ровесниками века, мы выехали в Турку. Непривычный порядок, спокойствие и тишина царили повсюду. Пассажиры степенно, вполголоса переговаривались между собою. Недаром говорят, что финны своих соотечественников, произносящих в день больше десяти слов, считают болтунами.

В Турку наш теплоход «Алатар» был уже у пристани. Пограничный и таможенный контроль проходили только мы, так как у скандинавов имеется соглашение о безвизовом и беспаспортном передвижении в северных странах (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия). Документом при поездках между этими государствами могут служить водительские права, удостоверение на право получения почтовой корреспонденции или какое-либо другое свидетельство, снабженное фотокарточкой владельца.

Наш «Алатар» вечером отдал концы в Турку, а утром мы уже прошли Альмагрундский маяк и вступили в полосу бесчисленного множества каменных островков — шхер, которые, подобно кочкам на болоте, в хаотическом беспорядке торчали из морской глади. Все было ново и интересно. Обмен приветствиями при встрече с другими судами, старые форты, прикрывавшие в прошлом фарватер, степенные, несколько чопорные пассажиры, среди которых было много финских студентов, следовавших на какую-то встречу со своими шведскими коллегами, отсутствие суматохи, такой привычной в наших местах при подходе поезда или теплохода к месту назначения. Здесь поездка из одной страны в другую, при наличии денег, являлась делом более простым, чем путешествие из Москвы в Ленинград или Тулу.

В Стокгольме на пассажирской пристани, к моему изумлению, нас встречала представительная делегация из сотрудников посольства во главе с послом СССР в Швеции Федором Тарасовичем Гусевым. Здесь были все мои коллеги из аппарата военного атташе, в том числе генерал-майор С.И.Ющенко, которого мне предстояло сменить, советники и секретари посольства с женами, три шведских офицера из Командной экспедиции Министерства обороны[16],

представлявших сухопутные войска, ВВС и ВМФ. У многих дам были цветы.

Понятно, что такой радушный прием на шведской земле относился не лично ко мне. Встречали представителя нашей армии. Тем не менее все это было неожиданно и несколько озадачило и растрогало нас.

В Центре об этом следовало бы знать и предупредить нас перед отъездом. Оказывается, опытный дипломат и хороший организатор посол Ф.Т.Гусев установил за правило торжественно встречать и тепло провожать каждого дипломатического сотрудника советского посольства. Его примеру последовал торгпред Б.И.Харченко, и такое правило вошло в традицию советской колонии в Швеции.

3 ноября после официального представления послу и знакомства с рядом сотрудников советской колонии в Стокгольме для меня начались бесчисленные визиты к шведским официальным лицам и коллегам.

Прежде военных атташе принимал король, но эту процедуру отменили, ограничив визитом к главнокомандующему по линии армейской и заведующему соответствующим отделом МИД по линии дипломатической. В первую очередь меня познакомили с двумя представителями социалистических союзников — военными атташе Польши полковником Виктором Вишневским и КНР подполковником Лю Чифу. Коллега из Чехословакии Георгий Хаек имел постоянную резиденцию в Западном Берлине и в Швеции бывал наездом.

Все военно-дипломатические представители иностранных государств в Стокгольме были организованы в ассоциацию, имевшую своего старшину — дуайена. Ему необходимо было нанести визит одному из первых. У меня эта необходимость отпадала, так как дуайеном в ту пору являлся Ющенко.

У шведского военного руководства встреча нового и прощание с отъезжавшим военным атташе проходила строго официально и без возлияний. Все же иностранные коллеги считали своим долгом выпить за успехи нового и старого советского атташе, а англичане даже устроили в нашу честь микроприем с шампанским и вручением какого-то сувенира Ющенко. При всех мерах предосторожности вынести в день больше 3–4 визитов было весьма трудно. Лица и имена мелькали, как в калейдоскопе, и на их «расстановку по своим местам» потребовалось определенное время.

Мне повезло. 6 ноября посол проводил большой прием по случаю очередной годовщины Октября, на котором мне удалось несколько закрепить в памяти своих новых знакомых и

повстречаться с еще незнакомыми лицами, в частности с министром обороны Швеции Свеном Андерсоном. Это был первый дипломатический прием, на котором пришлось выступать не в качестве гостя, а на правах хозяина, поскольку Федор Тарасович Гусев, чтобы помочь мне быстрее познакомиться с посетителями, обстановкой и порядками на такого рода светских раутах, поставил нас с женою рядом с собою и представлял шведским официальным лицам.

На приеме мне удалось с помощью своих офицеров в общих чертах закрепить беглое знакомство с довольно-таки многочисленной группой военных представителей капиталистических стран, многие из которых, по крайней мере внешне, не были похожи на гангстеров империализма, а казались этакими свойскими парнями, прибывавшими к своему приятелю повеселиться и выпить за его здоровье. Истинное лицо и характер каждого удалось узнать лишь значительно позже в процессе длительной работы и частых контактов с этими людьми.

После приема иностранцев в посольстве остались лишь члены советской колонии. Посол официально сообщил об отъезде С.И.Ющенко и представил меня с женой всем присутствующим.

Через несколько дней состоялся еще один прием по случаю отъезда на родину военного атташе и вступления в должность нового. Были приглашены все иностранные коллеги с женами, шведские офицеры и генералы из Министерства обороны и ряд чиновников из МИД и других важных ведомств. Меня удивило крайне незначительное количество шведов, принявших приглашение. Но мои умудренные опытом помощники были рады. Они сказали, что шведских офицеров пришло больше, чем они ожидали. Обычно гостей бывает всего лишь несколько человек по наряду Командной экспедиции.

С отъездом генерала Ющенко на родину мы перебрались из гостиницы в его старую квартиру на Линеегатан, 21, где много лет подряд жили советские военные атташе. Квартира была со всеми удобствами, из четырех больших комнат с домофоном и вспомогательными помещениями.

Стокгольмская дороговизна жилья коснулась прямым образом и нас. За апартаменты, которые в таком метраже нужны были преимущественно в представительских целях, в месяц приходилось платить 824 кроны, и хотя половину этой суммы дотировала наша казна, все же оставшиеся к оплате из личного кошелька 412 крон составляли значительную часть моего денежного содержания.

Не нужно думать, что деятельность военного атташе носит

лишь представительный характер. Нет, не одними развлечениями и светской болтовней занят военный дипломат. Я скоро убедился, что труд этот нелегок и требует большой нервной нагрузки, постоянного умственного напряжения, быстрой реакции и оценки происходящих событий, гибкости, даже более того, ловкости, острого внимания, хладнокровия и бдительности.

Так в чем же состоит текущая работа военного атташе?

Задачи, поставленные перед аппаратом военного представительства в Стокгольме, далеко выходили за рамки страны пребывания и включали широкий диапазон вопросов научно-технической, военно-политической, военной и экономической информации, главным образом по странам НАТО и в первую очередь США, с которыми Швеция была тесно связана, несмотря на свои нейтралитет.

Не останавливаясь на методах решения многочисленных плановых и внеплановых заданий, ставившихся перед нами в то время Центром, можно с уверенностью сказать, что небольшим, но достаточно квалифицированным коллективом мы делали все, что было в наших силах, для наиболее полного использования всех возможностей, вытекающих из нашего официального пребывания в стране.

Помимо работы с людьми, имевшими доступ к нужным нам сведениям, значительное внимание уделялось изучению прессы, причем не только местной, но и западной полузакрытого типа, которую не продавали советским гражданам, но присылали шведским частным подписчикам и владельцам книжных магазинов, у которых за соответствующую мзду можно было их брать в постоянное или временное пользование.

При хороших отношениях с военными атташе других стран имелась возможность через них на доверительной основе получать для ознакомления различные закрытые материалы НАТО, рассылаемые Европейским командованием для офицеров этих государств. Так, к примеру, один из информбюллетеней нам периодически передавал «для личной ориентировки» один из западных коллег. Это было открытое издание внутреннего пользования, но по характеру помещаемых в нем сведений у нас на подобных материалах, безусловно, стоял бы гриф «секретно». По шведским вооруженным силам неплохие данные проскальзывали в провинциальных газетах и журналах. Не случайно подписка на горе была ограничена. Всю эту массу чтива нужно было сопоставить, проанализировать, что представляло интерес — перевести, накапливая проскальзывающие в кучах словесной шелухи крупицы интересных сведений.

Много времени отнимали всевозможные приемы: коктейли,

ленчи, обеды у шведских официальных лиц и аккредитованных в Стокгольме посольствах, пропускать которые было нежелательно: они представляли прекрасную возможность для встреч с интересующими нас людьми и получения в процессе заранее намеченной беседы с ними соответствующей информации. Об объеме этой на первый взгляд необременительной работы можно судить хотя бы потому, что в зимнее время количество таких мероприятий достигало два, а то и три десятка в месяц. Обычно они, за исключением ленчей, проводились после работы с 18 до 21 часа. Но к ним, при желании получить полезную отдачу, нужно было серьезно готовиться, вплоть до изучения соответствующей лексики, продумывания вопросов и так далее. При посещении таких раутов с определенной оперативной целью наши офицеры всегда испытывали большую нервную нагрузку.

Ленчи, ужины, обеды требовали составления специального календаря, чтобы, упаси Бог, не забыть, кто, когда и с кем должен быть принят и на каком уровне: официальном с флагами, товарищеском с обильной выпивкой, с подарками или без оных. Требовалась представительская точность. Если на коктейль можно было прийти когда угодно, то на обед или ленч требовалось прибыть ровно в указанное время — не раньше и не позже. Отклонения допускались лишь в 5–7 минут.

Значительную часть рабочего времени занимало составление различных отчетных и информационных материалов, ответы на срочные телеграфные запросы, зачастую по проблемам, уже ранее освещавшимся в соответствующих донесениях. Так было, например, с вопросами относительно гражданской обороны Швеции, подробно освещенными нами в 1961 году по материалам учений в Стокгольме и повторно запрошенными у нас же в 1962 году. Сложность в повторных ответах состояла в том, что архивов мы не имели, большинство сведений приходилось сохранять в памяти, а она иногда могла и подвести.

Приходилось отвечать по ряду вопросов и шведским официальным лицам и отдельным гражданам, интересующимся военной историей России и СССР, развитием космической техники, советскими военачальниками, военной литературой. Учитывая высокий уровень военной и смежной с нею гражданской техники в Швеции, приходилось внимательно изучать международные технические выставки, организуемые весьма часто в Стокгольме. Эта работа иногда проводилась совместно с инженерами торгпредства, так как наших знаний в ряде случаев явно не хватало.

Отводилось время и на приемы визитов убывающих и прибывающих зарубежных коллег. Запомнилось своеобразное

представление вновь прибывшего военного атташе ОАР бригадного генерала Гамаль Сейф Насера в начале 1963 года.

В наше посольство вошел молодой, лет тридцати, генерал, который с серьезной миной на хорошем русском языке доложил:

— Товарищ генерал! Военный атташе ОАР Гамаль Сейф Насер прибыл в ваше распоряжение.

Понимая шутку, я заметил, что рад встретить в Стокгольме земляка, да еще из ОАР. Оказалось, этот араб почти два года учился в нашей Военно-воздушной академии в Монино. На мой вопрос, не является ли он родственником президенту, Насер отвечал:

— Почти нет, очень дальним.

Про себя я оценил его скромность, но мне стало понятно, почему он сумел проявить свои воинские таланты, прожив всего десятка три лет. Полагая, что о таком человеке в Центре должны быть подробные данные, я запросил на Насера характеристику за время его обучения в СССР. Каково же было наше удивление, когда через месяц мы получили лаконичное сообщение: «Насер нам неизвестен».

Как плохо знаем мы наших друзей. Может быть, поэтому они часто становятся нашими врагами?

Все проезжающие через Швецию военнослужащие армий социалистических стран считали обычно своим долгом нанести визит советскому военному атташе, и по заведенному у нас неписаному правилу их нужно было встречать хотя и скромно, но с возлиянием.

В порядке изучения страны и ее инфраструктуры всему оперативному составу аппарата военного атташе приходилось много путешествовать, совершая иногда многодневное экскурсии. Понятно, что местная контрразведка отлично знала, чем вызывалась такая «охота к перемене мест», но тем не менее каждый выезд нужно было как-то легендировать: посещение архитектурных памятников в Гетеборге и Мальмё, ознакомление со старейшим в Европе Упсальским университетом, присутствие на зимних спортивных соревнованиях в Кируне, изучение выставки «Все для моря» в Гельсингборге и так далее, и тому подобное. К каждому вояжу приходилось тщательно готовиться и составлять подробный план заездов по маршруту с тем, чтобы не открывать давно известное и не пропустить новое. При этом нужно было всегда иметь в виду, что шведская служба контршпионажа безотрывно следила за всеми нашими перемещениями.

Шведы разрешали свободное передвижение во многих районах, за исключением запретных, лежащих в основном на

севере и северо-востоке страны, где у них имелись укрепленные зоны.

Существует анекдот, будто бы Бисмарк смеялся два раза в жизни: когда умерла его теща и при докладе о шведской крепости не то Крипсхольм, не то Шипсхольм. Шведы, очевидно, не хотят, чтобы над их другими укреплениями смеялся еще кто-либо, и не пускают на север иностранцев вообще и нас в особенности.

В многочисленных поездках, кроме состояния инфраструктуры, удалось заметить ряд любопытных обстоятельств, о которых считаю нужным рассказать читателям.

Бросается в глаза, что у шведов сильно развито чувство собственного достоинства, что у них отсутствует низкопоклонство перед заграничным и что они стремятся видеть во всем шведском образец совершенства, будь то внешняя политика или уровень жизни, государственное устройство или техника.

Жители этой страны, можно сказать, поголовно считают: шведское все должно быть самым лучшим. Надо сказать, что гостеприимство шведа не граничит с самопожертвованием. В любом виде обслуживания он попытается сохранить принцип наибольшего благоприятствования для своего гражданина. Ну скажем, при пользовании гостиницами или ресторанами. Во время официальных церемоний опоздавший иностранец, даже если он дипломат, будет довольствоваться тем местом, которое останется не занятым шведами.

И еще в поездках по стране я и мои сотрудники убедились, что этот маленький народ, на который никто не собирается нападать, во всем упорно готовится к обороне. Свидетельством того являются полевые аэродромы для реактивной авиации. Распаханные под пшеницу, они в любой момент могут покрыться стальными сборными полосами для взлета и посадки. Широкая сеть радиорелейных линий, значительно превосходящих потребности мирного времени, подземные склады, убежища, командные пункты — все это предусмотрено на случай войны для развертывания армии, защиты населения и сохранения материальных ценностей.

Рейсовые и городские автобусы и троллейбусы имеют крепко задраенные задние двери на случаи возможного переоборудования этих транспортных средств в санитарные. У транспортных самолетов посадочные люки открываются внутрь салона, что обеспечивает возможность десантирования из них парашютистов без каких-либо дополнительных работ по их переоборудованию.

Разносторонняя подготовка военных специалистов в массовой

добровольной военизированной организации — хемверне, разветвленная система гражданской обороны значительно дополняют численно небольшую кадровую армию и с учетом ее современного авиационного, бронетанкового и артиллерийского вооружения дают основание оценивать Швецию, как страну с высокой боевой готовностью.

В процессе текущей работы по изучению страны, ее армии и вероятных противников по НАТО приходилось зачастую сталкиваться с непредвиденными неприятностями и хлопотами. Так, в июле 1962 года рано утром меня пригласил в штаб обороны начальник Командной экспедиции контр-адмирал Хеннинг и сообщил, что ночью без предупреждения к берегам острова Готланд подошел вспомогательный корабль советских ВМС водоизмещением свыше 300 тонн. Командир корабля лейтенант Плешкис попросил у шведских властей политическое убежище. Команда корабля не сходит на берег и не покидает территориальные воды, отказываясь вместе с тем допустить на борт представителей шведских властей.

Хеннинг потребовал срочного вывода корабля-нарушителя в нейтральные воды и наказания виновных, в противном случае он грозил приказать находившемуся неподалеку эсминцу шведских ВМС силой отбуксировать наш корабль в открытое море. Только после моих настоятельных разъяснений, что в данном случае, очевидно, имеет место не преднамеренное нарушение границы Швеции, а бедствие, поскольку после дезертирства лейтенанта команда осталась без навигационных средств, шведские военные власти, очевидно, по решению министра обороны Андерсона, выделили в мое распоряжение самолет для полета к месту происшествия и офицера связи с местными органами. Для принятия на месте должных мер мною был командирован на Готланд капитан 3-го ранга Коновалов Л.Н. Он имел опыт вождения малых кораблей и должен был перегнать «интуриста» на нашу ближайшую базу в Лиепайе.

Ответ на наше срочное донесение об этом чрезвычайном происшествии в штаб ВМФ СССР был получен лишь на вторые сутки. Коновалову было разрешено довести корабль до ближайшего советского порта. Для встречи его в море был выслан эсминец. Несложная процедура перегона самоходной баржи оказалась далеко не простой. Изменник-командир испортил компас и уничтожил навигационные карты, так что без шведской помощи выйти из района шхер Коновалов не смог бы. В открытое море его вывело шведское вспомогательное судно, после чего без происшествий в установленном пункте состоялось рандеву с

эсминцем.

Негодяю Плешкису шведы предоставили политическое убежище. Он оказался литовским националистом, ярым врагом Советского Союза. Все попытки нашего посольства убедить дезертира вернуться на родину ни к чему не привели.

Примечательно, что хотя все члены команды угнанного корабля были в свое время разжалованы командованием за различные мелкие проступки, они оказались настоящими патриотами, с гневом осуждавшими подлый шаг своего командира и отвергнувшими попытки собравшихся к месту происшествия подонков из НТС[17] совратить их к измене родине. Они организовали вооруженную охрану корабля, но отплыть от Готланда не могли, поскольку никто из них не имел опыта вождения судов. Матросы даже не знали, что в каждой стране имеются советские представители, и капитану 3-го ранга Коновалову стоило большого труда уговорить их пустить его на борт. Команда не имела с собою запасов продовольствия, и прежде чем приступить к подготовке к отплытию, вновь испеченному «флотоводцу» пришлось за свой счет запастись хлебом и колбасой на 11 человек.

Особо неприятным в этой истории было, пожалуй, то, что тихоходная баржа 24 часа шла к Готланду и ее не задержала наша пограничная служба. Потребовалось около двух суток после нашего донесения, чтобы установить исчезновение из порта одиннадцати военнослужащих вместе с этой посудиной. Не на высоте оказались и шведы, не обнаружившие неизвестное судно у своего острова.

Обо всем этом была написана подробная докладная в штаб ВМФ с просьбой поощрить Л.Н.Коновалова и всех матросов, а также строго наказать виновных в таком позорном для флота случае. Коновалову было досрочно присвоено очередное воинское звание капитана 2-го ранга. Матросам вернули прежние воинские звания.

А виновных не нашли, хотя многие должностные лица продемонстрировали плохое знание людей, беспечность, формализм, пренебрежение элементарными уставными положениями. Короче говоря, мою докладную в верхах не поддержали. Ее автор снискал лишь репутацию критикана.

Измена командира баржи явилась поводом для новой длительной антисоветской шумихи в Швеции. Множество фотоснимков этой посудины с грязными бортами, без флага, с командой, одетой в брезентовые робы, не сходили со страниц газет. Умалчивалось о том, что это хозяйственное судно, приспособленное фактически для вывоза в море нечистот.

Плешкис выставлялся этаким героем, борцом за свободу, бежавшим из-за «железного занавеса». Коллеги донимали нас ехидными шуточками. Коновалова называли «героем Балтики», меня «морским волком»…

Непредвиденные обстоятельства возникали при некоторых заявлениях бывшего председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева, касающихся в той или иной мере Швеции или ее соседей. Взрыв советской водородной бомбы на севере, нота правительству с предупреждением о возможных санкциях в случае изменения ею политического курса в отношении СССР, воинственные жесты во время Карибского кризиса вызывали антисоветскую кампанию не только в прессе, но и враждебные демонстрации, пикетирование советского посольства, поток писем с протестами, депутации от общественности и так далее. Следует заметить, что для подтверждения реноме своей страны, как нейтральной державы, шведы почти так же бурно протестовали против испытаний ядерных зарядов в США, военных действий во Вьетнаме, событий в Конго.

Непоследовательные и путаные заявления кремлевского лидера, его решения, непонятные даже советским гражданам, вроде разделения партийных и административно-хозяйственных учреждений на промышленные и сельские, зачастую ставили нас, зарубежных работников, призванных разъяснять и пропагандировать эти решения, в крайне затруднительное положение своей очевидной абсурдностью. Шведы, привыкшие предпосылать каждому серьезному решению предварительную тщательную проработку его в микромасштабах, удивлялись нашим волевым мероприятиям, высказывали свои сомнения в их целесообразности. И нам приходилось по долгу службы, рассудку вопреки, защищать точку зрения своего правительства и родной партии без уверенности, что она не будет через несколько дней опровергнута нашими же официальными органами, как это было с заявлением советского представителя в ООН В.Зорина перед Карибским кризисом.

Судя по некоторым конкретным примерам (я их сейчас приведу), в Центре тогда (а наверняка и сейчас) зачастую не было ясности в ряде важных вопросов внутренней и внешней политики. Правая рука не знала, что делала левая. Все это мы болезненно ощущали в нашей зарубежной периферии. Прочитайте и сделайте выводы сами.

В 1961 году после заявления Н.С.Хрущева о том, что СССР заключит односторонний мирный договор с ГДР и, таким образом, решит берлинскую проблему, всем зарубежным органам,

в том числе и нам, было дано задание выяснить любыми путями позицию западных держав по поводу этого заявления.

Несерьезность и вредность демарша Хрущева были очевидны, но приказ есть приказ. Мы начали выяснять. Я пригласил на морскую прогулку в шхеры турецкого военного атташе. Это был офицер, с которым можно было поговорить более или менее откровенно по интересующему нас вопросу. Турок, будучи мусульманином, имел чисто православные привычки: любил крепко выпить, хорошо закусить, приятно погулять с европейскими девицами.

На мой вопрос коллега здраво ответил:

— Напрасно вы дразните гусей, договор по Берлину с ГДР без ФРГ и западных держав для СССР ничего не даст, так как его никто из этих стран не признает. Повод же для враждебной пропаганды вы дали, равно как и основание для увеличения численности англо-франко-американского гарнизона в Берлине. Кроме того, весь контингент войск НАТО в ФРГ приведен в состояние боевой готовности. Атлантисты намерены любой ценой охранять свои коммуникации с Западным Берлином. И еще одно: в то время, когда у вас идет малая война с Китаем, вряд ли имеет смысл развязывать конфликт на западе.

И он сообщил, что, по его данным, усиленно идет концентрация китайских войск на советской границе, мобилизация китайцами лиц русской национальности в разведывательно-диверсионные школы. Все это, к слову сказать, стало нам известно лишь значительно позже.

Попытки убедить коллегу в том, что. у нас с Китаем дружба навеки, понятно, ни к чему не привели как кроме к демонстрации моего полного невежества в вопросах китайско-советских отношений, поскольку я был, действительно, глубоко убежден в прочности этой дружбы. Ведь других сведений у меня не было. Лишь значительно позже нам стало понятно, почему начиная с 1961 года китайские представители в Стокгольме, в том числе и военный атташе Лю Чифу, стали избегать общения с советскими коллегами.

Немедленно по возвращении с прогулки я донес о беседе в Центр и получил с завидной оперативностью разнос: «Недостойно для вас и непозволительно впредь передавать в Центр антисоветские инсинуации. Дружба с нашим великим соседом нерушима».

Что это было? Недомыслие, умышленный обман или и то и другое, вместе взятое? А может быть, боязнь правды…

По заданию центра весьма сложными путями нами были куплены два клистрона[18] стоимостью по тысяче долларов

каждый. В последний момент наши кураторы прислали указание один клистрон за ненадобностью вернуть поставщику. Сделать это было уже нельзя, поскольку прибор числился в списке запрещенного к продаже в социалистические страны оборудования.

Все наши доводы Центром не принимались во внимание. Расходы на покупку второго клистрона не утверждались. Попытки продать его чехам, полякам, даже китайцу, которого мы все еще по директиве числили нашим другом, ни к чему не привели. Стоимость проклятого прибора равнялась почти моим двум окладам, и возместить ее из своей зарплаты без поступления по совместительству в батраки к какому-либо помещику не представлялось возможным.

Уже не рассчитывая на успех, я обратился к нашему торгпреду Б.И.Харченко с вопросом, не нужна ли такая штука его ведомству. Тот запросил Министерство внешней торговли и получил ответ: «Немедля нарочным выслать клистрон в Москву. Принять срочные меры к добыче еще пяти экземпляров, крайне необходимых нашим научно-исследовательским институтам».

Комментарии, полагаю, излишни…

В 1962 году для Братского промышленного комплекса у шведов был заказан целлюлозный комбинат. По каким-то причинам фирмачи запаздывали с поставкой оборудования и попросили отсрочки на два месяца, гарантируя за эту уступку ряд выгодных условий. Министерство внешней торговли удовлетворить просьбу фирмы отказалось. Шведы, мобилизовав все возможности, заказ выполнили в срок и отправили по назначению.

Через год, зимой, один из инженеров нашего торгпредства в Стокгольме, посетив во время отпуска Братский комплекс, решил полюбоваться и на «свой» комбинат. С болью в сердце он обнаружил, что импортное оборудование, из-за срочной поставки которого шведами мы потеряли немалую сумму в валюте, валяется в беспорядке под снегом. Торгпред по докладной написал жалобу в Москву и прослыл… «склочником»…

В 1962 году министр обороны Швеции Свен Андерсон предложил провести с нами традиционный, повторяющийся обычно через четыре года, обмен визитами военных кораблей. Я доложил об этом послу и сообщил в Центр. Через неделю из Москвы был получен ответ: «Дайте понять шведам, что вести переговоры о визитах кораблей они должны по линии МИД».

Фактически такой ответ означал не только наш отказ, но и «давал понять», что военный атташе вообще не нужная инстанция, которая имеет совсем другие, не представительские задачи.

Перед тем как направиться в Командную экспедицию, для того чтобы сообщить мудрое указание руководства, я зашел к послу Гусеву. Каково же было мое удивление, когда Федор Тарасович показал мне телеграмму со Смоленской площади, где говорилось, что вопрос о визитах кораблей решен. Указывались место, состав отряда, сроки, материальное обеспечение и давались указания военному атташе сообщить программу пребывания.

Два ведомства, находящихся почти рядом, давали исключающие друг друга указания по одному и тому же вопросу. А ведь я, получив приказание от своего руководства, вовсе не был обязан сообщать его послу.

Хорошо бы мы выглядели перед шведами, когда после отказа через несколько дней пришлось бы вновь поднимать этот вопрос с диаметрально противоположным решением…

Посольство и особенно агентство «Совинформбюро» (было у нас до 1961 года такое информационно-пропагандистское учреждение) лихорадили и выводили из сметных рамок многословные и противоречивые выступления Н.С.Хрущева. Они передавались по телетайпу, загружая его до предела. Срочный перевод на шведский язык требовал больших валютных расходов, а шведские газеты отказывались их печатать.

Для выполнения указаний инстанции о публикации речей в местной прессе приходилось «арендовать» в газете «Дагенс нюхетер» 2–3 дополнительных разворота в качестве специального приложения, что обходилось до 50 тысяч крон. Досаднее всего было то, что пропагандистский эффект этим не достигался, так как обычно за два-три дня до полной публикации речи советского премьера в той же газете давался краткий, выдержанный в антисоветском духе репортаж о ней. Он вполне устраивал шведов, не привыкших читать длинные статьи. Многочисленные просьбы, высказываемые устно и письменно различным «ревизорам», прибывавшим периодически в посольство, присылать для местных газет краткую аннотированную запись речей, которую можно было бы передать шведской прессе ранее западных агентств, и в этом случае она читалась бы рядовыми шведами, не принимались во внимание. А ведь это не только сэкономило бы многие сотни тысяч крон в год, но и могло приносить доход: падкие на сенсацию издатели охотно покупали бы такую информацию.

Все Дело в том, что речь первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР никто не осмеливался сократить.

Читая в «Правде» сообщения, что очередная речь Хрущева

опубликована большим числом буржуазных газет, мы обычно прикидывали, в какую громадную сумму это выливается и какой незначительный результат дает для воздействия на умы…

Многих из нас удивляла бездумная трата народных средств при поездках высокопоставленных должностных лиц из СССР в Швецию. Эти вояжи нередко превращались в туристические поездки за государственный счет для избранных. В страну викингов ехали без должного разбора, подготовки и цели министры, партийные работники, руководители главков, писатели и художники, депутаты, председатели и секретари край-, обл- и горсоветов.

За короткое время мне удалось увидеть, реже услышать и в какой-то мере, может быть не всегда точно, оценить деловые качества этих знатных путешественников в таком числе, что в Москве или Туле такой возможности не представилось бы за всю мою жизнь. На берегах Ботнического залива побывали министры Елютин, Гарбузов, Громыко, Бакаев, Фурцева; писатели Шолохов, Корнейчук, Эренбург, Фиш; председатель Моссовета Промыслов, секретарь Моссовета Пегов и множество других видных советских партийных и государственных чиновников и деятелей культуры и искусства.

Прибытие какого-либо министра или писателя, занимающего кресло члена ЦК партии или депутата Верховного Совета СССР, надолго выбивало из рабочего ритма все посольство. Гости обычно появлялись с большой свитой и интересовались не только государственными делами, но и ширпотребом, гастрономией, увеселительными учреждениями, рыбной ловлей, охотой. К слову сказать, Шолохов и Корнейчук категорически отказались выступить на собрании общества «Швеция-СССР», хотя такое мероприятие значительно подняло бы авторитет этой слабой организации. Елютин снизошел до доклада о постановке высшего и среднего образования в Советском Союзе. Выступление прошло гладко и интересно. Впечатление испортили вопросы, которые нельзя было предусмотреть и заблаговременно подготовить ответы. Естественно, что некоторые из присутствующих интересовались не только проблемами высшего образования, но и жизненным уровнем трудящихся, социальными вопросами, туризмом в рабоче-крестьянском государстве. Министр не был к ним готов, и вместо того, чтобы прямо об этом сказать, он начал фантазировать и показал полную неосведомленность о жизни в своей стране.

Многие из приезжавших боялись выступать перед шведами, избегали пресс-конференции, приемов. С лучшей стороны, чем другие, показал себя во время визита министр морского флота

СССР Бакаев, интеллигентный, обаятельный человек, покоривший шведов своей эрудицией и знанием дела.

Из писателей лишь Илья Оренбург не боялся выступать перед иностранной аудиторией. Он метко, остроумно парировал попытки задавать провокационные вопросы. Обращало на себя внимание крайне незначительное число настоящих специалистов, инженеров, ученых в большой массе партийно-советских работников, посещавших Швецию. А ведь в этой стране есть что перенять и врачу, и учителю, и агроному, даже если он и не является министром.

Если уж говорить честно, то в пропагандистском плане ансамбль песни и пляски Краснознаменного балтийского флота или грузинский танцевальный коллектив, не говоря уже о труппе Большого театра, давали значительно больше, чем все многочисленные высокопоставленные визитеры, вместе взятые. Артисты представляли шведам высокую культуру советского народа, его душу, его оптимизм и не только не требовали валютных расходов, но и сами зарабатывали деньги для государства…

Большие штатные излишества за рубежом сразу бросались в глаза. Есть ли расчет в такой небольшой стране, как Швеция, содержать, помимо приемщиков специальной продукции — кораблей, комплектных заводов и прочего — торговое представительство в сорок с лишним человек? Прав был один наш старший инженер торгпредства, который заявлял, что если бы ему несколько изменить условия работы, то он один справился бы с задачами целого отдела, а для этого нужно знать в первую очередь свое дело и один-два иностранных языка. Роль целого торгпредства в посольстве ФРГ в Стокгольме выполняет один коммерческий советник с секретарем-машинисткой. Понятно, там фирмы имеют прямые связи со шведами, но и товарооборот между этими странами значительно выше, чем у нас.

Нужны ли в Швеции шестьдесят ответственных чиновников в советском посольстве, загруженных работой, как правило, значительно в меньшей степени, чем служащие на родине?

Весьма отрицательно сказывалось на работе советских учреждений в Швеции плохое состояние с информацией о внешней политике СССР, его мероприятиях в отношении страны пребывания и соседних с нею государств.

В Стокгольме кроме посольства и торгпредства были представители других ведомств, которые вели самостоятельную деятельность и имели автономные каналы связи с Москвой. Все эти учреждения получали интересующую руководство нашей страны политическую, экономическую и военную информацию,

но должная координация их действий фактически отсутствовала. Не было единого руководителя, отвечающего за согласованность, взаимную проверку и повседневную взаимопомощь сотрудников различных, зачастую «конкурирующих» между собою структур. Каждый представитель различных министерств, комитетов и ведомств пытался опередить соседа в проведении того или иного оперативного мероприятия и самостоятельно доложить о нем в Центр.

Взаимодействие между послом, торгпредом и военным атташе, равно как и с представителями других ведомств, строилось не на основе четких директив и положений, обязательных для всех руководителей в Стокгольме, а на личных отношениях и симпатиях. Мыслилось, очевидно, что каждый ответственный работник за рубежом преисполнен государственной мудрости, партийности, скромности, сознательности и сможет самостоятельно найти правильную линию поведения в таком многоотраслевом коллективе.

К сожалению, на практике это было совсем не так. Например, посол Гусев крепко держал всех «самостийных» начальников в нужных рамках, но и постоянно помогал им, предоставляя в их распоряжение нужную информацию, систематически знакомил с основными задачами, стоящими перед посольством, советовался с ними по важнейшим вопросам. После его отзыва на родину по состоянию здоровья прибыл новый посол. Этот начал с общих для нас методов руководства: огульного охаивания всего, что было при предшественнике, запретил знакомить руководящих работников торгпредства МИД СССР и военного атташата с информацией, считая себя значительно выше всех своих сотрудников по уму-разуму и опыту. Он отменил практику коллегиального обсуждения важнейших проблем, постоянно подчеркивал разницу между собой и другими, окружил себя любимчиками. Понятно, что в таких условиях взаимодействие отдельных звеньев советского аппарата в Швеции заметно ухудшилось.

Могут спросить: а зачем мне все это надо? Дела эти никак не связаны с военной разведкой. Что я пекусь о них?

Верно, прямого отношения к «аквариумским» проблемам они действительно не имеют. Но так уж я устроен, что не могу равнодушно пройти мимо, если увижу непорядок. Хотя бы потому, что за державу обидно.

А впрочем, эти непорядки, упущения, глупости, если подумать, и разведку затрагивают. Почему? Да хотя бы потому, что бросают тень на нашу страну, наше общество, наших людей. Подрывают авторитет нашего Отечества в глазах иностранцев и

тем самым ослабляют вербовочную базу. Тут прямая зависимость. Деньги — деньгами, но ведь агент чувствует себя гораздо увереннее, если работает на могучее государство с умными и справедливыми руководителями, где царит порядок и все делается с умом, а не на страну непуганых дураков.

Могут также сказать: что толочь воду в «ступе», это ведь все когда было, о-го-го, в эпоху застоя, при тоталитарном режиме. Теперь, мол, совсем другое дело.

К сожалению, я не могу разделить такого ура-оптимизма. Верно, более трех десятков лет отделяют нас от тех времен. Многое изменилось, но управленческая система, властная вертикаль, по сути дела, остались без изменений со всеми присущими им бюрократическими методами, косностью, мздоимством, подхалимством, которые разъедают Россию много веков. Так что мое стариковское ворчание, глядишь, еще и пригодится.

Шпиономания по-шведски

Муже говорил, что немало интересной, а иногда и очень важной секретной информации военные разведчики, работавшие под прикрытием аппарата военно-дипломатического представительства при советском посольстве в Стокгольме, получали, общаясь со своими иностранными коллегами. Больше всего таких полезных для нас встреч проходило в рамках Ассоциации военных атташе в шведской столице.

Всего при соответствующих посольствах в шведской столице в шестидесятых годах было аккредитовано два десятка военных представителей, со своими аппаратами общей численностью до сотни человек в различных офицерских и генеральских званиях. Состав аппарата каждого военного атташе определялся двухсторонним соглашением между Швецией и соответствующим государством. А в общем, число военных дипломатов определялось не столько представительскими и материальными соображениями, сколько объемом задач, стоящих перед разведкой той или иной страны.

Англичане и американцы имели в Швеции по три самостоятельных аппарата военного, военно-морского и военно-воздушного атташе, для которых, несомненно, главной задачей была разведка, в том числе и агентурная, против СССР и союзных с ним государств. Голландец, датчанин, норвежец, турок, финн, западный немец, араб из ОАР в единственном числе представляли свои армию, флот и авиацию, австриец и швейцарец — только армию и авиацию, поскольку моря их страны не омывали. Многие из представителей армий малых стран были аккредитованы постоянно в Стокгольме, но числились одновременно по совместительству атташе во всех скандинавских странах, где они выполняли свои обязанности наездом. Этим не было необходимости да и возможности заниматься агентурной разведкой, так как значительную часть интересующих их сведений они могли получить непосредственно из штабов тех стран, где они были представлены, что не мешало им, конечно, помогать крупным западным державам в организации и ведении разведки против Советского Союза.

Несомненно, все военные дипломаты являлись профессиональными разведчиками, хотя каждый из них и пытался показать себя «чистым солдатом», далеким от политики.

Но иногда попадались вояки, которые, очевидно, не были профессиональными шпионами или не могли ими быть по каким-либо соображениям. Кто-то из них даже симпатизировал нашей

стране, кое в чем помогал нам. Впрочем, такие люди не долго задерживались в «дипломатах» и быстро освобождали место для более «способных», без левых взглядов.

Запомнился швейцарский военный атташе Рейнольд Галузер, выбившийся в полковники федеральной армии из крестьян. Он с уважением относился к советскому режиму и независимо высказывался по поводу ряда военно-политических вопросов. Полковника быстро сместили с должности.

Но таких, повторяю, было мало. Большинство служило своим правительствам ревностно, всячески избегало близкого общения с нами, дабы не испортить себе карьеру. Все мои западные коллеги старались как можно больше продлить свое пребывание на военно-дипломатической службе, которая помимо морального удовлетворения приносила и немалые материальные блага. Военный атташе Дании, например, получал в месяц свыше 10 тысяч крон. Это весьма солидная сумма, учитывая, что я с женой и дочерью жили безбедно, но мне платили в пять раз меньше.

Разноплеменная военно-дипломатическая ассоциация в Стокгольме разделялась тогда на три обособленные группы: представители СССР и других социалистических стран, военные атташе США и других натовских государств и «нейтралы» (Австрия, Швейцария, Финляндия). К последним примыкал и военный атташе ОАР.

Такое деление было, конечно, условным. Фактически группы «нейтралов» не существовало, так как финн и австриец не скрывали своих личных симпатий и от-, крыто заискивали перед американцами и западными немцами.

Возникавшие международные осложнения, как в зеркале, отражались в нашей многонациональной организации. Объявил Н.С.Хрущев о взрыве нашей водородной бомбы и о том, что стратегические, глобальные ракеты мы выпускаем как сосиски поточным методом — сразу чувствовалось охлаждение во взаимоотношениях даже с вечно улыбающимся шутником и весельчаком, душой общества голландцем Тен-Броком. В разгар Карибского кризиса, когда накал политических страстей достигал в Швеции особой остроты, американцы почти с нами не здоровались. Смягчалась напряженность в мире — и вновь налаживались отношения, слышались шутки на встречах, в ассоциациях завязывались беседы, происходил обмен мнениями.

Я уже упоминал, что наша разноплеменная организация возглавлялась дуайеном. На этот пост приглашался военный атташе, прослуживший самый длительный срок в Швеции. Для ведения несложной переписки и финансового хозяйства на общем собрании всех военно-дипломатических представителей и их

помощников избирался секретарь. Обычно им становился один из подчиненных дуайена.

Каждый член ассоциации независимо от должностного положения вносил ежеквартально 75 крон членских взносов, которые расходовались на организацию ежегодных балов в честь шведских офицеров, покупку прощальных памятных подарков при отъезде членов ассоциации на родину и тому подобное.

Весь корпус военных атташе и их помощников ежемесячно собирался в каком-либо клубе или ресторане на ленчи — вторые завтраки, более походившие на обеды. Эти совместные трапезы были весьма удобным поводом для бесед с нужными лицами. Тут обычно сообщалось об отъезде члена ассоциации к новому месту службы, вручались памятные подарки, обычно серебряная шкатулка или поднос с автографами коллег. Дуайен представлял обществу вновь прибывших генералов и офицеров. Иногда делались касающиеся всех объявления Командной экспедиции.

Поскольку такие завтраки не обходились без спиртного, к их концу участники становились разговорчивее обычного. Даже у молчаливых скандинавов развязывались языки, слышались шутки, анекдоты. Кстати, большинство военных атташе после своего приезда в страну через известный промежуток времени переходили на «ты» со своими коллегами, что не мешало им вести разведку друг против друга.

Помимо официальных встреч на ежемесячных ленчах и различных дипломатических приемах члены ассоциации собирались иногда, так сказать, в частном порядке. Это обычно приурочивалось к Рождеству или Новому году. Каждый участник встречи приносил с собою; помимо бутылки национального напитка (водка, виски, коньяк, джин, сливовица и так далее) какую-либо безделушку. Все это складывалось в мешок, и какой-либо добровольный дед-мороз с шутками и песнями оделял подарками пляшущих вокруг елки, которые выполняли далеко не христианские задачи. Затем устраивалась грандиозная пьянка с песнями, играми и танцами. Почти как русские вечеринки где-либо под Тулой с пением гимна выпивох «Шумел камыш».

На такие сборища приглашались обычно и шведские офицеры из Командной экспедиции. Дамы отсутствовали, так что получалось что-то в роде мальчишника.

С женами военные атташе собирались не менее двух раз в году на балы. Один обязательно давал министр обороны Швеции, другой был ответный в честь гостеприимного главы военного ведомства.

Балы обычно проводились в здании пехотного училища, разместившегося в старинном замке. Здесь учились еще

соратники короля Карла XII, войско которого разбил Петр I под Полтавой в 1709 году. Перед входом выстраивался почетный караул шведских солдат в экзотической форме столетней давности — в кирасах и киверах.

В назначенное время гости дружно садились за стол. Начинался торжественный обед по всем правилам: с водкой под закуску, белым вином под рыбу, красным под мясо, шампанским к десерту. После обеда от сдержанности и даже чопорности дам и их кавалеров не оставалось и следа. Начинались танцы, которые открывал министр обороны Свен Андерсон со своей супругой.

Веселье продолжалось далеко за полночь. Министр, который и сам был не дурак выпить, спиртного не жалел, и некоторые любители крепких напитков набирались до того, что расторопные солдаты-официанты деликатно отводили их в автомашины и отправляли домой. Обстановка создавалась самая непринужденная. Гостеприимный хозяин и его супруга были душой общества. Министр поспевал всюду. Он успевал перетанцевать с десятком жен военных атташе, побеседовать с мужьями, выпить за мир и дружбу в порядке общих тостов, сказать несколько коротких, но умных речей, стараясь не задеть никого ни на Востоке, ни на Западе. И все это экспромтом, без шпаргалки и суфлеров. В кулуарах за кофе с коньяком собирались группы уставших от танцев дам и кавалеров. Начинались шутки, создавались благоприятные условия и для деловых бесед.

В процессе общения с коллегами на официальных мероприятиях в ассоциации, на приемах в посольствах создавались вполне реальные возможности получения зачастую весьма интересной информации. Нужно было только умело использовать эти благоприятные условия, не игнорируя ни одно из таких мероприятий и руководствуясь народной мудростью, по которой «под лежачий камень вода не течет». Важно с первых дней своего пребывания в организации военных дипломатов показать себя знающим свое дело, веселым, общительным, интеллигентным человеком, с которым любому собеседнику интересно поговорить по широкому кругу вопросов.

Периодически все военные атташе приглашались в военные, военно-морские и летные школы, на учения гражданской обороны и хемверна, на экскурсии в музеи. Кстати, в военном музее у шведов хранятся пушки и знамена, захваченные у русской армии, потерпевшей в 1700 году жестокое поражение под Нарвой. Интересна выставка манекенов солдат шведской армии в Обмундировании и с вооружением от самых древних времен до наших дней.

Шведские военные власти периодически демонстрировали

нам обзорные военные кинофильмы, читали лекции по истории шведской армии и даже иногда демонстрировали свою, предназначенную на экспорт, военную технику, например, безбашенный танк «S».

Понятно, что все эти мероприятия касались совершенно открытых вопросов и какого-либо информационного интереса не представляли. Однако не посещать их нельзя. Пренебрежение к ним может быть весьма неблагоприятно расценено хозяевами. Если военный атташе не интересуется тем, что ему показывают открыто, то, значит, он занят чем-либо предосудительным и за ним целесообразно усилить контроль и наблюдение.

Понятно, что эти забавы все же в какой-то мере открывают официальные возможности общения наших офицеров с коллегами из капиталистических стран. Контакты со шведскими офицерами при этом в расчет принимать не приходится, так как на таких мероприятиях обычно присутствуют одни и те же лица из числа специально отобранных и подготовленных сотрудников

Командной экспедиции и штаба обороны, прямо или косвенно связанные с контрразведкой.

Приглашение военных атташе на учения в войска, на корабли и в Высшую военную школу проводится весьма неохотно и, как правило, без представителей армий социалистических стран.

Цель такого насыщенного плана представительских мероприятий по линии Командной экспедиции была совершенно ясна: создать видимость, что радушные хозяева готовы показать все о своей армии и отвлечь военных представителей от занятий более нужными для них делами.

А дел у сотрудников нашего атташата действительно было выше головы. Центр требовал, чтобы мы регулярно присылали документальную информацию о военных планах и намерениях главных натовских государств и скандинавских членов альянса, данные о новых образцах вооружения их армий, сведения о военно-промышленном потенциале стран Североатлантического блока, образцы боевой техники, особенно из области радиоэлектроники и телемеханики, в чем тогда Советский Союз отставал от Запада на много лет.

Понятно, что сама Швеция и ее вооруженные силы, несмотря на то, что они были щедро оснащены современной военной техникой, не являлись первостепенным объектом нашего внимания. 47 полков — вот и вся «великая» шведская армия — были изучены нами вдоль и поперек. Мы точно знали уровень боевой подготовки этих небольших вооруженных сил, о том, что их руководители давно сотрудничали с натовскими штабами.

Широкие экономические, научно-технические и торговые связи шведов с Западом открывали для нас большие возможности получать через них ценные сведения и материалы, прямой доступ к которым непосредственно в западных странах был практически невозможен.

В 1961 году нам через ловкого дельца-шведа удалось закупить в США целую лабораторию по изготовлению микромодулей. Отправлять ее из Швеции пришлось по частям в Финляндию, а оттуда в Советский Союз. Операция продолжалась несколько месяцев и закончилась успешно. Сложнее было обеспечить безопасность поставщика. Наш фирмач, имевший большую оптово-розничную торговлю радиоэлектронной аппаратурой, оставил у себя часть заказанного за океаном оборудования, дополнил его шведскими приббрами и создал у себя аналогичную лабораторию, что спасло его от крупных неприятностей.

В целях борьбы с реэкспортом своей техники в социалистические страны американцы периодически на выборку проверяли, как используется купленное у них оборудование. С согласия шведских властей они проконтролировали и нашего поставщика. Контролеры из посольства США, увидев у него лабораторию с оборудованием, на котором стояли американские фирменные знаки, успокоились и оставили нашего человека в покое.

По оценке специалистов, добытое нами уникальное оборудование сэкономило одному из московских научно-исследовательских институтов 1,5–2 миллиона рублей.

Сотрудник нашей резидентуры, проводивший эту операцию, был награжден орденом Красной Звезды. А это говорило о многом, учитывая большую скупость тогдашнего руководства на поощрения.

Понятно, что нелегальное приобретение и пересылка в Советский Союз образцов новейшей техники в условиях строгого контроля со стороны американцев и их шведских друзей превращали обычный процесс купли-продажи в сложную, иногда многоходовую агентурную операцию. Маклеров, имеющих возможность доставать такие образцы, приходилось разрабатывать и втягивать в работу как настоящих агентов. Встречи с ними прикрывались какими-либо рутинными сделками на поставку невинных товаров, типа медицинских шприцев и тому подобное.

Шведская контрразведка периодически публиковала фамилии местных коммерсантов, попавших в американские «черные списки». Нарушители привлекались к ответственности

своими властями.

После таких случаев дельцы прекращали свою деятельность и «ложились на дно», но через некоторое время сделки возобновлялись, так как они приносили коммерсантам хорошие барыши. Все начиналось заново: бес наживы силен!

Разведчикам трудно работать в Швеции. И не в последнюю очередь потому, что шведские власти, можно сказать, непрерывно поддерживают атмосферу шпиономании. И не только в шестидесятые годы, когда там был я, но и в наше время. Перманентная кампания усиленно подогревается прессой, радио, телевидением. И конечно, в качестве врага № 1 фигурировала раньше советская разведка, а ныне российская.

Для местных властей, начиная от полиции безопасности СЕПО, выполняющей контрразведывательные функции, и кончая Министерством обороны и дипломатическим ведомством, разницы тут нет. Если нет новых случаев «шпионажа Кремля», чтобы не затухал смрадный пропагандистский костер, в него подбрасывают набившие оскомину «сенсации». Чаще всего шведы обращаются к трагической судьбе шведского дипломата Рауля Валленберга, арестованного в январе 1945 года в Будапеште советской военной контрразведкой «СМЕРШ» и погибшего два года спустя в тюрьме МГБ, или к таинственным историям с нарушителями территориальных вод Швеции — подводными лодками.

В ход идут и материалы судебных процессов многолетней давности. При этом публикуются интервью с осужденными ранее, действительными и мнимыми иностранными агентами, отбывающими, как правило, пожизненное заключение за преступления против короля и отечества, свидетелями, судьями, работниками прокуратуры и защитниками.

Короче говоря, используются все современные средства воздействия на умы. Граждан призывают к максимальной бдительности, готовности защитить свое государство от врагов не только внешних, но и внутренних.

Шведы запуганы. Всюду им мерещатся коварные шпионы, диверсанты, подрывные агитаторы и пропагандисты. Этими злодеями, старающими выведать сокровенные государственные тайны, всегда представляются русские или их союзники.

Обычно всплеск очередной пропагандистской кампании приурочивался к рассмотрению в парламенте бюджета, выборам или какому-либо другому важному политическому событию, чтобы показать рядовым избирателям всю опасность, от которой их оберегают правительство и правящая партия.

Не только простые граждане вольно или невольно поддавались воздействию этого психоза. Лица, занимавшие официальные должности, гражданские чиновники, военные обязаны были докладывать своим начальниками о всех контактах с иностранцами и без служебной необходимости не встречаться с ними.

Этим объяснялись отказы офицеров шведской армии посещать приемы в советском посольстве, хотя они были далеко не прочь выпить и закусить за чужой счет. Но приказ есть приказ, и он выполнялся неукоснительно.

Во время одного из посещений Высшей военной школы мой сотрудник минут 10–15 наедине беседовал с преподавателем оперативного искусства. Через несколько дней начальник Командной экспедиции контр-адмирал Хеннинг дал мне понять, что содержание разговора ему почти дословно известно.

В другой раз мой помощник полковник Н. попросил у своего знакомого, служащего армейской киностудии «Армеефильмдеталь», дать ему для просмотра учебный несекретный фильм. Вместо фильма мы получили строгое предупреждение о недопустимости впредь каких-либо просьб к гражданам Швеции помимо Командной экспедиции.

Служба внешнего наблюдения контрразведки за передвижением дипломатов по стране использовала большое число добровольных помощников из числа жителей, которые считали своим долгом сообщать по телефону в полицию о передвижениях автомашин с дипломатическими номерами. Поэтому при посещении ресторанов и кафе, проживании в гостиницах, остановках в пути, особенно в сельской местности, где жители очень любопытны, нужно иметь в виду, что не только агенты контрразведки, но и добровольцы — обыватели из чувства гражданского долга могут наблюдать за иностранцем и сообщать о нем и его действиях. Труда это не составляет, поскольку телефон имеется практически в каждой семье и сельском доме. За донесение, оказавшееся по оценке полиции полезным, доносчик получает вознаграждение, размер которого зависит от важности информации. Это еще в большей мере подогревает патриотизм и усиливает активность доброхотов-сыщиков.

Все сотрудники аппаратов военных атташе в Стокгольме имели право без предупреждения властей передвигаться в окрестностях столицы на любое удаление при условии возврата в тот же день к месту жительства. Это давало возможность летом совершать без разрешения длительные путешествия на сотни километров от столицы. При поездках, связанных с ночевками, требовалось докладывать в Командную экспедицию за сутки в

письменном виде с указанием маршрута, продолжительности путешествия, пунктов ночевок. В этих условиях за нашими автомашинами устанавливалась непрерывная, зачастую демонстративно открытая слежка. Бригады наружного наблюдения в пути меняли агентов, автомашины, подключая санитарные и грузовые автомобили, иногда направляли женщин-филеров, но ни на минуту не выпускали наших людей из поля зрения. В обед — они заходили с нами в тот же ресторан, вечером — в кино, на ночь — в гостиницу.

Ночевать у частных лиц, в кемпингах и просто в поле или лесу нам категорически запрещалось, так как в этом случае, естественно, затруднялось наблюдение и опекаемые могли ускользнуть от непрошеной охраны.

Однажды после поездки на север страны в Хапаранду, когда сопровождение было особенно назойливым, я деликатно заметил начальнику Командной экспедиции: мы не имели бы ничего против, во избежание лишних расходов шведской администрации, взять одного из сопровождающих с собою в автомобиль в качестве гида. В ответ он хладнокровно ответил, что военный атташе Швеции в Москве полковник Хельм при поездках по стране вызывает у советской стороны еще большие хлопоты и расходы. Так что паритетность здесь сохраняется в полной мере.

В Стокгольме слежка контрразведки за нашими людьми начиналась обычно через две-три недели после их приезда и велась скрыто с использованием технических средств. Все сотрудники посольства имели меняющееся кодовое тональное обозначение, с помощью которого контрольный пост по радио информировал соответствующие бригады о выходе того или иного сотрудника и давал указания, какие меры наблюдения осуществлять по отношению к нему.

Меня и сотрудников моего аппарата контролировали, как правило, постоянно. Мне понадобилось несколько месяцев регулярно совершать вечерние прогулки, прежде чем удалось притупить бдительность наружного наблюдения. Слежку сняли, поскольку убедились, что эти моционы с женой и дочерью преследуют чисто оздоровительные цели.

Наши автомашины, содержащиеся в частном гараже, несколько раз при весьма странных обстоятельствах угонялись «неизвестными злоумышленниками». Через несколько дней полиция, проявив чудеса дедукции, находила пропажу и возвращала ее нам со следами далеко не дилетантского контроля кузова, шасси, моторной группы.

Неоднократно отмечался негласный обыск квартир сотрудников военного атташе. Он всегда проводился со знанием

дела, и, если бы мы не использовали специальные меры для обнаружения непрошеных визитов, они остались бы незамеченными. Следует учитывать, что привратники шведских домов обычно сотрудничают с полицией безопасности и всегда имеют дубликаты ключей от квартир. Они помогают оперативникам правдиво легендировать осмотр частных жилых помещений необходимостью срочного ремонта телефонов, нагревательных приборов, водопровода, канализации и тому подобное. При посещении квартир «ремонтниками» в отсутствие жильцов вполне допустима установка миниатюрных микрофонов для подслушивания в самых необычных местах. Это приходилось постоянно иметь в виду при проведении деловых бесед с гостями и говорить дома лишь на такие темы, По которым можно было бы спокойно выступать по местному телевидению.

Так для чего же в Швеции с давних времен поддерживалась атмосфера шпиономании против Советского Союза? Она казалась надуманной, более того, очень странной, так как любому разумному человеку в любой стране было ясно, что советская Россия вовсе не собиралась нападать на свою северную соседку. Швеция не интересовала разведку Кремля, так как со времен королей Густава II и Карла XII перестала быть врагом № 1 Москвы В двадцатом веке армия этого скандинавского государства, хорошо организованная, но малочисленная и не имевшая оружия массового уничтожения, не представляла для нас никакой угрозы.

Конечно, у высокоразвитой в промышленном отношении Швеции были военные технологии, которые держались в секрете и представляли несомненный интерес для Москвы. Вот наша разведка и занималась этим.

Плюс к тому, благодаря тесному союзу с Североатлантическим блоком, Швеции перепадали кое-какие военно=технические новинки, которые имели немалую ценность для нашей разведки. Так что главное для нас было то, что Швеция — удобный трамплин для развертывания эффективного шпионажа против США, Англии, ФРГ и НАТО в целом. Поэтому нам нужно было подробно и точно знать все, что делается в этой стране, какую подлинную, а не декларированную политику проводит ее правительство, куда смотрят ее правящие крути, какую новую и новейшую технику выпускает ее промышленность, какие стратегические планы вынашивает ее военное руководство.

Мы получали немало секретных материалов по этим вопросам от нашей агентуры. И, как оказалось, делали это не зря.

Именно тогда, в шестидесятые годы, шведская военная разведка (в скобках замечу, что политической разведслужбы в

этой стране никогда не было) установила тесное сотрудничество со специальными структурами Соединенных Штатов и Атлантического блока, которое продолжалось, как выяснилось недавно, на протяжении всех послевоенных лет. В частности, ЦРУ занималось подготовкой в Швеции диверсионных отрядов на случай оккупации страны советскими войсками.

Более того, шведские военные в то время, когда я был в этой стране, вели дело к созданию собственной атомной бомбы. Соответствующий проект маскировался программой защиты от ядерного поражения. Угроза такого поражения исходила, конечно, от «империи зла» — Советского Союза. На такое благородное дело шведское правительство без звука выделяло крупные ассигнования. Но фактически деньги шли на нужды «группы атомной бомбы», шведской, понятно.

Тогдашний главнокомандующий вооруженными силами Швеции генерал Т.Рапп и начальник штаба обороны генерал К.Альмгрен, не дожидаясь, когда будет готов первый заряд, чтобы не терять времени, поспешили разработать план превентивных ударов по своему восточному соседу. Они объясняли свою торопливость тем, что военная доктрина Швеции исходила из следующего положения: при наступлении на Западную Европу советское командование обязательно нарушит, мол, шведский нейтралитет. Как в 1940 году гитлеровский генералитет не посчитался с нейтралитетом Бельгии, Голландии и Дании, так и Советы бросят сейчас свои десантные войска на восточное побережье Швеции.

Вот почему Т.Рапп и К.Альмгрен планировали нанести, само собой разумеется, вместе с другими натовскими государствами, ответные удары по портам Прибалтики и Ленинграду, где должны были концентрироваться атакующие «коммунистические полчища». По их расчетам, для этой цели потребуется 10 ядерных бомб, а может быть и побольше, каждая из которых по мощности должна быть не менее той, которую во время войны сбросили американцы на Хиросиму.

Мы убедились еще в шестидесятых годах, что руководители вооруженных сил Швеции понимали: использование ими атомного оружия вызовет ответные удары советской армии по шведской территории. Они даже подсчитали потери не только среди шведских военнослужащих, но и гражданского населения. В штабе обороны также прикинули, сколько шведов погибнет при взрыве атомной бомбы в каждом из районов поражения в зависимости от плотности населения.

Шведские власти при каждом удобном случае публично упрекали Москву, что советская разведка занимается активной

разведывательной деятельностью против них. Но судите сами, что мы должны делать в свете фактов, которые я сейчас перечислил? Мы держали руку на пульсе военно-политических планов и намерений Стокгольма, чтобы вовремя предупредить агрессивные устремления наших скандинавских соседей, воспрепятствовать ущербу нашей безопасности.

Правда, шведская атомная бомба так и не была создана. В политических и деловых кругах Стокгольма в шестидесятые годы шла тщательно скрываемая дискуссия о том, нужно ли нейтральной Швеции такое оружие массового уничтожения. В конце концов в руководстве правящей социал-демократической партии верх взяли противники создания атомных зарядов. В 1968 году шведское правительство приняло решение подписать Договор о нераспространении ядерного оружия. Тем самым был положен конец деятельности «группы атомной бомбы» и перечеркнуты планы военных, связанные с доктриной ядерных ударов по противнику. Хотя по некоторым данным сторонники «атомной смерти» до начала семидесятых годов продолжали свою деятельность вопреки запрету парламента.

Нагнетание шпиономании шведские власти использовали для того, чтобы отвлечь внимание от своей разведывательной деятельности против Советского Союза. Да-да, нейтральная Швеция вела ее активно и, как выяснилось, во все времена. Теперь это установленный факт, и недавно официальный Стокгольм вынужден был признать, что с декабря 1943 года по март 1945-го военная разведслужба — в то время она именовалась «Бюро С» — переправила более 1200 уроженцев балтийских стран для ведения там шпионажа.

Переброска агентуры проводилась морем с острова Готланд и финансировалась главным образом английской и американской разведслужбами. Когда советские войска вошли в прибалтийские страны в 1940 году, то «Бюро С» направило туда своего сотрудника Хельмута Тернберга, который прикрывался деятельностью корреспондента крупнейшей шведской газеты «Дагенс нюхетер». Он создал там широкую шпионскую сеть. Она была раскрыта позже выдающимся советским разведчиком Кимом Филби, который внедрился в британскую разведслужбу Сикрет интеллидженс сервис (или МИ-6) и занял там один из руководящих постов.

Во второй половине пятидесятых годов шведская разведка заслала на территорию Прибалтики 14 шпионов, прошедших специальную подготовку в Стокгольме. Все они были арестованы, что дало основание советским властям направить Швеции ноту протеста. Скандинавские джеймсы бонды были схвачены за руку.

Но тогда шведский МИД, не моргнув глазом, отказался принять ноту Москвы. Лишь недавно премьер-министр Швеции Карл Бильдт набрался мужества и признал, что этот бесспорный факт сорокалетней давности действительно имел место и что тогдашний советский протест был оправдан.

Между тем шведский шпионаж в Советском Союзе, а с 1992 года и в России, продолжался своим чередом. Под вопли в Стокгольме о том, что деятельность российских разведывательных служб «не находится на приемлемом уровне», шведские военные разведчики не покладая рук «трудятся» на берегах Москвы-реки и Невы. Пример тому — задержание в феврале 1996 года российской контрразведкой шведского связника Ханса Петера Нордстрема, взятого с поличным. Вот тебе и «безобидная», нейтральная страна!

Что же касается вечно живого мифа о систематическом вторжении в шведские территориальные воды советских, а в последние годы российских шпионских субмарин, то после проведенных в 1994 году учений командование военно-морских сил Стокгольма вынуждено было заявить: береговая охрана, которая вела погоню за русскими подлодками, скорее всего ошиблась, отнеся на их счет шумы, которые производили «какие-то животные, возможно, выдры». Конечно, все предельно ясно. Но сказки о русских субмаринах шведские средства массовой информации до сих пор продолжают повторять.

Я не хочу, извините за грубое выражение, «пудрить мозги» читателям и доказывать, что Москва не ведет разведку против Швеции. Нет, такое происходит и на суше, и в воздухе, и в море, и в космосе. Точнее и честнее сказать, мы вынуждены это делать. Ведь в Скандинавии Вашингтон давным-давно создал удобные опорные пункты для деятельности своих резидентур — военных и гражданских — против Советского Союза, а теперь России. И мы обязаны были как можно подробнее, точнее и максимально своевременно знать, что делают здесь шведские, американские, норвежские, датские и другие натовские шпионские службы и военные структуры.

Работы было невпроворот. И мы никогда бы не справились с многочисленными заданиями, которые сыпались на нас из Центра, если бы не активная помощь наших верных помощников из числа шведских граждан.

Одним из них был ценный агент нашей разведки, назовем его «Викингом». О нем теперь можно рассказать, что я и делаю в следующей главе.

Дело Стига Веннерстрёма

Да, так звали нашего «Викинга», который сотрудничал со мной, и очень плодотворно, я не боюсь это сказать, два года.

Полковник ВВС Стиг Веннерстрём, когда я установил с ним связь, был начальником военно-воздушной секции Командной экспедиции министерства обороны Швеции. В прошлом он занимал посты военного атташе в Вашингтоне и Москве.

Это стройный, подтянутый офицер. Не скажешь, что ему уже 54 года. Он кипел энергией, был неутомим. Всегда в хорошем расположении духа, Стиг весельчак, интересный рассказчик, становился душой общества. К этому нужно добавить, что он был прекрасным спортсменом, мастером по горным и водным лыжам, чемпионом Швеции по керлингу[19], отличным стрелком и фотографом, летчиком, первоклассным водителем автомобиля. Имея хорошую общеобразовательную и военную подготовку, мой подопечный владел отлично финским, немецким и английским языками и весьма прилично французским и русским, не считая норвежского и датского, которые для него, как и для многих шведов, были фактически родными.

Все эти качества вместе с живым умом, быстрой сообразительностью и тактом, умением держать себя в обществе, дали ему возможность выдвинуться на довольно высокий по шведским меркам пост в министерстве обороны.

Стиг Веннерстрём был женат, имел двух взрослых дочерей. Он состоял в дальнем родстве с королем Густавом VI Адольфом и ряд лет, будучи еще майором, служил у него адъютантом. Затем начал делать военно-дипломатическую карьеру, очевидно, не без помощи королевского двора.

Видное положение в шведском обществе, широкие связи в военных, дипломатических и придворных кругах и практически неограниченный доступ к секретным документам государственной важности делали «Викинга» весьма ценным источником по большому диапазону мобилизационных, военно-технических и политико-экономических вопросов. И не столько касавшихся Швеции, сколько главным образом США, Англии и ФРГ — главных столпов НАТО.

По своим личным данным и возможностям Стиг Веннерстрём, пожалуй, был самым ценным агентом, которого имела российская военная разведка, а разведслужбу советской армии в историческом плане я рассматриваю как часть последней, после полковника австро-венгерского генштаба Альфреда Редля, передавшего перед первой мировой войной мобилизационные

планы Австро-Венгрии. Ценность «Викинга», как источника важной информации, была тем более высока, так как его официальное положение обеспечивало беспрепятственные, прочно легендированные контакты с советскими разведчиками, с которыми он встречался несколько раз в неделю по служебной линии — на дипломатических приемах в различных посольствах и мероприятиях, устраиваемых для иностранных военных атташе шведскими властями.

Веннерстрём жил на широкую ногу, часто ездил за границу — во Францию, Испанию, Швейцарию, принимал участие в международных соревнованиях по керлингу. Ему принадлежала шикарная вилла в пригороде Стокгольма. Он имел несколько слуг. Для всего этого требовались немалые деньги. Расходы превышали денежное содержание полковника, которое за вычетом налогов составляло около четырех тысяч крон в месяц. Эта сумма более чем в два раза превышала зарплату советского военного атташе в валюте, тем не менее не могла обеспечить тот уровень жизни, что вел наш друг. Однако когда я спустя некоторое время после начала работы со Стигом сказал ему, что в интересах его же безопасности надо бы быть поосторожнее в расходах, он стал успокаивать меня. Его жена, мол, состоятельная женщина, вилла — ее приданое, а поездки шведских офицеров за границу во время отпуска дело обычное, как, например, моих соотечественников в Киев или Минск, с той лишь разницей, что проездные билеты для этой цели шведы приобретают легче, чем мы, советские граждане.

— Два автомобиля в семье в нашей стране «всеобщего благосостояния» обычное явление, — утверждал «Викинг». — К тому же моя жена служит в банке и тоже имеет право ездить на работу в своем автомобиле.

В дальнейшем оказалось, что это не совсем так. Стиг, мягко выражаясь, выдал желанное за действительное, чтобы усыпить мою, как ему казалось, «чрезмерную бдительность». Конечно, он поступал довольно легкомысленно, а я поверил ему на слово. В результате большие суммы денег, которые расходовал Веннерстрём, вместе с некоторыми другими обстоятельствами в конце концов привлекли к нему внимание шведских контрразведчиков.

Личный контакт с «Викингом» я установил при моем первом визите в Командную экспедицию сразу же по прибытии в страну в конце октября 1960 года. Мой предшественник, ранее работавший с ним, представил меня как будущего куратора. Агент тут же в своем рабочем кабинете перегрузил из своего сейфа в мои

карманы 15 кассет от фотоаппарата «Лейка». Им было сфотографировано техническое описание недавно полученной шведами американской ракетной установки «Хок».

До весны 1962 года «Викинг» передал мне несколько тысяч кадров фотопленки с оперативными документами по военным, военно-политическим и военно-экономическим вопросам, касающимся не только Швеции, но и ее западных друзей. Зачастую эти материалы попадали в наш Центр раньше, чем к важным шведским должностным лицам. Сейфы штаба обороны практически были открыты для нас. Особенно ценными были документы по ракетному вооружению США и Англии, предлагавшими его для оснащения шведской армии.

Кроме документов, Стиг активно добывал оперативную информацию по текущим вопросам. Так, во время кризиса в районе Карибского моря он передал весьма ценное сообщение о приведении американских военно-морских сил в состояние боевой готовности и выходе соединений их атомных подлодок в Северную Атлантику для возможного блокирования советского флота в случае его попытки проникнуть в Атлантический океан, чтобы прорваться к Кубе.

Правда, передача срочной информации произошла в условиях совершенно недопустимых с точки зрения элементарной конспирации. Вот как это было.

Вечером по служебному телефону военного атташата в советском посольстве раздался звонок, и Веннерстрём, ничтоже сумняшеся, пригласил меня на ужин в один из ресторанов неподалеку от Командной экспедиции. Если бы не многолетнее сотрудничество с агентом, то такую неосторожность можно было расценить как провокацию. Отлично зная, что все переговоры по этой линии подслушиваются, пришлось в нейтральных выражениях поблагодарить за любезное приглашение и принять его, поскольку отказ был бы еще более подозрителен, а сам факт неслужебного контакта Стига с военным атташе был так или иначе уже зафиксирован на магнитофоне шведской контрразведки.

Во время встречи под шум оркестра, игравшего какой-то бравурный шлягер, я учинил ревностному информатору настоящий разнос за нарушение принципов конспирации и недвусмысленно предупредил, что если и дальше так пойдет, то в недалеком будущем мне придется в 24 часа покинуть страну, а ему пожизненно сидеть в тюрьме. Возможно, это было сказано чересчур грубо, но я должен был как следует встряхнуть своего ценного помощника, чтобы избавить его от провала со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями для нашего

общего дела и его личной судьбы.

В ответ неунывающий Стиг рассмеялся и сообщил, что связи советского военного атташе с местными жителями и иностранцами в основном контролируются лично им, и поэтому мои опасения совершенно напрасны. Он, как жена Цезаря, вне всяких подозрений. На всякий случай я все же рекомендовал ему доложить начальнику Командной экспедиции контр-адмиралу Хеннингу о нашем совместном обеде, выдав его за ответное протокольное мероприятие.

Тогда было трудно ожидать, что в ближайшее время мои опасения сбудутся в самом худшем варианте.

Поток информации от «Викинга» шел непрерывно. Веннерстрём фотографировал со знанием дела, выбирая наиболее важные сведения. Съемка производилась на особой пленке «Щит», получаемой из Центра. Эта пленка по замыслу ее изобретателей не поддавалась проявлению без специальной обработки секретными, неизвестными даже мне реактивами. К сожалению, как выяснилось в дальнейшем, все это оказалось блефом, и шведы после ареста нашего агента в течение нескольких дней подобрали рецептуру для ее проявления.

Получение кассет с пленкой, вручение вознаграждения, передача личных указаний Центра «Викингу» производились с использованием многочисленных представительских мероприятий, на которых Командную экспедицию, как правило, представляли начальники армейской секции подполковник Бундесон, военно-морской — командор-капитан Ларссон и военно-воздушной — Веннерстрём.

Обмен малогабаритными материалами с учетом широкой возможности личного общения с агентом проводился только на встречах. Обычно в беспорядочной толкотне какого-либо дипломатического приема, на который, как правило, приглашались мы оба, уловив удобный момент, «Викинг» незаметно передавал мне кассеты с отснятыми документами, сообщив предварительно сколько их. Я таким же путем вручал ему пакеты с пленкой «Щит» для дальнейшей работы. Письменные указания Центра и краткие оценки материала, полученного от него ранее, при необходимости передавались или устно, или в советских сигаретах, которыми на тех же представительских раутах приходилось угощать многих иностранных коллег, в том числе и нашего друга. Но предлагал я в последнем случае из особой коробки. И каждый раз дрожал — как бы не спутать!

Запомнился, так сказать, нештатный случай, когда на кино-

коктейле в моей квартире мне, как хозяину, пришлось сидеть между самыми почетными гостями — начальником Командной экспедиции и Веннерстрёмом. Во время демонстрации фильма, пользуясь темнотой, я получил от «Викинга» десяток кассет с материалами.

Такие операции с передачей информации в присутствии шефа военной контрразведки вряд ли можно часто встретить в практике шпионажа.

Я не пренебрегал и другими возможностями для получения документов, добытых нашим активным сотрудником. На одном из соревнований в беге по пересеченной местности с ориентированием, устроенным шведами для военных атташе и их помощников, я изо всех сил тянулся за блестящим спортсменом Стигом Веннерстрёмом и на ходу несколько раз нагибался, чтобы завязать обувь. На самом деле я поднимал связки кассет, которые он бросал на землю. Или во время шлюпочных гонок, организованных Командной экспедицией для Ассоциации военных атташе, нам со Стигом «случайно» досталась общая кабинка для переодевания. Лучших условий для получения информации от агента и его инструктажа трудно было представить.

Служебное положение нашего сотрудника позволяло в нужных случаях устроить локальные представительские мероприятия с приглашением ограниченного круга людей. Так им был организован ужин на собственной вилле для военных представителей нейтральных государств и стран народной демократии. Встреча была проведена исключительно с целью передачи мне срочного материала и прошла весьма успешно.

Вознаграждение «Викингу» выплачивалось поквартально в размере 12 тысяч шведских крон. В общем совсем немного, если учитывать огромную ценность информации. Банкноты были сотенные. Более крупные купюры выдавать считалось опасным, так как они обычно контролировались местными финансовыми организациями. Береженого Бог бережет!

Большие пакеты с деньгами и кассетами, заряженными специальной пленкой, передавались агенту либо при посещении его служебного кабинета в Командной экспедиции, либо же на представительских мероприятиях, проводимых довольно часто для шведских офицеров на моей квартире. В последнем случае материалы или деньги помещались в закрытую аптечку, висевшую на стене в уборной. Ключи имелись только у меня и у «Викинга». Он мог взять предназначенную ему посылку и оставить свою. Такие аптечки имелись почти в каждой шведской семье. Понятно, в нашем случае в аптечке тоже находился

необходимый минимум медикаментов: вдруг в нее каким-либо образом случайно заглянет посторонний.

Такая же аптечка висела и на вилле Стига.

Веннерстрём был необыкновенно деятельным и активным сотрудником, выполнявшим наши задания инициативно и старательно. За пятнадцать лет работы с нами он приобрел колоссальный опыт и буквально с полуслова понимал, что нам надо. Отпадала необходимость в длительном инструктаже. Все поручения он выполнял четко и точно. Лишь в одном отношении «Викинг» нуждался в постоянном контроле. Речь идет о вопросах конспирации. Помимо неосторожного вызова меня на встречу в ресторан агент допустил еще несколько грубых промахов.

Однажды в 1961 году он на своей служебной автомашине с сиреной и красной мигалкой подъехал прямо к дому, где я квартировал. Ему нужно было передать схему командного пункта правительства и штаба обороны на случай чрезвычайного положения. Эти документы вполне можно было вручить мне позже при более удобных и безопасных обстоятельствах.

В другой раз «Викинг» перехватил меня по пути на работу в посольство. И в этом случае срочной необходимости во встречи тоже не было.

Подобного рода инициативы были прекращены лишь после угрозы, что я откажусь работать с ним и доложу в Центр о его недисциплинированности.

Беспечность, самоуверенность, убежденность в своей безнаказанности, умноженные на спортивный азарт старого искателя приключений, были, к сожалению, характерными чертами Веннерстрёма. Приходилось с ними непрестанно бороться.

Весною 1961 года «Викинг» предупредил меня, что в октябре он, в соответствии с положением о прохождении военной службы в шведских вооруженных силах, должен уйти в отставку, поскольку ему исполнится 55 лет — предельный возраст для полковников, не имеющих перспективы получить звание генерал-майора.

Для меня было странным, что по достижении установленного предельного возраста оставить офицера в армии не может даже король. Каждый начавший военную службу швед знает точную дату своего увольнения, поскольку она совпадает с его днем рождения. Кстати сказать, в их стране существует строго соблюдаемый ритуал увольнения, обязательный для всех и меняющийся лишь в зависимости от звания увольняемого. Полковник принимает обычно парад своего полка, который

прощается таким образом со своим командиром. Офицеры организуют ему торжественный обед и преподносят памятный подарок. Король награждает каким-либо орденом или медалью, а высшее командование при необходимости решает вопросы трудоустройства увольняемого. Все точно расписано.

Сообщение об уходе Веннерстрёма на пенсию было не из приятных. Прежде всего с потерей должности в Командной экспедиции у него резко снижалась возможность добывать секретные документы. Он сразу переходил в категорию рядовых источников. Кроме того, он терял официальные контакты с сотрудниками нашей резидентуры. Нужно было срочно искать другие способы оперативной связи с ним.

Но закон есть закон. Если он еще к тому же принят в чужом государстве, то перешагнуть через него бывает весьма трудно. Приходится закон обходить.

В предвидении всех осложнений, связанных с переходом «Викинга», так сказать, в другое качество, я поручил ему подобрать в городском парке Дьюргорден по меньшей мере три тайника, продумать систему пользования ими и способы маскировки закладываемых в них материалов. Агент блестяще справился с этой задачей, найдя в заданном районе удобные во всех отношениях места для обмена малогабаритной почтой. Соответствующие сигналы вложения и изъятия закладок должны были ставиться по ходу моего движения от квартиры по Линнейгатан, дом 2 через парк Хуммлегорден до рабочего места в советском посольстве на Виллагата, 12.

Прежде чем опробовать систему безличной связи, понадобилось в течение двух месяцев усыплять бдительность шведской контрразведки, агенты которой обычно неотступно следовали за нашими сотрудниками. Мне пришлось начать регулярные ежевечерние прогулки с женою и семилетней дочерью вдоль живописного залива и канала, прорытого еще русскими военнопленными, попавшими в плен после поражения под Нарвой во времена Петра I. По маршруту длиной около пяти километров тайники располагались в дуплах деревьев, расселинах валунов и даже у основания памятника знаменитой шведской актрисе Дженни Линд.

Вначале за нами неизменно следовали на почтительном расстоянии представители «недреманного ока». Однако через пару недель, не выявив ничего подозрительного, филеры оставили это занятие, решив, очевидно, что пожилой советский генерал упорно борется за долголетие, совершая вечерний моцион, а это никакими королевскими законами не воспрещалось.

Убедившись в отсутствии постоянной слежки и проверив надежность тайников — «Викингу» таким способом было передано вознаграждение с тем, чтобы убедить его в надежности этого вида связи, — я сообщил в Центр о готовности резко сократить личные контакты с ним, а в дальнейшем, после ухода на пенсию, вообще общаться только таким образом. В ответ — основательный нагоняй. Меня упрекнули в самоуправстве: почему, мол, я перешел с агентом на безличную связь, не дождавшись санкции московских кураторов? Мне было предписано неукоснительно продолжать до особых указаний лишь личные контакты с «Викингом», используя для этого все подходящие возможности, и активизировать его работу по добыванию документов. И это в отношении человека, которого в Целях безопасности нужно было систематически сдерживать, поскольку он перед увольнением из армии, боясь, что мы от него откажемся, пытался развить недопустимо бурную деятельность, пренебрегая должными мерами предосторожности.

Примерно за месяц до увольнения «Викинга» кадровики предложили ему на выбор две гражданские должности: военного советника при министре иностранных дел Швеции и генерального консула в Мадриде. Желая при любых условиях сотрудничать с нашей службой, Веннерстрём попросил у нас совета с тем, чтобы выбрать наиболее интересный для советской разведки участок работы.

Мне казалось, что должность консула в Мадриде нас вполне бы устроила. Поэтому я предложил Центру дать согласие, чтобы «Викинг» занял этот пост. До полной «акклиматизации» на новом месте было бы целесообразно предоставить ему заслуженный отдых: не поддерживать с ним связи, короче говоря, «законсервировать» на год, выплатив вперед содержание. Это предложение Центр отверг и потребовал немедленно занять должность советника при главе дипломатического ведомства. Такой ход, по мнению наших московских кураторов, обеспечивал поступление военно-политической информации.

Весною 1962 года Центр решил организовать с Веннерстрёмом встречу в Хельсинки для подробного инструктажа о дальнейшей работе. Для этой цели туда прибыл один из заместителей начальника ГРУ. Не буду называть его фамилию. Такими деталями дела все равно не поправишь. К тому же он уже давно переселился в мир иной. Хочу лишь сказать: я до сих пор считаю, что это рандеву не вызывалось никакой необходимостью. Проинструктировать «Викинга» можно было распрекрасным образом и в Стокгольме.

В финской столице высокий гость почему-то привлек к организации встречи сотрудника наших «ближних соседей»[20], занимавшего по прикрытию хозяйственную должность в торгпредстве. В дальнейшем это обстоятельство, по всей видимости, сыграло роковую роль. «Ближний сосед» оказался негодяем: сбежал в Англию, где попросил политическое убежище. Изменник, несомненно, не забыл об «услуге», которую оказал видному чину из ГРУ, и сообщил британской контрразведке кое-какие данные о человеке, приезжавшем из Швеции в Финляндию.

В июне 1962 года мне было приказано передать «Викинга» на связь одному из сотрудников нашей резидентуры, работавшим под прикрытием первого секретаря посольства. Центр, конечно, исходил из благих побуждений. Раз агент перешел работать в МИД, ему будет, несомненно, проще встречаться на представительских мероприятиях, но уже не с военными, а с дипломатом. Но почему-то наши кураторы не учли то обстоятельство, что на все приемы в иностранных посольствах и рауты, устраиваемые шведским дипломатическим ведомством, «приглашаются обычно послы, советники и военные атташе. Сотрудники меньшего ранга там почти не бывают. Так что практически связь с Веннерстрёмом по этой линии, можно сказать, прервалась.

Но самая большая ошибка, которая привела к быстрому провалу «Викинга», заключалась в том, что о нем узнал предатель Пеньковский, ставший англо-американским шпионом. Будучи ответственным сотрудником ГРУ, он, правда, не имел прямого отношения к скандинавскому направлению. Но длительное время пользовался документами, которые добывал «Викинг». И хотя они были обезличены, этот иуда в конце концов понял, что в Швеции мы располагаем ценным агентом, и сообщил об этом своим хозяевам в Лондоне и Вашингтоне.

Оттуда наводку передали шведским спецслужбам. Остальное было делом сыскной техники.

22 июля 1963 года я пригласил для прогулки по морю на катере военных атташе Австрии, Нидерландов и Финляндии с женами. Поскольку моя супруга с дочерью в это время находились в Советском Союзе, мне пришлось выполнять обязанности и хозяина и хозяйки. Мы только начали сборы, как раздался телефонный звонок и наш временный поверенный в делах советник Г.Н.Фарафонов попросил меня срочно прибыть в посольство. Отправив гостей на прогулку со своим помощником полковником Н.И.Неборачко, я быстро отправился по вызову. Там, помимо Фарафонова, уже находился и консул Можаев.

Поверенный в делах зачитал ноту МИД Швеции, где указывалось, что 19 июля полковник в отставке Стиг Веннерстрём арестован полицией по обвинению в шпионаже, и поскольку в этом деле оказались замешанными советский военный атташе и первый секретарь посольства, шведские власти требуют их немедленного выезда из страны. У меня невольно вырвалось:'

— Я так и знал, что это произойдет.

Началось мучительное составление плана выезда из страны. Я предлагал отправиться на следующий день обычным рейсовым паромом, но мои мудрые коллеги воспротивились этому, опасаясь возможных провокаций. Срочно связались с министром морского флота СССР Бакаевым. Он распорядился прервать погрузку в Швеции советского сухогруза «Репнино» и на нем вывезти нас.

В первый и последний раз в жизни нам пришлось путешествовать через Балтику в персональном, почти порожнем сухогрузе водоизмещением 5 тысяч тонн с экипажем в четыре десятка человек. Нет необходимости распространяться о том, что настроение у меня было не из радужных. Было жаль загубленное дело, еще больше умного и преданного нам человека.

Беспокоила и личная судьба. Ведь меня будут обвинять в самом тяжком для разведчика проступке — допущении провала. В том, что в Центре всю вину и ответственность за случившееся попытаются взвалить на меня и моего коллегу, поддерживавшего в последнее время связь с «Викингом», сомнений не вызывало. В таких случаях всегда стремятся найти «стрелочника» либо «крайнего».

Обиднее всего было то, что промахи и ошибки в работе с Веннерстрёмом были для меня очевидны. Я делал все, чтобы их избежать, и виновным в их возникновении себя не считал. Да и новый сотрудник на протяжении последнего года работы с агентом вряд ли мог стать главным виновником катастрофы. Он был лишь исполнителем указаний Центра. Правда, сразу по прибытии в страну он мог деконспирироваться, как разведчик, и в дальнейшем облегчить шведским контрразведывательным органам выход на Стига. Занимая невысокую должность, он сразу же приобрел в личное пользование дорогую автомашину «Мерседес-220», в то время как в посольстве даже советники ездили на дежурной машине. Снял и солидно обставил хорошую квартиру, какой не было у его коллег. Относительно молодой человек, он бравировал знанием нескольких иностранных языков, проявлял неприсущую обычным дипломатам его ранга активность в контактах с людьми. Все это, несомненно, зафиксировала шведская контрразведка.

Моя вина состояла в том, что я недостаточно резко

протестовал против передачи агента на связь новому человеку, не располагавшему необходимыми данными для такой работы, смирился с запретом подготовки для Веннерстрёма условий безличной связи, не настоял на его «консервации» и посылке в Испанию, слишком пунктуально выполнял некоторые непродуманные указания Центра, в частности, по его активизации на новой службе.

Информации о планах дальнейшего использования «Викинга» не поступало. Поэтому распоряжения руководства, хотя они иногда и шли вразрез с моими убеждениями и местной обстановкой, приходилось выполнять с известными коррективами, в принципе не отменяющими этих распоряжений, а лишь смягчающими их и не делающими их абсолютно абсурдными.

За 12–14 часов, оставшихся до отплытия моего «персонального» сухогруза, я должен был сдать полковнику Неборачко материальные ценности, валюту, секретные документы, людей, подготовить личный нехитрый багаж. Как хорошо, что по счастливой случайности мои жена и дочь были уже дома и им не пришлось участвовать в неприятных перипетиях подготовки к скоропалительному отъезду.

Шведские власти обещали, что сведения о выдворении из страны двух советских дипломатов будут ими переданы в прессу лишь утром. Но уже с рассветом мою квартиру осаждали толпы фотокорреспондентов и репортеров газет, журналов, радио и телевидения. Все ждали получить интервью у советского генерала, которого выставляли из страны за шпионаж. Консьержка дома, где я жил, не знаю почему сообщила ищущим сенсаций «гангстерам пера и эфира», что Никольский уже уехал на морской вокзал, и все, обгоняя друг друга, ринулись туда. В общем, эта порядочная женщина, с которой мы с женой поддерживали — хорошие отношения, по собственной инициативе оказала мне эту последнюю услугу. Во всяком случае, я был ей весьма признателен за то, что она помогла мне избавиться от неприятного общения с развязными и наглыми представителями средств массовой информации.

Рано утром консул Можаев проводил меня в товарный порт. У пирса, где стоял наш сухогруз, уже дежурила автомашина с сотрудниками контрразведки, никого из провожающих не было, кроме Неборачко, вынужденного лично убедиться, как проходит отплытие, выдворяемых, чтобы донести в Центр. Коллеги боялись, как бы не скомпрометировать себя: чего бы не вышло! Вольно или невольно, но еще задолго до суда над провалившимся агентом мы фактически признали правильность обвинения шведских властей.

Не знаю, что мешало моим начальникам отправить нас на обычном рейсовом пароме, организовать традиционные проводы по установившейся традиции.

После обычных таможенных формальностей «Репнино» в полдень взял курс на Ленинград. До отплытия нам успели доставить свежие газеты, где были напечатаны наши фотографии и сообщение об аресте полковника Стига Веннерстрёма.

В Центре, как я и предполагал, руководству была доложена версия о причинах провала, диаметрально противоположная той, которую изложил я. Мой непосредственный начальник Коновалов всячески пытался опровергнуть возможность выдачи «Викинга» сотрудником «ближних соседей», сбежавшим из Финляндии на Запад, или нашим изменником Пеньковским.

В ход был пущен другой вариант: с агентом, мол, резидентура проводила слабую воспитательную работу, что привело к потери им бдительности. Кто-то из наших кураторов добавил к этому, что Веннерстрём якобы страдал патологической жадностью, которая толкала его, забыв об осторожности, добиваться во что бы то ни стало доступа к материалам, ставшим для него недоступными после отставки. Такое рвение вызывалось боязнью потерять дополнительный заработок. При этом ни слова не говорилось о нецелесообразности передачи «Викинга» на связь человеку, не имевшему возможность убедительно легендировать встречи с ним. И, конечно, никто не вспоминал о том, что Центр запретил нам поддерживать контакты с агентом через тайники.

Суд приговорил Стига Веннерстрёма за шпионаж в пользу Советского Союза к пожизненному тюремному заключению. В своем последнем слове он отрицал свою вину в том, что нанес ущерб безопасности Швеции. За раскрытие натовских планов его, естественно, не могли судить. В заключение наш друг заявил: история рассудит, что он прав, так как боролся за предотвращение новой мировой войны.

Я думаю, что последующее развитие событий оправдало жертву, которую принес полковник Веннерстрём. Карибский кризис не перерос во всемирный ядерно-ракетный конфликт, который не обошел бы стороной нейтральную Швецию. К слову, за послевоенные годы это не первый случай, когда не без усилий нашей разведки удалось избежать худшего для судеб мира.

Стиг Веннерстрём по достижении преклонного возраста был помилован и освобожден из заключения.

Я не знаю, что стало с нашим верным помощником, жив ли он сейчас или отошел в мир иной. В любом случае хочу еще раз

низко поклониться ему и выразить благодарность за все то доброе, что сделал он для нашей Родины, за его огромный вклад в дело сохранения мира на всей нашей многострадальной планете.

Новые поколения, несомненно, поймут Стига Веннерстрёма, убедятся в его честности и искренности и по совести воздадут ему должное.

Послесловие

Провал «Викинга» поставил точку на моей разведывательной карьере. От оперативной работы меня отстранили. Пару месяцев я проболтался в распоряжении ГРУ, пока шло разбирательство нашего дела.

В ноябре 1963 года меня назначили начальником факультета Военно-дипломатической академии. Спустя пять лет моя активная служба в вооруженных силах закончилась: последовало увольнение на пенсию.

Сидеть без дела я не мог. Сил у меня вполне хватало: ведь мне было всего 58 лет. Я и пошел работать вольнонаемным контрольным редактором в редакцию иностранной литературы Управления военным издательством Министерства обороны. Все сложилось хорошо: я не оторвался от армии и находился, можно сказать, в центре ее жизни.

Но годы есть годы. Они берут свое. В мае 1990 года мне стукнуло восемьдесят, и я во второй раз, теперь уже окончательно, ушел на пенсию. За 22 года через мои руки прошло более сотни книг, прежде чем они попали к читателям. Так что время это я потратил не зря…

На этом я заканчиваю свои, не очень причесанные записки. Наверняка многое упустил, кое-что сказал не так, как хотелось бы.

Не смог я упомянуть всех моих боевых товарищей, с которыми шел по трудным военным дорогам. Прошу извинить меня. Я держу их всех в памяти до конца дней своих. Но память моя оказалась гораздо объемнее, чем рамки этой книги, — их не раздвинешь.

Пусть не сердятся и те, кого коснулись мои критические строки. Сделал я это не из-за обиды или, тем более, не дай Бог, из мести, а в надежде на то, что мои замечания и советы помогут избежать ошибки, нелепицы, глупости в дальнейшем тем, кто пришел нам на смену. Ведь мне до сих пор близки проблемы военной разведки. Хочется, чтобы реформирование российской армии не нанесло ненароком ущерба разведуправлению, не повредило тонкие и деликатные механизмы добычи важной информации. Эти сведения так нужны нашим политическим и военным лидерам для принятия решений по трудным вопросам, непрерывно возникающим в нынешнем сложном многополюсном мире.

Меня беспокоит только одно: лишь бы не пострадала военная разведка и ее люди. Я имею право на это. Согласитесь, у меня

куда больше оснований, чем у изменника Резуна, сказать: «ГРУ — это любовь моя на всю жизнь». Ведь я честно прослужил в разведке более 30 лет, не нарушив присяги Родине и клятвы верности, которую дал, вступая в наше боевое товарищество.

notes

Примечания

1

Радек (настоящая фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885-1939) — деятель международного социал-демократического движения. Член ВКП(б) с 1917 года. Партийный публицист. В 1919-1924 годах член ЦК партии, член исполкома Коминтерна. Сотрудник редакций «Правды» и «Известий». Обвинен В троцкизме. Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

2

Мануильский Мануил Захарович (1883–1959) — советский партийный и государственный деятель. В 1928–1943 годах секретарь исполкома Коминтерна. В 1944–1953 годах зам. председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) и одновременно нарком (министр) иностранных дел Украины.

3

Соответствует нынешнему званию инженер-подполковника.

4

Красном — «красный командир», так называли в 20-30-х годах офицеров Красной Армии.

5

Общество содействия обороне, авиации и химзащите — массовая добровольная общественная организация граждан Советского Союза в 1927–1948 годах.

6

Большой четырехосный пассажирский или грузовой железнодорожный вагон.

7

Абвер — так называлась немецкая военная разведка и контрразведка.

8

После нападения гитлеровской Германии на СССР на его территории по просьбе польского эмигрантского правительства в Лондоне была сформирована из поляков, находившихся в Советском Союзе, армия под командованием польского генерала Владислава Андерса для совместной с Красной Армией борьбы против немецко-фашистских войск на советско-германском фронте. В марте-апреле 1942 года большую часть этой армии вместе с командующим эмигрантское правительство вывело за пределы СССР (через Иран).

9

Армия Крайова (по-русски Отечественная армия) в 1942–1945 годах действо

вала под руководством польского эмигрантского правительства в оккупированной фашистской Германией Польше. Руководство АК подготовило и начало Варшавское восстание 1944 года.

11

Крайова Рада Народова (по-русски Отечественный народный совет) — временный представительный демократический орган Национального фронта в Польше. Основан 1 января 1944 года по инициативе Польской рабочей партии. После освобождения страны от фашистов — временный парламент (до созыва Законодательного сейма, в феврале 1947 года).

12

Шарфюрер — унтер-офицер войск СС в фашистской Германии.

13

Американские военные полицейские.

14

Пригород Вашингтона, где размещается штаб-квартира Центрального разведывательного управления.

15

В то время Вальтер Ульбрихт был первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), а Отто Гротеволь — членом политбюро ЦК СЕПГ и премьер-министром ГДР.

16

Командная экспедиция соединяет в себе функции канцелярии Министерства обороны с отделом внешних сношений этого ведомства. Ведает деятельностью шведских военных атташе за рубежом и поддерживает контакты с иностранными военными представителями в Швеции. В ее функции входят также разведывательная и контрразведывательная деятельность.

17

Народно-трудовой союз — антисоветская эмигрантская организация.

18

Клистрон — вакуумный прибор, используемый в качестве мощного усилителя или генератора в военной технике.

19

Спортивная игра, цель которой попасть пущенной по льду битой (диск с рукояткой) в вычерченную на нем мишень. Распространена в США, Канаде, скандинавских странах.

20

На разведывательном жаргоне так называли сотрудников резидентуры КГБ СССР.